

КСАВЬЕ ДЕ МОНТЕПЕН

ИСКАТЕЛЬ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Ксавье де Монтепен

Искатель приключений

«Остеон-Групп»

де Монтепен К.

Искатель приключений / К. де Монтепен — «Остеон-Групп» ,

Ксавье де Монтепен — автор многочисленных авантюрно-исторических романов, живший во Франции в середине прошлого века. Тогда же он пользовался ажиотажной популярностью и в России. И хотя слава его никогда не превосходила славы его соотечественника Александра Дюма-отца, но чем-то их романы очень похожи. Может быть, тем, что и тот, и другой ареной головокружительных походов своих героев избирали Историю... Читателю предстоит преодолеть два увесистых тома приключений молодого бретера, картежника и фальшивомонетчика, жившего во Франции в середине XVIII века. И несмотря на то, что образ его жизни и занятий не может служить примером подрастающему поколению, но его благородство и нежное влюбчивое сердце полностью искупают его грехи... Два толстых тома из шести романов в одной электронной книге поместились полностью — и всё по цене 1 книги!

© де Монтепен К.

© «Остеон-Групп»

Содержание

Рауль, или Книга 1	6
Часть первая. Рауль и Жанна	6
I. Дорожная карета	6
II. Гостеприимство	8
III. Маленький Замок	10
IV. Обои	12
V. Мать и дочь	14
VI. Мадлена де Шанбар	17
VII. Доктор	19
VIII. Поручение	21
IX. Секрет Мадлены	23
X. Видение	25
XI. Преступный умысел	28
XII. Божье правосудие	29
XIII. Муж Глодины	32
XIV. Полицейский	34
XV. Бедная Жанна	36
XVI. Пробуждение	38
XVII. Любовь	40
XVIII. Ответы из Парижа	42
XIX. Отъезд	44
XX. Гостиница «Царь Соломон»	45
XXI. Тайное жилище	47
XXII. Дьявол	49
XXIII. Комедия	55
XXIV. Жанна	57
XXV. Пятница	60
XXVI. Свадьба	66
XXVII. Шпион	70
XXVIII. Донесение	75
XXIX. Ревность	77
XXX. Рауль и Жанна	79
XXXI. Портшез	81
XXXII. Виконт	83
XXXIII. Дуэль	85
XXXIV. Дон Реймон	89
XXXV. Рауль и Жанна	91
XXXVI. Мальтийские кавалеры	93
XXXVII. Шпага командора	96
XXXVIII. Покаяние	98
XXXIX. Лес	100
XL. Тет-Фульк	103
XLI. Оружейная	105
XLII. Привидения	108
XLIII. Кровавое пятно	109
Часть вторая. Эмрода и К	112

XLIV. Сын браконьера	112
XLV. Роже Риго	116
XLVI. Режинальд и Рауль	122
XLVII. Охота на кабана	124
XLVIII. Наследники	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Ксавье де Монтен Искатель приключений

Рауль, или Книга 1

Часть первая. Рауль и Жанна

І. Дорожная карета

15 ноября 17... года, около девяти часов вечера, почтовая карета, выехавшая из Сен-Жермена, быстро неслась по направлению к Парижу. Четверка лошадей, покрытых пеной и обливавшихся потом, ясно доказывала продолжительность и быстроту езды. Они скакали как будто посреди туманного облака, которое легко можно было заметить при бледном свете двух каретных фонарей. Ночь была необыкновенно темна и вне круга трепещущего света, бросаемого этими фонарями, нельзя было ничего различить.

Порывистый ветер глухо ревел между обнаженными деревьями Сен-Жерменского леса, и казалось, то стонал, подобно молящимся душам, то завывал, как тысячи гневных и грозных голосов. Клубы сухих листьев, вздымаемых вихрем, били в ноздри и грудь лошадей, с испугом поднимавшихся на дыбы: начинал падать частый дождь, перемешанный с довольно крупным градом.

Экипаж въезжал на покатость, почти отвесную, которая шла извилисто у подножия горы. Вдруг настоящий смерч дождя и града огромной массой упал на лошадей и карету. Один фонарь погас, кучер потерял шляпу и начал ругаться, лошади заржали со страху и попятились назад.

– Не надо искушать Бога! – прошептал кучер после минутной борьбы с упрямыми лошадьми.

Говоря таким образом, он слез с лошади и подошел к дверцам кареты. В эту минуту слуга в ливрее сошел со своего сиденья и встретился у дверей с кучером. Маленькая кожаная штора, защищавшая внутренность кареты от ветра и от дождя, несколько приподнялась, и громкий голос позвал:

– Жак!.. Жак!..

– Я здесь, кавалер, – отвечал слуга в ливрее.

– Отчего мы не едем? – спросил голос.

– Кучер, который имеет честь везти вас, кавалер, здесь, возле меня; угодно вам спросить его?

Голос повторил вопрос.

– В такую ночь и в такую погоду, – отвечал кучер, – невозможно править лошадьми...

– Ничего нет невозможного, стоит только захотеть... – возразил голос. – Садись на свое место, друг мой, и поедem...

– Лошади не хотят идти.

– У тебя в руках добрый кнут, что же ты не употребишь его в дело?

– Не поможет...

– Попробуй...

– Мы сто раз сломим себе шею...

– Если я рискую сломать свою, которая, надеюсь, получше твоей, то твой предлог никуда не годится....

– Вы властны сделать из своей шеи, что вам угодно, но у меня есть жена и дети; я хочу спасти свою шкуру...

– Итак, – спросил голос энергичным и вместе с тем несколько насмешливым тоном: – итак, ты не хочешь ехать?..

– Решительно.

– Это твое последнее слово?

– Это мое последнее слово.

Наступила минута молчания. Потом голос продолжал с удивительным спокойствием:

– Жак, ты здесь еще?

– Здесь, кавалер.

– У тебя есть золото в карманах?

– Есть.

– Дай десять луидоров кучеру, чтобы он сел на свое место и поскакал!..

– Слушаюсь.

Послышался металлический звук золотых монет в длинном кошельке, который слуга вынул из кармана.

– Эй, приятель! – сказал он кучеру. – Протяни-ка руку...

– Зачем?

– А вот я отсчитаю тебе десять луидоров.

– Не нужно.

– Как не нужно?

– Дайте мне двадцать, дайте сто, я все равно не поеду!

– Слышите, сударь? – сказал Жак своему хозяину. – Он не поедет и за сто луидоров!..

– О! Я слышу как нельзя лучше! – отвечал голос, – остается еще одно средство, и я думаю, оно непременно удастся...

Штора совершенно поднялась. Из кареты высунулась рука, державшая вещь, форму которой в темноте ночи невозможно было различить, и голос продолжал:

– Жак, вот тебе пистолет; разmozжи голову этому негодяю, сядь на его место и поезжай доброй рысью.

– Слушаюсь, – отвечал Жак, зарядив с величайшим хладнокровием пистолет, отданный ему хозяином.

Звук взводимого курка произвел магическое действие на бедного кучера.

– Поощадите!.. Поощадите!.. – вскричал он вне себя, бросаясь на колени.

Жак приложил дуло пистолета к виску несчастного, потом спросил, обращаясь к хозяину:

– Прикажете стрелять?

– Нет, если этот негодяй наконец решится повиноваться; да, если он еще будет упрямиться, – отвечал голос.

– Повинуюсь... повинуюсь!.. – вскричал кучер. – Я сделаю все, что вы хотите.

Одним прыжком он вскочил на седло и схватил поводья. Кожаная штора закрылась, и голос продолжал:

– Жак, наблюдай за этим негодяем. Я непременно хочу быть в Париже этой ночью...

По своей неизменной привычке, слуга отвечал утвердительно; кучер, без ума от страха, пустил лошадей во всю прыть, и карета полетела с быстротой молнии по крутизне, на которой, по всей вероятности, могла разбиться ежеминутно. Однако этого не случилось, и через несколько минут езды, такой же фантастической, как скачка Леноты в балладе Бюргера, карета покатила по дороге, более гладкой и менее опасной. Но лошади были пущены вскачь и быстрота их не замедлилась. Из-под подков сверкали искры; карета скакала по камням, в густом

мраке, подобно адскому видению; кучер чувствовал, как ему захватывает дух, и считал себя игрушкой какого-нибудь ужасного ночного духа.

Путешественник, которого слуга называл кавалером и который таким образом рисковал своей жизнью с безумной смелостью, поднял штору своей кареты, высунул голову, несмотря на дождь, бивший ему в лицо, вдыхал холодный ветер и, казалось, с наслаждением упивался быстротой езды.

II. Гостеприимство

За полмили от Сен-Жермена, между деревней Пор-Марли и несколькими домами Марли-ла-Машинь, находится и ныне крошечная деревушка, в которой живут исключительно крестьяне и рыбаки. Эту деревушку называют Ба-Прюнэ.

В то время, когда происходили события, рассказываемые нами, в этом месте находился только один дом, довольно простой наружности; однако же он походил более на дворянский, нежели на крестьянский. Дом этот окрестные жители называли Маленьким Замком. Герб, прибитый над дверями, ясно показывал притязания хозяев на дворянство.

Шагах в пятидесяти от Маленького Замка осенние дожди и воды, текущие с горы, отчасти испортили дорогу. Крестьяне, два дня ремонтировавшие дорогу, вырыли в одной стороне ее глубокую яму, около которой свозили булыжник и песчаник. В этот самый вечер, оставляя свою работу, они поставили на груде камней зажженный фонарь, чтобы предостеречь прохожих об опасности, но ветер погасил его. Непроницаемый мрак закрывал яму, и к ней-то неслась с невероятной быстротой карета, которую мы оставили у подошвы Сен-Жерменского спуска. Лошади продолжали скакать во всю прыть, и глухой треск кареты как будто предсказывал близкое ее разрушение. Вдруг они доехали до груды камней, о которых мы говорили, и ударились об нее с невероятной силой. Толчок был страшный: обе передние лошади пали замертво; две другие бросились в сторону и забились между оборванных постромок, между тем, как карета опрокинулась и разбилась. Жалобный стон раздался из кареты и замер. Слуга был отброшен шагов на десять. Третья лошадь, после тщетных усилий, упала на трупы двух первых. Подседельная, обезумев от страха, наконец освободилась от постромок и понесла с собою несчастного кучера. В двадцати шагах находилась река, наполнившаяся от постоянных дождей до того, что ее черные и глубокие волны доходили почти до краев дороги и катились с ужасной быстротой. Человек и животное исчезли в реке, закрывшейся над ними, как прозрачный и подвижный саван. Страшный крик агонии и отчаяния раздался в воздухе; но этот крик тотчас затих и слышался только шум бури и однообразный стук гигантских колес марлийской машины, казавшийся зловещим во мраке ночи.

Несколько минут протекло таким образом. Слуга, лежавший в грязи, подобно безжизненной массе, сделал легкое движение и, после двух-трех бесполезных попыток, наконец сумел встать на ноги. Он ощущал себя с головы до ног с очевидным беспокойством и не без удовольствия удостоверился, что он здоров и невредим: он отделался только довольно сильным ушибом. После подобного падения это, надо признаться, было большое счастье. Заплатив маленькую дань эгоистическому чувству самосохранения, Жак подумал о своем хозяине, которому, по всей вероятности, случай менее благоприятствовал. Он направился ощупью и хромя в ту сторону, где лежала разбитая карета.

– Кавалер!.. – сказал Жак тихим и очень взволнованным голосом.

Ему не отвечал никто.

– Кавалер! – повторил он несколько громче.

Тоже молчание.

«Может быть, – подумал Жак, – барин вышел из кареты».

И чтобы удостовериться тотчас же в основательности своего предположения, Жак засунул руку в одно из окон кареты и ощупал безжизненное тело кавалера.

«Черт возьми! – подумал он, – бедняга, кажется, находится в очень дурном положении!.. Посмотрим...»

Это, разумеется, было сказано в фигуральном смысле: мы уже знаем, что темнота была непроницаемой. Верный слуга отворил окно кареты, оторвал кожаную штору, шнурки которой не мог развязать, и притянул к себе бесчувственное тело, лежавшее в углу. Окно было узкое, и тело могло пройти в него с трудом, однако Жак удвоил усилия, и успех увенчал наконец его настойчивость. Без сомнения, эта операция причинила кавалеру сильную боль, потому что он испустил жалобный вздох несмотря на глубокий обморок.

– Он жив! – вскричал Жак. – Слава Богу!..

Он завернул тело в большой плащ и положил на сырую землю, прислонив головой к колесу разбитой кареты.

– Теперь, – продолжал он, добрый Жак, как видно, любил монологи, – теперь надо найти убежище на ночь... Наверно, хозяин до завтра не доживет, если пролежит в грязи!.. Придется поискать.

Он осмотрелся кругом, надеясь увидеть вдали свет, который мог служить ему маяком и довести до какого-нибудь обитаемого жилища. Надежда его не была обманута. В нескольких шагах показался слабый свет, сиявший в окне Маленького Замка.

– Слава Богу, – вскричал Жак. – Есть надежда!..

Он пошел в ту сторону, откуда сиял огонь, и дорогой чуть было не свалился в яму, главную причину всех несчастий этой гибельной ночи. Жак избежал, однако, от этого нового несчастья и благополучно дошел до дверей дома. У этих дверей висел тяжелый железный молоток в виде головы химеры. Жак ударил им два или три раза. Никто не отвечал на этот зов. Жак отошел от дверей и снова посмотрел в окно. Свет передвинулся на другое место. Стало быть, обитатели дома не спали, и если не отвечали на зов, значит, не хотели отвечать. Это был вывод совершенно логичный. Жак вернулся к дверям и принялся стучать сильнее и дольше, чем в первый раз. Наконец после нескольких минут ожидания, показавшихся слуге кавалера целым веком, в коридоре послышались легкие шаги. Они приблизились к двери, и женский голос – молодой и приятный, хотя и дрожавший от волнения и, без сомнения, также от страха, попросил в узкую форточку дверей:

– Не нарушайте спокойствия обитателей честного и мирного жилища, ступайте своей дорогой!..

И форточка закрылась.

– Ради Бога! – закричал Жак отчаянным голосом. – Ради Бога, выслушайте меня!.. От этого зависит жизнь двух человек!..

Без сомнения, голос бедного слуги был очень трогателен, потому что форточка тотчас же снова раскрылась и голос с удивлением спросил:

– Жизнь двух человек, говорите вы?

– Да, – отвечал Жак, – и если вы мне откажете, то будете отвечать перед Богом!..

– Чего вы хотите?

– Гостеприимства на эту ночь.

– Откуда вы?

– Из Замка Бом, в шести лье от Сен-Жермена.

– Куда вы едете?

– В Париж.

– Кто вы?

– Слуга несчастного дворянина, карета которого разбилась о груды камней, почти напротив вашего дома, и который теперь лежит без всяких чувств, в грязи и под дождем, посреди обломков своей кареты...

– Как зовут вашего хозяина? – сказал голос, видимо, взволнованный.

– Кавалер Рауль де ла Транблэ, – отвечал Жак.

– И вы говорите, что карета этого дворянина разбилась почти напротив нашего дома?..

– Я сказал это и повторяю.

– Не сердитесь на меня за весьма естественное недоверие, – продолжал голос. – Я удостоверяюсь в справедливости ваших слов и потом помогу вам, если вам действительно нужна моя помощь.

Форточка затворилась во второй раз, и шаги удалились по коридору. Через минуту в первом этаже растворилось окно и у этого окна показалась женщина с факелом, яркий свет которого осветил дорогу на одну секунду, прежде чем погас от ветра. Этой секунды было достаточно, чтобы осветить мертвых лошадей и обломки кареты. Обитательница Маленького Замка не колебалась более. Жак слышал, как отодвинули запоры, не менее надежные по своей многочисленности, как и по прочности. Ключ щелкнул в массивном замке, и дверь повернулась на своих петлях.

Слуга очутился лицом к лицу с молодой девушкой, черты которой он не имел времени рассмотреть подробно, но с первого взгляда она показалась ему изумительной красавицей. Эта девушка была одета в темное шерстяное платье. Она держала в руке лампу. Взгляд, брошенный ею на Жака, выражал уже не недоверчивость, но участие и сострадание.

– Какая ужасная ночь! – прошептала она, смотря на дорогу и прислушиваясь к шуму ветра и падающего дождя. – Поспешите принести сюда вашего кавалера; я приму его как могу, – прибавила она, обратившись к Жаку.

III. Маленький Замок

Жак не заставил молодую девушку два раза повторять приглашение. Едва она произнесла эти слова, он бросился к карете, взял на руки бесчувственное тело кавалера и вернулся в Маленький Замок скоро, как только позволяла его печальная ноша. Когда он переступил через порог гостеприимного дома, девушка заперла дверь и задвинула все запоры, потом обернулась к Жаку и сказала ему, сделав несколько шагов вперед:

– Идите за мной.

Жак повиновался. В эту минуту он находился со своей проводницей в длинной и узкой прихожей. Стены были голы: каменные плиты покрывали пол, направо и налево были двери.

Девушка отворила третью дверь направо и вошла в большую комнату, куда Жак последовал за нею. Она поставила лампу на высокий камин с грубыми скульптурными украшениями, зажгла две свечи, стоявшие в довольно плохом подсвечнике, и сказала Жаку, указывая постепенно на каждую вещь, о которой говорила:

– В этом алькове стоит кровать, возле камина лежат дрова, затопите его, приготовьте постель и уложите вашего хозяина... Я вернусь через десять минут спросить, не нужно ли вам чего-нибудь...

Не ожидая ответа и благодарности, девушка взяла лампу и вышла из комнаты. Шаги ее послышались на лестнице, которая вела в верхний этаж.

Комната, в которую она вошла, была средней величины, и в ее убранстве, немножко обветшалом, видна была роскошь прошлого века. Стены были обтянуты узорчатой кордовской кожей. Полинялый гобелен с мифологическими рисунками, покрывал пол. Два или три больших фамильных портрета как будто готовы были выскочить из своих рам, украшенных гербами. Герб, такой же, как на портретах, повторялся во многих местах между каминными укра-

шениями. Стулья были из черного дерева, так же, как и кровать с витыми столбами. Вокруг кровати тяжело драпировались широкие занавеси из пунцовой шелковой материи.

Под этими занавесями лежала женщина с закрытыми глазами и полуоткрытыми губами, скрестив руки на груди. Мертвенная бледность лица ее казалась еще бледнее от сильного отсвета, который бросали на него необыкновенно яркие занавеси. Эта женщина казалась спящей, но частые судорожные движения губ, шептавших прерывистые слова, не вязались со сном. Страдание обнаруживалось во всех чертах ее лица, во впалых щеках и в черных пятнах вокруг ее больших глаз. Лет ее, нельзя было определить с первого взгляда: ей могло быть и около сорока и около шестидесяти. Однако видно было, что она некогда была красавицей. Руки ее были белы, почти прозрачны, а необыкновенная худоба тела ясно читалась сквозь покрывавшее ее одеяло. Она раскрыла глаза и сделала движение в ту минуту, когда девушка вошла в комнату и приблизилась к постели.

– Жанна, – сказала она сухим и резким тоном, – где ты была?.. Зачем ты оставила меня так надолго? Ты знаешь, что я не люблю оставаться ночью одна.

– Вы, верно, слышали, добрая матушка, как сейчас стучались к нам в дверь? Не правда ли? – кратко спросила девушка.

– Слышала, – отвечала больная, – это, верно, были какие-нибудь бродяги... Может быть, воры.

– Совсем нет, добрая матушка; какой-то дворянин со своим слугой пали жертвами ужасного происшествия.

– Надеюсь, что ты велела им идти своей дорогой...

– Это было невозможно!

– Невозможно, говоришь ты? А отчего это, позволь спросить?

– Потому что карета этого дворянина сломалась и сам он ушибся, может быть, очень опасно; он теперь лежит без чувств.

– Что же ты сделала для него?

– Все, что повелевала сделать любовь к ближнему; я оказала ему гостеприимство.

Эти последние слова необыкновенно подействовали на больную; они как будто гальванизировали ее некоторым образом. Она приподняла свое исхудалое тело, облокотившись на оба локтя; глаза ее, оживленные на минуту, бросили молнию, и она повторила хриплым голосом:

– Ты оказала ему гостеприимство!

– Да, матушка!

– Оказала гостеприимство! – продолжала больная, отделяя каждое свое слово неприятным ироническим смешком. – Вот как! Впрочем, чему же тут и удивляться? Разве мы не так богаты, что не знаем, куда девать наши доходы? Разве у нас нет излишка в хлебе, чтобы питаться, излишка в дровах, чтобы греться? Разве у нас не слишком много масла, чтобы освещать нас? И притом не прекрасный ли поступок – растворить двери для прохожих и разделить с ними всю эту роскошь или, как ты говоришь, оказать им гостеприимство?.. Гостеприимство! Ха-ха-ха! Вот как! Стало быть, наш дом гостеприимен?.. А я этого и не знала... Признаюсь, все это мне кажется очень смешным!..

Проговорив все это, больная опрокинулась назад, задыхаясь от страшного припадка истеричного смеха. Девушка хотела было взять ее за руку, но она отдернула ее.

– Но Боже мой! Скажите же, что я должна была делать? – робко осмелилась спросить Жанна.

– Она еще спрашивает!.. – вскричала больная.

– Да, матушка, я спрашиваю.

– Надо было запереть двери и не впускать этих искателей приключений!

– Вы хотели бы, чтобы этот несчастный умер у наших дверей?

– Умер!.. Умер!.. Кто тебе сказал, что он умер бы? Притом какое нам до него дело?.. Никто на свете не заботится о том, живы мы или умерли... Не будем же и мы заботиться, живут другие или умирают!.. Будем делать другим то, что они делают нам!.. Это также поучительно!..

Больная замолчала, в новом припадке судорожной веселости она обернулась к стене и, несмотря на все настоятельные просьбы дочери, не хотела более говорить ни единого слова.

– Бедная матушка, – шептала Жанна, – как она страдает!.. Как сильно душевные и телесные страдания изменили и раздражили ее характер!.. Бедная матушка!..

И, не произнося ни одной жалобы на полученный прием, который, однако, казался ей незаслуженным, Жанна тихо вышла из комнаты и спустилась по лестнице на нижний этаж. Она постучалась в дверь той комнаты, в которую ввела незнакомцев. Жак спешно отворил ей.

Большой огонь был разведен в камине. Кавалер лежал на постели, куда заботливый слуга положил его, совсем одетого; глаза больного были закрыты, и он не подавал никакого признака жизни.

– В каком он положении? – спросила Жанна.

– Сердце бьется, – отвечал Жак, – но он все еще без чувств, и я право не знаю, как остановить кровь...

– Кровь!.. – вскричала молодая девушка с невольным трепетом. – Разве идет кровь?..

– Посмотрите...

И Жак, подойдя к кровати, поднял голову своего барина. Пурпуровая струя крови действительно пробивалась сквозь волосы из раны, находившейся повыше затылка. Распростертый, как мы сказали, на кровати, залитой кровью, Рауль не мог не внушить живейшего участия. Его бледное лицо оттенялось прекрасными каштановыми волосами, несколько приподнятыми по моде того времени, но не напудренными. Ему, по-видимому, было около двадцати восьми или тридцати лет, не более. Дорожный кафтан из фиолетового бархата, с золотой окантовкой, и атласный серый жилет обрисовывали изящную и гибкую талию. Лосинные панталоны выказывали совершенство ног и опускались в мягкие ботфорты с серебряными шпорами. Ничто не могло сравниться с удивительной тонкостью его белья, с красотой кружев на его жабо и манжетах. Руки и ноги, маленькие и аристократической формы, согласовывались с безукоризненной красотой лица.

IV. Обои

Картина, которую представляла в эту минуту комната, занятая Раулем, была достойна кисти искусного художника. Эта комната, повторяем, очень обширная, была обита старинными обоями в готическом вкусе, изображавшими царицу Савскую, подносящую дары царю Соломону. Наивный живописец, по рисункам которого были сделаны эти обои, вздумал придать большей части персонажей угрюмые и свирепые физиономии. Сам Соломон, несмотря на свой восточный костюм, походил более на атамана разбойников, нежели на царя, мудрость и красота которого вошли в пословицу; его придворные напоминали отставных солдат, а иерусалимские дамы имели вид женщин легкого поведения.

Среди всей этой странной обстановки, одна царица Савская имела черты тонкие и приятные, исполненные прелести и правильности. Ее прекрасное и выразительное лицо привлекало взоры. Но более всего необыкновенно странное сходство, о котором мы сейчас будем говорить, делало эту фигуру достойной внимания и участия. На полу не было ковра. Кровать, стоявшая в глубоком алькове, была дубовая, с резными украшениями, так же, как и стулья, и высокий, довольно неказистый шкаф. Яркое пламя в камине, две свечи и маленькая лампа освещали эту готическую меблировку до малейших подробностей.

Мы уже знаем, что Жак, стоя возле кровати, осторожно приподнимал голову своего хозяина. Слуге этому было около двадцати пяти лет. Лицо он имел откровенное. Сквозь грязь, покрывавшую его платье, виден был цвет его ливреи, красной с золотом.

Жанна, стоявшая в двух шагах от Жака, с ужасом и состраданием смотрела на рану кавалера. Минуту назад мы говорили о поразительном сходстве, и в самом деле, по странной игре случая, которая бывает чаще, нежели думают, головка молодой девушки была верным воспроизведением царицы Савской. Это были также белокурые волосы, изумительно густые и выющиеся от природы; те же глаза, темно-голубые, несколько продолговатые, с длинными черными ресницами; тот же овал лица, такие же губы. Словом, Миньяр, модный живописец того времени, не сумел бы написать портрета более похожего, если бы вздумал перенести на полотно восхитительное личико Жанны. Однако Жанне едва исполнилось семнадцать лет, а обоям – более двухсот.

– Боже мой! – повторил слуга. – Я не знаю, право, как остановить кровь... Посмотрите, как быстро течет она!.. Таким образом, мой бедный хозяин, пожалуй, лишится мало-помалу сил, а, может быть, и жизни...

– С Божьей помощью, мы поможем ему, – возразила Жанна.

Она отворила большой шкаф и вынула широкий кусок тонкого полотна, который подала Жаку, говоря:

– Приготовьте бинт и компрессы, а я пока схожу за тем, что нужно...

Жанна вышла из комнаты и тотчас же вернулась с чашкой, наполненной соленой водой. В ней она намочила компрессы, приготовленные Жаком, положила на рану и завязала голову. Кровь тотчас остановилась.

– Вы видите, – сказала Жанна.

В это время кавалер вздохнул глубоко, но с видимым облегчением. Глаза его раскрылись, но тотчас же закрылись, болезненно пораженные ярким светом свечей и огня в камине. Обморок продолжался, но легкий румянец понемногу покрывал бледные щеки.

– Нет никакой опасности, – сказала молодая девушка. – Несколько часов сна вылечат вашего барина.

Потом, исполнив обязанности гостеприимства, за которые мать так горько ее упрекала, Жанна уступила весьма естественному чувству любопытства и расспросила Жака о причинах, печальные последствия которых были налицо. Слуга рассказал ей с величайшими подробностями все то, что мы уже сообщили нашим читателям.

– Но, – спросила Жанна, – какая же причина побуждала вашего хозяина пренебречь до такой степени мраком и бурей?

Жак принял вид таинственности и сказал:

– Мне совершенно неизвестна эта причина: кавалер не обязан давать мне отчета... Вы окажете кавалеру важную услугу, – прибавил он через минуту, – если одолжите мне маленький фонарь.

– Зачем? – спросила Жанна.

– Нужно отыскать на дороге, посреди обломков кареты, несколько вещей, о потере которых он стал бы очень сожалеть.

Жанна опять отперла шкаф, вынула фонарь и подала Жаку, который тотчас же зажег и вышел, оставив дверь не запертой. Он скоро вернулся и принес пару превосходных пистолетов, в серебряной оправе, и небольшую черепаховую шкатулку, с инкрустациями из перламутра, слоновой кости и золота.

– Вы все нашли? – спросила Жанна.

– Нет еще, – отвечал лакей и тотчас вышел опять. Вторичное отсутствие Жака продолжалось долее первого. В это время Жанна рассматривала герб, вырезанный на золоте в середине черепаховой шкатулки; такой же герб был вырезан и на ложе пистолета, на серебряной бляхе.

Этот герб принадлежал к числу тех, которые на геральдическом языке называются гербами, изъясняющими происхождение фамилии. Он представлял золотую осину в красном поле, с девизом: ТРАНБЛЭ НЕ ДРОЖИТ.

Жак воротился, сгибаясь под тяжестью небольшого кожаного чемодана, который нес на плече; он стал на одно колено, чтобы легче сложить свою ношу; тяжесть была так велика, что чемодан вырвался у него из рук и упал на пол со страшным стуком. Без сомнения, этот чемодан или пострадал от сильного толчка в то время, как карета разбилась, или его кожа была уже очень стара, потому что теперь при падении в одном из углов его образовалась большая трещина и множество золотых монет со звоном покатались во все стороны.

– Сколько золота! – невольно вскричала Жанна, и зрачки ее расширились при виде драгоценного металла, но ни на один миг алчная мысль не промелькнула в голове ее.

– Да, – отвечал Жак, улыбаясь, – и славное золото!.. Только что вышло из-под пресса. Посмотрите... Посмотрите!

И слуга, как бы для подтверждения своих слов, поднял горсть золотых монет, поднес их к свечке для большего блеска, а потом подал девушке. Жанна взяла их и с любопытством начала рассматривать. Это действительно были красивые золотые монеты, совершенно новые, с изображениями различных европейских государей. Тут были французские луидоры в двадцать четыре и сорок восемь франков, и испанские квадрупли, и английские гинеи, и немецкие дукаты, и многие другие монеты, перечисление которых заняло бы слишком много времени.

– Неужели все это принадлежит вашему хозяину? – вскричала Жанна, не выдавшая даже и во сне такой огромной суммы.

– Все это? – повторил слуга, как будто не совсем поняв смысла этих слов.

Она повторила свой вопрос.

– Но кавалер имеет в двадцать раз, во сто, в тысячу раз более золота, чем вы видите здесь, – отвечал Жак. – Хотя, может быть, через шесть недель в этом чемодане не останется и двадцати пяти луидоров...

– Стало быть, ваш хозяин очень богат? – спросила изумленная Жанна.

– Так богат, – возразил слуга, – что можно с достоверностью сказать, он сам не знает своего богатства!..

V. Мать и дочь

Жанна сказала, мы уже знаем, что несколько часов сна вылечат больного; но девушка была не очень искусным доктором и предсказания ее не должны были осуществиться. Или кровь была остановлена слишком рано, или сильный ушиб причинил внутреннее расстройство, только с кавалером сделалась сильная горячка, и зловещий ангел бреда сел у его изголовья.

Жанна принесла Жаку хлеба, вина, холодной говядины и оставила его с больным; поэтому, она всю ночь не знала, что происходило в нижнем этаже. Когда она вошла в спальню матери, та спала или, по крайней мере, притворялась спящей. Жанна тихо прошла мимо нее и дошла до своей комнатки, смежной со спальней матери.

На другой день она встала на рассвете, чтобы узнать о состоянии больного. Она надеялась, как и накануне, незаметно пройти мимо кровати матери, но та подстерегала ее, как хищная птица свою добычу, и остановила ее, когда девушка готова была выйти.

– Пожалуйста сюда, – сказала она. – Я хочу говорить с вами...

Жанна подошла к матери, поцеловала ее руку и спросила, хорошо ли она спала.

– Очень дурно! – отвечала больная, – и по твоей милости!

– Жанна потупила голову и не отвечала.

– Да, – продолжала мать, – именно по твоей милости: ты сокращаешь мою жизнь своим сумасбродным неповиновением и упрямым характером!.. Ты не хочешь вспомнить, что каж-

дая новая черта твоей преступной расточительности отнимает день моей жизни... что у нас ничего не осталось... что голод скоро предупредит агонию болезни, потому что ты каждый день отнимаешь у меня кусок хлеба для посторонних, которым он не нужен!..

– О! Матушка, – прошептала Жанна, задыхаясь от слез, – извините меня, умоляю вас!.. Я не знала, что делаю дурно!..

– Ну, хорошо! – продолжала больная, – дело сделано, не будем более говорить об этом! Но я надеюсь, что сегодня же утром, сейчас же, сию же минуту ты выгонишь этих людей, которых приняла так некстати, и присутствие которых в моем доме беспокоит меня и надоедает мне!..

– Да, матушка... – пролепетала Жанна.

– Ступай же и поторопись!.. Не забывай, что ты мне нужна, и не жертвуй матерью ради людей, совершенно нам посторонних...

– Да, матушка... – опять отвечала девушка.

Она вышла из комнаты и медленно спустилась по лестнице, придумывая, каким образом исполнить данное ей неприятное поручение. Но бедняжка ничего не могла придумать и, когда дошла до порога комнаты больного, она еще не знала, какими словами скажет ему, чтобы он искал более гостеприимное убежище. Сердце ее сильно билось. Однако ее поддерживала смутная надежда найти кавалера де ла Транблэ на ногах и готовым к отъезду.

– Могу я войти? – спросила она, постучавшись в дверь.

– Можете, – отвечал Жак шепотом.

Девушка отворила дверь, и первый взгляд ее обратился к алькову. Кавалер все еще лежал и, казалось, спал глубоким и тяжелым сном. Только бледность еще более вчерашнего покрывала его лицо. Жанна тотчас поняла, что Раулю хуже.

– Он дурно провел ночь, не так ли? – спросила она.

– Ужасно!.. – отвечал слуга.

– Что же с ним было?..

– Почти тотчас, как вы ушли, с моим бедным кавалером сделалась горячка. Он бредил, не узнавал меня, говорил непрерывно самые безумные и бессвязные вещи; потом мало-помалу слабость заступила это ужасное волнение, он заснул и вот уже около двух часов погружен в сон, который еще продолжается...

– Что делать? – прошептала Жанна.

– Я ждал, когда вы придете – нужно сходить за доктором в Сен-Жермен.

– Да, вы правы... – сказала девушка, – ступайте, ступайте скорее.

– Насколько я мог судить о расстоянии вчера вечером, – продолжал слуга, – отсюда до города должно быть недалеко...

– Если вы поторопитесь, вы вернетесь меньше, чем через час.

– О! Я не буду терять ни минуты! – вскричал Жак.

И, присоединяя действие к словам, он поспешно вышел. Жанна заперла за ним дверь и медленно вернулась, размышляя обо всем, что было горестного в ее положении. Что она скажет матери? Как извинится за то, что нарушила ее приказания? А с другой стороны, как их исполнить?.. Как сказать этому несчастному больному, может быть, умирающему: «проснитесь и оставьте дом, в котором вас не хотят более видеть...» Жанна предпочитала перенести гнев матери и подвергнуться ее несправедливым упрекам. Однако, готовясь вынести грозу, она пошла посмотреть, не проснулся ли де ла Транблэ.

Рауль все еще спал. Разбросанные в беспорядке волосы отчасти закрывали его лоб, выказывая почти женскую белизну его. Сжатые брови и трепещущие губы показывали страдание, несмотря на сон. Мы уже знаем, что Рауль был хорош собой. В эту минуту в красоте его было что-то настолько трогательное, что сердце женщины не могло устоять перед чувством нежного сострадания.

Жанна долго на него смотрела и, возвращаясь к матери, была счастлива при мысли, что сможет пострадать за этого молодого человека, такого бледного и прекрасного. Почти всегда, о! дочери Евы, преданность в вашем сердце показывает дорогу любви!

– Ну?! – с живостью спросила больная, как только Жанна вошла в ее комнату. – Уехали они?..

– Нет, матушка, – отвечала Жанна с твердостью.

– Как нет?.. Я слышала, как открыли и закрыли дверь на улицу?

– Вы не ошиблись... это слуга пошел в Сен-Жермен...

– Конечно за каретой, чтобы увезти своего господина?..

– Нет, привезти доктора к умирающему кавалеру...

– Доктора? – закричала больная. – Доктора?.. стало быть, эти два авантюриста навек поселились в моем доме?.. Разве нужен доктор для пустого ушиба?.. Для царапины... Тогда как я медленно умираю без врача!.. Каково это?.. А позвольте спросить, кто заплатит за визит этому доктору?..

– О! Будьте спокойны, матушка... – отвечала Жанна с горечью. – Этот больной не будет стоить вам ничего: он богат.

– Богат!.. Откуда ты знаешь?.. Ты веришь, может быть, тому, что сказал тебе слуга?.. Разве ты не знаешь, что люди лжецы?.. Что самые бедные более всего говорят о богатстве?..

– Мне ничего не говорили, матушка, я сама видела.

– Что?.. Что ты видела?

– Золото этого незнакомца.

– Верно, несколько жалких луидоров.

– Тысячи луидоров, матушка, полный чемодан, и такой тяжелый, что слуга насилу его дотащил... когда слуга хотел снять чемодан с плеч, он уронил его... кожа треснула от тяжести и деньги покатались по полу...

– И ты дотрагивалась до этого золота?.. Ты брала его в руки?..

– Брала...

– Ты правду говоришь, дитя мое? – спросила больная, вдруг переменив тон и смягчив, как бы по волшебству, свой грубый и резкий голос.

– Истинную правду, – отвечала Жанна. – Кажется, матушка, я никогда вам не лгала!..

– Ну! – продолжала больная. – Ты хорошо поступила, моя милая!.. Признаюсь, сама не знаю, почему на меня нашло какое-то предубеждение против этого больного путешественника, но теперь я чувствую, что это предубеждение пропадает и что твое мнение решительно изменило мои мысли... Молод он?

– Молод, по крайней мере, так кажется.

– Хорош собой?

Жанна невольно покраснела, однако тотчас же ответила:

– Черты его показались мне очень правильными, но я видела его спящим и в то время, когда он был без чувств; притом, бледность должна очень его портить...

– Но все-таки, несмотря на это?.. – прошептала больная с настойчивостью.

– Он хорош, – сказала молодая девушка.

– Ты думаешь, что он дворянин?..

– Я в этом не сомневаюсь.

– Ты знаешь, как его зовут?..

– Слуга назвал его кавалером Раулем де ла Транблэ.

– Да пошлет Господь скорое выздоровление этому прекрасному кавалеру!.. – сказал больная со странной улыбкой. – Я помолюсь за него моей святой покровительнице...

В эту минуту постучались в дверь с улицы. Жанна подошла к окну, чтобы посмотреть. Это был Жак, вернувшийся назад с доктором. Девушка поспешила сойти вниз, чтобы отворить дверь пришедшим, и немедленно привела их к кавалеру.

Рауль проснулся в ту минуту, когда доктор, Жанна и слуга вошли в комнату. Он открыл глаза, приподнялся и обвел вокруг мутным взором, потом упал и голова его снова прислонилась к подушке, запачканной кровью. Очевидно, он не сознавал ни своего положения, ни того, где находится.

Доктор подошел к кровати, взял руку Рауля, пощупал пульс, потом развязал бинты и взглянул на рану. Девушка и слуга следовали за всеми его движениям с тревожным волнением. Окончив свой продолжительный и подробный осмотр, доктор покачал головой.

– Есть опасность? – спросила Жанна.

– К несчастью, есть, – отвечал он.

– Однако рана, кажется, не глубока?

– Рана ничего не значит и не она беспокоит меня.

– Чего же вы боитесь?

– Воспаления в мозгу...

– Ах, Боже мой! – вскричала молодая девушка, инстинктивно испугавшись этих слов, хотя и не совсем понимала смысл их.

– Да, – продолжал доктор, – потрясение было ужасное. Посмотрите на мутность и слабость взгляда, пощупайте лихорадочное биение пульса. Я опасюсь нервной горячки, а может быть, и столбняка.

– Что же надо делать?

– Я пущу кровь.

– А потом?

– Потом мы увидим.

– Если болезнь, которой вы опасаетесь, случится, когда это будет?

– Сегодня же.

– И сколько времени продолжится?

– По всей вероятности, столбняк окончит жизнь больного в несколько часов... Нервная горячка действует не так быстро, и в продолжение девяти дней можно еще сохранять некоторую надежду.

Заметим мимоходом, что все это говорилось при Рауле, но таково было положение молодого человека, что он не мог ни слышать, ни понимать слов, доходивших до его слуха.

– Вам нужно что-нибудь? – спросила Жанна. – Может быть, я мешаю вам... скажите, и я оставлю вас одних.

– Мне нужны таз, в который я мог бы пустить кровь, и полотняный бинт, чтобы завязать руку, более ничего.

Девушка тотчас подала все, что у ней спрашивали, и вышла.

VI. Мадлена де Шанбар

Наступила минута рассказать нашим читателям, кем были Жанна и ее мать. Наши объяснения будут довольно кратки. Лет за тридцать или тридцать пять до того времени, в которое происходят рассказываемые нами события, некто Гильйом де Шанбар, последняя отрасль фамилии, некогда могущественной, но выродившейся и почти обедневшей, получил в наследство отцовское имение Маленький Замок и несколько клочков плохой земли, принадлежавшей ему. Гильйом вступил в военную службу; но так как недостаточное состояние не позволяло ему купить полк, он прозябал в низших чинах. Поэтому мундир скоро опротивел ему, и он наконец отказался от службы. Приехав в свое имение, Маленький Замок, он проводил жизнь в

том, что удил рыбу в прекрасном рукаве Сены, которая, приведя в движение огромные колеса ренкен-сюалемской водной машины, протекала перед его домом, и время от времени стрелял зайцев или кроликов в небольшом поле, находившемся возле самого его забора. Без сомнения, эти маленькие удовольствия были очень однообразны и не составляли счастья, но все-таки, в своем роде, это было счастье, и Гильйом утешался им, убаюкиваемый тихими волнами своего безмятежного существования.

Дьявол, недовольный тем, что на земле есть человек, не жалующийся на свою участь, скоро вздумал вмешаться в дела Гильйома. Чтобы нарушить спокойствие его жизни, надо было вбить ему в голову любовь. Дьявол не пропустил этого случая.

Приехав однажды в Париж, Гильйом влюбился в очень хорошенькую девушку, называвшуюся Мадленой Обри. Не говоря уже о том, что Мадлена не имела за душой ни копейки, она еще и слыла за красавицу не очень строгую в отношении добродетели. Поэтому Гильйом сначала явился к ней не как жених, а только как влюбленный. К несчастью, он имел дело с хитрой женщиной, удивительно умевшей пользоваться слабостями тех, с кем она имела дело. Мадлена тотчас поняла, какую пользу может она извлечь из чрезмерного простодушия доброго Гильйома. Первый раз в жизни представлялась она жестокою; и в то же время, как это необыкновенная жестокость ставила ее в мыслях Гильйома на пьедестал высочайшей добродетели, хитрая девушка раздувала в нем огонь страсти замысловатым, но опытным кокетством. Сети были расставлены очень искусно. Гильйом должен был попасть в них и действительно попал. Не прошло и трех месяцев, как он предложил Мадлене Обри свое звучное имя, твердую руку и Маленький Замок, который мы уже знаем. Все это, разумеется, было принято. Мадлена Обри сделалась госпожою де Шанбар.

В одно время с этой женщиной несчастье вошло в дом бедного Гильйома. Мадлена сочетала в себе все пороки: гордость, беспорядочность, жажду к удовольствиям и разврату, а Гильйом был и слишком слаб и слишком влюблен, чтобы постараться положить преграду этим дьявольским страстям. Земля, принадлежавшая к Маленькому Замку, скоро была заложена, и потом мало-помалу перешла в другие руки.

Мадлена родила дочь, которую называли Жанной. Рождение этого ребенка ни в чем не изменило наклонностей и привычек матери. Между тем Гильйом совершенно разорился. Ему оставалось всего-навсего только его дом и небольшая пенсия из сумм короля. Тогда жизнь сделалась для него совершенно невыносимой. Мадлена каждый день с неслыханной горечью и запальчивостью упрекала мужа в разорении и бедности, которых сама же была единственной причиной. Гильйом не мог перенести этой жизни и умер с горя.

Вдова его была еще хороша; в ресурсах у нее недостатка не было, тем более что она не отступала ни перед чем, чтобы достать себе денег, и если до сих пор не совершала преступлений, так потому только, что не представлялся случай.

Такая жизнь продолжалась пять лет. В конце этого времени Мадлену постигла изнурительная болезнь. Она была вынуждена оставить Париж, где поселилась после смерти мужа, и возвратиться в Маленький Замок. Скоро она уже не могла вставать с постели. Истратив деньги, вырученные за проданные вещи, она продала жиду и свой дом за небольшую сумму, решив провести свои последние дни в Маленьком Замке. Несколько лет мать и дочь содержали себя на эти деньги, потому что жили одни, не имея возможности нанять служанку.

В ту минуту, когда мы познакомились с матерью и дочерью, деньги, полученные от жида, подходили к концу; никаких других средств к существованию не имелось, и перспектива томительной нужды, в соединении с постоянными страданиями, окончательно испортила характер Мадлены. Бедная Жанна с ангельским терпением переносила запальчивые вспышки материнского гнева. Молча и покорно склоняла она голову, хотя не имела недостатка ни в энергии, ни в твердости. Характером своим она была обязана себе самой и советам, которые в детстве давал ей отец, но у нее была одна из тех редких натур, в которых глубоко запечатлевается все

доброе и прекрасное и на которых зло не оставляет никаких следов. Мать никогда не говорила Жанне о религии, но молодая девушка была инстинктивно благочестива. Жанна читала Евангелие с уважением и неограниченным восторгом, обожая Бога во всех его творениях, в водах и в лесах, в цветах и птицах, и эта простая и, некоторым образом, первобытная набожность, стоила, по нашему мнению, всякой другой.

Теперь, когда мы представили читателям двух важных действующих лиц нашего рассказа, будем продолжать его, не прерывая.

VII. Доктор

Предсказания доктора осуществились в точности. Больной избежал смертоносного столбняка, но через два часа после кровопускания сделалась нервная горячка. Доктор, которому Жак заплатил заранее, и очень щедро, поместился возле кровати кавалера. К вечеру горячка усилилась и бред возобновился с большей силой, чем в прошлую ночь. В продолжение сорока восьми часов сряду доктор думал каждую минуту, что Рауль умрет; но затем больному сделалось гораздо лучше: бред прекратился и Рауль снова пришел в себя.

«Это мгновенный проблеск угасающей лампы! – думал доктор... – последнее усилие молодости, хватающейся за жизнь!.. скоро все будет кончено!..»

Иначе он не мог объяснить себе внезапного проявления сил в молодом человеке.

Придя в себя, Рауль смутно припомнил происшествия, сопровождавшие его отъезд из Сен-Жермена в бурную ночь, и катастрофу, последовавшую за этим. Он узнал своего верного Жака и угадал без труда, что незнакомец в черном платье, с умной, но льстивой физиономией, сидевший в креслах у его кровати и державший в руках длинную трость с набалдашником из слоновой кости, был доктор. Потом Рауль расспросил Жака, и ответы слуга подтвердили предположения господина. Де ла Транблэ обнаружил желание остаться на минуту наедине с доктором. Жак тотчас вышел из комнаты.

– Милостивый государь, – сказал ему Рауль, – придвиньтесь ко мне, прошу вас: я чувствую, что голос мой очень слаб...

Доктор поспешил исполнить просьбу больного. Рауль продолжал:

– Я буду просить вас оказать мне величайшую услугу, какую только человек может оказать другому человеку.

– Говорите, – сказал доктор, – я слушаю вас благоговейно.

– Но, – продолжал кавалер, – обещаете ли вы мне сделать то, о чем я буду просить вас?

– От меня ли это зависит?

– От вас.

– Это ни в чем не может скомпрометировать меня?

– Решительно ни в чем.

– Если так, я обещаю вам сделать все, что вы хотите.

– Вы клянетесь?

– Пожалуй, клянусь.

– Ну!.. Скажите мне правду.

– Правду? – повторил доктор с очевидным удивлением. – Насчет чего?

– О состоянии моего здоровья.

– Вы хотите знать, что я думаю о вашей болезни?

– Да.

– Задавайте вопросы: я буду отвечать.

– Во-первых, какая у меня болезнь?

– Нервная горячка.

– Был я в опасности?

– Да.

– А теперь?

Доктор колебался. Рауль повторил вопрос.

– Надеюсь, что нет, – сказал наконец доктор.

– Заклинаю вас, – продолжал кавалер, – хорошенько подумать о слове, которое вы мне дали сейчас!.. Для меня чрезвычайно важно знать в точности, сколько времени остается мне жить... От этого зависит весьма многое... Связи, соединяющие меня с высокими особами в королевстве, не могут быть вдруг разорваны; словом, моя жизнь не принадлежит мне и я не имею права умереть, не будучи предупрежден заранее...

Эти странные слова и хладнокровие, с каким они были произнесены, произвели на доктора глубокое впечатление.

«Этот человек, – подумал он, – высокого ранга, я могу откровенно говорить с ним, истина не испугает его...»

– Вы слышали, что я вам сказал? – спросил Рауль.

– Вы спрашивали меня, – отвечал доктор, – существует ли еще опасность?.. Существует.

– Стало быть, я могу умереть каждую минуту?..

– Да.

– Подумайте хорошенько и скажите, сколько часов могу я еще прожить?

– Я не могу отвечать на ваш вопрос положительно; в настоящем случае наука нема...

– Бред возвратится?

– Без всякого сомнения.

– Скоро?

– Вместе с припадком горячки, который скоро наступит.

– Итак, если я должен сделать какие-нибудь распоряжения, мне надо поторопиться, не правда ли?..

– Советую...

– Благодарю, – сказал Рауль, – благодарю тысячу раз, что вы положились на мое мужество и не скрыли от меня ничего... Теперь еще один вопрос... Остается ли надежда на выздоровление?

– Без сомнения, в вашем возрасте природа представляет множество средств до того сильных, что никогда не надо отчаиваться.

– Однако эта надежда очень слаба, не правда ли?

– Признаюсь.

– Благодарю еще раз... Теперь, когда вы сказали мне все, будьте так добры, позовите моего слугу.

Жак ждал в сенях и тотчас прибежал к барину.

– Друг мой, – прошептал ему кавалер, – возьми из чемодана двадцать пять луидоров, проводи доктора до дверей, отдай ему деньги и дай понять осторожно и вежливо, что я желаю, чтобы он более не возвращался. У меня есть причины действовать таким образом.

Жак тотчас повиновался. Хотя доктор нашел этот поступок очень необычным, однако в глубине души он обрадовался, потому что, считая Рауля уже при смерти, предпочитал, чтобы он перешел от жизни к смерти без его посредничества. Жак вернулся, исполнив поручение.

– Друг мой, – сказал кавалер, – через несколько часов меня не будет на свете...

– Что вы, кавалер! – вскричал слуга, остолбенев. – Что вы? Полноте!.. Это невозможно!..

– До того возможно, – возразил Рауль с улыбкой, – что это непременно случится... и, говоря откровенно, я не очень огорчаюсь... Заслуживает ли эта жизнь того, чтобы сожалеть о ней?

Жак не мог удержаться от слез; кавалер прибавил с живостью:

– Зачем приходить в отчаяние? Это ни к чему не послужит, да теперь и не время... Я должен отдать тебе приказания... Исполнение этих приказаний требует чрезвычайной поспешности, притом надо действовать очень осторожно... Я могу положиться на тебя, не так ли?..

– До самой смерти! – пролепетал Жак, рыдая.

– Ты знаешь, что я торопился возвратиться в Париж в ту проклятую ночь, в которую случилось с нами это несчастное происшествие?..

– Знаю, кавалер.

– Судьба решила иначе: вместо того, чтобы быть в Париже в добром здоровье, я умираю здесь! Но меня там ждали, и я должен был отдать некоторым особам бумаги, содержание которых должно остаться тайной для всех. Эти бумаги я поручу тебе отвезти по принадлежности.

– Я исполню ваши приказания в точности, клянусь вам!

– Подай мне черепаховую шкатулку, которую ты кстати догадался вынуть из кареты. Если не ошибаюсь, я вижу эту шкатулку на камине.

– Вот она, кавалер.

И Жак поставил на постель шкатулку.

VIII. Поручение

Рауль снял с шеи крошечный золотой ключик, висевший на черной ленте. Этим ключом он отпер шкатулку, из которой вынул два пакета с бумагами, перевязанными красными шнурками, припечатанными огромной печатью с изображением демона. Красным карандашом, который находился там же, в шкатулке, возле бумаг, Рауль пометил пакеты номерами 1 – м и 2 – м.

– Жак, – сказал он потом, – слушай меня хорошенько и не забудь ни одного слова.

– Положитесь на мою память, – отвечал слуга, – она не изменит.

– Ступай в Сен-Жермен, – продолжал Рауль, – возьми там почтовую лошадь и поезжай в Париж, не останавливаясь ни на минуту на дороге и не говоря с кем бы то ни было прежде, чем приедешь...

– Слушаю, кавалер.

– Приехав в Париж, тотчас сделай все, что я тебе скажу...

– Что бы это ни было, и пусть бы это стоило мне жизни, все ваши приказания будут исполнены...

– Ты видишь эти два пакета бумаг?

– Вижу.

– На каждом стоит номер; можешь ты прочесть эти номера?

– Первый и второй, – отвечал Жак, указывая пальцем на пакеты.

– Хорошо, – сказал Рауль, – я продолжаю: в Париже остановись на улице Шерш-Миди, в гостинице под вывеской «Царь Соломон».

– «Царь Соломон»! – повторил Жак. – Я запомню это название.

– Хозяин гостиницы, – продолжал Рауль, – низенький и худенький человек, лет шестидесяти. Скажи ему, что ты хочешь остановиться в Комнате Магов; он спросит тебя, откуда ты приехал... вместо ответа покажи ему этот перстень, только прежде открой чашечку...

Рауль снял с пальца перстень и подал его Жаку. Этот перстень был золотой, с ободками из полированного железа, и имел форму тех перстней, которые называются *chevalieres*. На чашечке была вырезана готическая цифра 5; чашечка эта оборачивалась кругом; на другой стороне ее открывался аметист, с резным изображением точно такого же демона, какой был представлен на большой печати, о которой мы уже говорили.

– Понимаешь? – спросил кавалер, объяснив слуге механизм перстня.

– Совершенно, – отвечал Жак.

– Хозяин гостиницы, – продолжал Рауль, – тотчас окажет тебе самое почтительное внимание и приведет в комнату во втором этаже, где оставит тебя одного. Вокруг этой комнаты ты увидишь большие шкафы, в которых висит множество костюмов разного сорта, всяких цветов, на всякий рост. Вместо своей ливреи надень полный костюм комиссионера.

Кавалер замолчал на минуту, потом вынул из черепаховой шкатулки железный ключ, сделанный чрезвычайно замысловато, и продолжал:

– В этой самой комнате, возле камина, находится большой сундук, с виду как будто из старого прогнившего дерева, но он только выкрашен таким образом, а на самом деле это сундук железный; он привинчен к полу. Отопри сундук этим ключом и положи в него пакет по номеру 2, а пакет под номером 1 спрячь в карман и ступай в улицу Св. Доминика, в отель маркиза де Тианжа.

– Я знаю это имя, – сказал Жак, – знаю, где и отель маркиза.

– По всей вероятности, швейцар тебя не пропустит. Поручи ему сказать маркизу, что тебя прислал номер 5, и маркиз де Тианж тотчас тебя примет.

– Что же я должен сказать ему?

– Отдай ему пакет и обрати его внимание на то, что печать цела... Он станет расспрашивать тебя обо мне, где я и почему сам не приехал. Не отвечай на эти вопросы, а скажи только, что на другой день, в какое время будет ему угодно, ты придешь за ответом, если он сочтет нужным отвечать на бумаги, которые успеет до тех пор прочесть.

– Не забуду ни одного слова, – сказал Жак.

Рауль продолжал:

– Оставив отель Тианжа, вернись на улицу Шерш-Миди, в гостиницу «Царь Соломон», возьми пакет под номером 2 и ступай в Пале-Рояль...

– В Пале-Рояль? – повторил Жак.

– Да, – ответил Рауль, – спроси Максима, камердинера регента, отдай ему перстень, попроси показать регенту и сказать ему, что принесший этот перстень требует немедленной аудиенции...

– Регент меня примет? – вскричал Жак с изумлением.

– Не только примет, но еще и не заставит ждать ни минуты, если только ты застанешь его в Пале-Рояле.

– А если его там нет, что мне делать?

– Дождись его возвращения, чтобы исполнить поручение как можно скорее.

– Как я должен себя вести в присутствии регента?

– Отдай ему бумаги и отвечай на все вопросы, какие он задаст тебе обо мне, только умолчи о том, в каком месте я нахожусь, и ни слова не говори об опасности моего положения... попроси его, кроме того, дать тебе ответ на другой день.

– Слушаю, кавалер.

– Получив оба письма, сними костюм комиссионера, надень опять свою ливрею, дай десять луидоров хозяину гостиницы, сядь на лошадь и возвратись как можно скорее сюда...

– О! Будьте спокойны! – сказал Жак. – Я не потеряю ни одного часа, ни одной минуты, ни одной секунды.

– Если ты застанешь меня в живых, – продолжал Рауль, – все будет к лучшему, и мы тогда посмотрим, что нам придется делать; если же напротив... если, я должен буду умереть...

Жак невольно перебил своего барина энергичным восклицанием. Кавалер знаком велел ему успокоиться и продолжал:

– Если, по возвращении, ты уже не застанешь меня в живых, сожги письма, которые регент и маркиз де Тианж дадут тебе, и возьми себе все деньги, находящиеся в чемодане; там несколько тысяч луидоров и я отдаю их тебе в наследство; пожалей обо мне, если хочешь, или забудь меня, если не будешь иметь времени думать обо мне...

Жак плакал. Рауль протянул ему руку, которую слуга поцеловал несколько раз и облил слезами.

– Ступай же, друг мой, – сказал кавалер. – Ступай скорее! Нельзя терять ни минуты, притом я так долго говорил, что совсем ослабел...

В самом деле, когда Рауль произносил последние слова, голос его уже начинал ослабевать, и ему казалось, что какое-то покрывало опускается между его глазами и окружающими предметами. В утомлении Рауль опустил голову на подушку, и Жак вышел из комнаты, напрасно стараясь обуздать свое горе.

IX. Секрет Мадлены

По мере того, как голова Рауля становилась тяжелее и возвращалась горячка, взгляд его невольно устремился на ту часть обоев, которая находилась прямо перед его кроватью. Кроткое и прелестное личико царицы Савской навело на него непреодолимое очарование. В странном состоянии, в котором Рауль находился и которое не походило ни на сон, ни на бодрствование, ни на спокойствие, ни на бред, это лицо являлось ему утешительным и покровительственным видением. Разгоряченное воображение кавалера представляло ему молодую царицу не как безжизненную фигуру на картинке, но как живое существо, и он верил, что это существо действительно находилось перед ним. Ему казалось, что она улыбается ему и протягивает руку; он не сомневался, что она подойдет к нему и принесет с собою выздоровление и счастье. Видно, что бред, исчезнув на мгновение, начинал возвращать свои права.

Но вдруг – странное дело! – вымысел сделался истиной. Сквозь прозрачный туман помутившихся глаз Рауль ясно увидел, что обои движутся. Фигура царицы медленно отделилась от окружающей ее группы. Походка ее была так же грациозна, как и красота. Маленькие ножки едва касались пола, но шума шагов не было слышно. Она вплотную подошла к молодому человеку. Рауль закрыл глаза, ослепленный блеском этого чудного явления.

– О!.. – пролепетал он почти невнятным голосом, – если бы вы не были царицей по вашей диадеме, вы были бы царицей по вашей красоте.

Едва он прошептал эти слова, как рассудок его совершенно помутился под жгучим давлением горячки, охватившей его мозг. Однако Раулю не пригрезилось ничего. Он видел действительно то, что мы рассказали.

В ту минуту, когда ему показалось, что обои движутся, дверь комнаты в самом деле отворилась. Когда он думал, что царица подходит к нему, Жанна действительно приблизилась к его постели. Преданность и сострадание, мы уже говорили, удивительным образом подготавливают к любви сердце женщины. Условия, в которых находилась Жанна, не позволили бедной девушке составить исключение из общего правила. Одинокая в жизни и свете, живя в уединении с матерью, раздражительный и жестокий характер которой мы уже знаем, Жанна вела жизнь однообразную и бесцветную, никуда не выходила и никого не принимала; стало быть, не было ли в порядке вещей, что она легко могла влюбиться в первого приличного мужчину, которого случай сведет с ней. А случай устроил именно так, что вероятность непременно должна была сделаться несомненностью. Образ Рауля соединял в себе непреодолимое очарование красоты, молодости и страдания. Как могло устоять против этого бедное сердце Жанны? И оно не устояло, тем более что это невинное и простодушное дитя не ведало жизненных опасностей и целомудренно предавалось грустному удовольствию окружать наивной нежностью умирающего молодого человека. Итак, Жанна страстно полюбила Рауля, который даже не знал ее.

В ту минуту, когда кавалер заметил ее в первый раз, она вошла в комнату, заперев дверь за Жаком, отправлявшимся в Париж. По обыкновению, она тихо проскользнула за занавесками кровати, чтобы прислушаться к дыханию Рауля. Ей показалось, что молодой человек спокойно спал. Тогда она вышла из комнаты так же осторожно, как вошла туда, и отправилась

к матери, которая приходила в негодование на слишком частое и слишком продолжительное, по ее мнению, отсутствие дочери.

Мадлена де Шанбар после перемены, совершившейся в ней, когда она узнала о богатстве больного, спрашивала о нем по нескольку раз в день и, казалось, принимала живейшее участие во всем, что касалось молодого человека. Ее заботливое любопытство простиралось даже до желания знать, что говорил и делал Жак, слуга Рауля. В этот день она поспешила спросить у Жанны:

– Ну! Как твой больной?

– Ему лучше, гораздо лучше; по крайней мере, мне так кажется, – отвечала молодая девушка.

– Слава Богу! – вскричала больная с притворной радостью, закусив себе губы до крови, чтобы скрыть гримасу обманутого ожидания. Потом она прибавила через минуту: – Мне показалось утром, что дверь улицы отворяли и затворяли два раза... Не ошиблась ли я?

– Нет, матушка.

– Кто же это выходил?

– Сначала доктор, а потом слуга.

– Куда уходил доктор?

– Он вернулся в Сен-Жермен.

– Надолго?

– Ему заплатили и отказали.

– Стало быть, он не вернется?

– Нет, если только его не позовут снова.

– А слуга куда послан?

– В Париж.

– Когда он должен вернуться?

– Он мне сказал, что через два или три дня.

– Не раньше?

– Нет, господин дал ему поручения, требующие, по крайней мере, столько времени.

– Итак, мы одни в доме с этим молодым человеком?

– Да, матушка.

– Это тебя не пугает, дитя мое?

– Меня, матушка?... Чего же мне пугаться? Кавалер де ла Транблэ опасно болен; притом, если бы он даже и выздоровел, нам нечего его бояться... напротив! Если бы какая-нибудь опасность угрожала нам, он, наверно, защитил бы нас!

Жанна произнесла эти последние слова с необыкновенным жаром.

– Как ты разгорячилась!.. – заметила мать с улыбкой.

Жанна очень покраснела. Больная продолжала:

– Ты, кажется, принимаешь участие в этом молодом человеке, и я нахожу, что это очень естественно...

– Да, матушка... – пролепетала молодая девушка.

– Так слушай же: в эту ночь мне пришла в голову одна вещь...

– Какая?

– Что от меня зависит вылечить его гораздо скорее, нежели могут сделать это все доктора на свете...

– Что вы хотите сказать? – с живостью вскричала Жанна. – От вас зависит вылечить его? Каким это образом?

– Я вспомнила драгоценный секрет, который в моей молодости сообщил мне один иностранный доктор, знаменитый по своему искусству... В свете много было шума и толков о чудесах, какие он делал со своими больными...

– Какой же это секрет, матушка?
– Сейчас узнаешь. Отопри шкаф, вделанный в стену за изголовьем моей кровати.
– Отперла...
– Взгляни на третью полку, с левой стороны, если я не ошибаюсь... что ты там видишь?
– Тут есть несколько небольших глиняных горшочков, есть сухие цветы и разные медные инструменты, которые мне неизвестны.

– А другие вещи есть?
– Есть много кое-чего.
– Посмотри, нет ли между этими вещами пузырьков?
– Есть много, различной формы и величины.
– Один из пузырьков должен быть наполнен темной жидкостью.

Жанна искала с минуту, потом отвечала:

– Вот он.
– Подай его мне; я хочу удостовериться, не ошибаешься ли ты.

Молодая девушка исполнила приказание матери. Мадлена де Шанбар внимательно осмотрела пузырек, откупорила его, поднесла к ноздрям и вдохнула запах с удовольствием, вероятно, очень сильным, потому что радостная молния сверкнула в ее глазах и улыбка раскрыла на минуту ее бледные губы.

– Да, – прошептала она потом. – Это именно то, что мне нужно... В этом пузырьке заключается надежное лекарство... – прибавила она вслух.

Жанна сделала радостное движение. Больная продолжала, обратившись к ней:

– Сегодня вечером, когда стемнеет, налей треть этой жидкости в лекарство этого прекрасного дворянина, которого ты называешь, кажется, Раулем де ла Транблэ... Постарайся, чтобы он выпил эту смесь, и завтра утром... завтра он перестанет страдать...

Услыша это, Жанна не могла произнести ни слова; она была так счастлива, что, казалось, это счастье некоторым образом парализовало ее. Она взяла пузырек из рук матери и хотела выйти из комнаты, чтобы скрыть свое волнение. Мадлена удержала ее.

– Еще одно слово, дитя мое.
– Что прикажете, матушка?
– Слуга кавалера де ла Транблэ не увез ли в Париж золота, о котором ты мне говорила?
– Нет, матушка, – отвечала Жанна, – но к чему этот вопрос?
– Просто из любопытства... какое нам дело, есть ли деньги у этого дворянина или нет?..

Ведь мы, конечно, не потребуем от него платы за то, что можем сделать для него...

– Конечно, нет! – вскричала Жанна, не замечая, с каким странным выражением говорила ее мать.

– Теперь, – продолжала больная, – ступай, дитя мое, ступай, ты мне более не нужна.

Жанна вышла.

Оставшись одна, Мадлена вскричала с энергией, к которой нельзя было считать ее способной, глядя на ее исхудалое тело и поблекшее лицо:

– Довольно нищеты! Довольно страданий... Раз и навсегда я хочу положить этому конец, и если случай бросил богатство к моим ногам, оно от меня не ускользнет, хоть бы мне пришлось поднимать его из крови!..

Х. Видение

Рауль провел день то в тяжелой дремоте, то в лихорадочном волнении. С утра одна постоянная идея примешивалась к его бреду. Образ царицы Савской поглощал все его мысли. Взор его не оставлял ее ни на минуту. Сердце его призывало ее, а губы безмолвно говорили с ней.

Несколько раз, так же, как и утром, грациозное видение подходило к нему: эта мечта тотчас возобновлялась, когда Жанна входила в комнату.

Между тем приближался вечер. Молодая девушка приготовила успокоительное лекарство, прописанное доктором, и к этому лекарству примешала третью часть темной жидкости из пузырька. Она осторожно отворила дверь и подошла к кровати потихоньку, чтобы не разбудить кавалера. У Рауля в самом деле были закрыты глаза. Жанна поставила на столик фарфоровую чашку, в которую был налит чудесный напиток, и так как сумерки распространились уже по комнате и не позволяли хорошо различать предметы, наклонилась так близко к спящему Раулю, что ее лицо почти касалось лица молодого человека.

«Как он бледен», – подумала она.

В эту минуту кавалер раскрыл глаза и вскрикнул от радости. На этот раз он не ошибался: его милое видение было так близко от него, что ему стоило только протянуть руку, чтобы прижать его к груди и удостовериться, что он не был игрой какого-нибудь обманчивого призрака. Рауль протянул руки и тотчас опустил их, ощупав пустоту, Жанна, угадав его движение, вдруг отступила со страхом и находилась уже в трех или четырех шагах от кровати.

– Ангел или фея, – прошептал Рауль, – зачем вы бежите от меня?

Жанна тотчас подошла и отвечала:

– Я не бегу от вас; напротив, я ухаживаю за вами...

– Ухаживаете за мною? – повторил Рауль с изумлением.

– Конечно...

– Стало быть, вы женщина?..

– Чем же я могу быть, позвольте спросить? – спросила молодая девушка с улыбкой.

– Феей, ангелом, добрым гением, как я сейчас вам говорил...

– Увы! Я не могу иметь притязаний ни на одно из этих сладостных названий... хотя и надеюсь сделаться для вас добрым ангелом, принеся вам выздоровление...

– Вы женщина! – повторил Рауль недоверчиво. – Нет, вы не женщина!..

– Вы думаете? – сказала Жанна с новой улыбкой.

– Я в этом уверен.

– Каким образом?

– Я видел.

– Что?

– Ваше преобразование... ваше превращение...

Жанна повторила оба эти слова, которые не имели для нее никакого смысла. Рауль продолжал:

– Я вас видел, как сначала из неодушевленной и безмолвной фигуры вы вдруг сделались передо мной таинственным и могущественным дыханием, одушевленным, живым существом...

Жанна все слушала и не понимала.

– Что вы хотите сказать?.. – прошептала она.

– Наконец, я видел, – продолжал кавалер, – я видел, как вы оставили таинственные обои, где вы находитесь в числе многих других фигур...

При странном и сумасбродном заблуждении молодого человека невозможно было оставаться серьезной. Жанна перебила Рауля громким смехом.

– Ах! – вскричала она, – я угадываю теперь!

– Что вы угадываете? – спросил кавалер.

Вместо ответа Жанна сказала только:

– Посмотрите!

С этими словами она сделала несколько шагов в сторону, и стала таким образом, что Рауль мог видеть в одно время лица ее и царицы Савской. При виде этого поразительного

сходства молодой человек был изумлен так сильно, что его ослабевший рассудок не позволил ему тотчас отделить заблуждение от действительности: глядя в одно и то же время на Жанну и на царицу, он не мог понять, какая из них была изображением и какая живым существом. Движение молодой девушки нарушило обман. Рауль понял все.

– Моя бедная слабая голова делает меня почти сумасшедшим, – прошептал он. – Извините же меня и позвольте узнать то, чего я еще не знаю; объясните мне, где я и кто вы?

В разговоре своем с Жаком Рауль, озабоченный поручением, которое давал ему, даже не подумал спросить у него, где он и у кого находится. Жанна отвечала с простотой, исполненной грации:

– Вы находитесь в доме, который называется Маленьким Замком и хозяева которого были так счастливы, что могли предложить вам скромное гостеприимство. Дом этот принадлежит моей матери, Мадлене де Шанбар, вдове дворянина. Я единственная дочь ее и зовут меня Жанной...

– И вы простерли свою доброту до такой степени, что сами ухаживаете за мной? – вскричал Рауль.

– Я сделала бы это в любом случае, – отвечала Жанна, – даже, если бы в моем распоряжении находилось много слуг... но теперь, мне кажется, нет никакой заслуги в том, что я ухаживаю за вами сама, потому что мать моя очень бедна и, несмотря на ее болезнь, ей уже давно некому служить, кроме меня...

Услышав этот трогательный ответ, Рауль бросил удивленный взгляд на меблировку комнаты, в которой находился. Мы уже знаем, что эта меблировка была роскошна, хотя и старомодна. Жанна поняла значение взгляда молодого человека.

– Вы правы, – продолжала она, – здесь ничто не показывает бедности, и это очень просто: прежде мы если и не были богаты, то, по крайней мере, не терпели недостатка... Теперь же мы совершенно разорились, и все, что вы здесь видите, уже не принадлежит нам... Из прежнего состояния у матери моей осталось только одно: право жить и умереть в этом доме...

– О! Боже мой! – вскричал Рауль. – Какая ужасная и незаслуженная бедность!

Он, казалось, колебался с минуту, потом прибавил:

– Если бы я осмелился...

– На что? – спросила Жанна.

– Я богат... очень богат и...

Рауль остановился.

– Что вы хотите сказать? – спросила молодая девушка. – Докончите!

– Может быть, – продолжал кавалер, – может быть, сумма, за которую ваша матушка согласилась бы продать этот дом, не огромна... и тогда...

Рауль опять остановился.

– Тогда? – повторила Жанна.

– Если бы я осмелился... предложить вам...

– Да что же?

– Необходимую сумму, чтобы выкупить дом.

– Но, – перебила девушка, – с какой стати, позвольте вас спросить, сделаете вы нам это предложение?

– Разве признательность, которой я вам обязан, не дает мне достаточного права?..

Жанна побледнела.

– Невозможно, – сказала она, – невозможно, чтобы вы говорили это серьезно!

– Клянусь вам... – прошептал кавалер.

– Не продолжайте, – заключила Жанна, – невозможно, говорю вам, чтобы дворянин осмелился предложить дочери другого дворянина заплатить ей за гостеприимство, которое он полу-

чил от нее; это предложение было бы оскорблением, а признательность, если вы думаете, что обязаны мне ею, не выражается оскорблениями!..

Девушка замолчала. Рауль смотрел на нее с восторгом.

XI. Преступный умысел

Наступила минута молчания между двумя действующими лицами из рассказанной нами сцены. Жанна потупила глаза; яркая краска сменила бледность на ее щеках; сердце ее сильно билось, грудь, целомудренно закрытая темным шерстяным корсажем, приподнималась. Она была восхитительна своей непринужденной грацией к величественной гордостью. Повторяем, Рауль смотрел на нее с восторгом. Однако он заговорил первый:

– Простите меня, умоляю, простите, если я невольно оскорбил вас...

– Охотно прощаю, – отвечала молодая девушка.

– Правда ли это?..

– Да, клянусь вам... я уже ничего не помню...

– Благодарю!.. Тысячу раз благодарю! – вскричал Рауль.

И он протянул Жанне свою руку, горевшую лихорадочным огнем. Жанна задрожала от его прикосновения и поспешила отдернуть свою руку.

– Неужели я вас пугаю? – горестно прошептал кавалер.

– О! Нет!.. – вскричала молодая девушка с живостью, выдававшей тайны ее сердца.

Наступило молчание; потом Жанна продолжала:

– Я сказала, что надеялась быть вашим добрым ангелом и принести вам выздоровление...

– Помню... – сказал Рауль.

– Я сдержу слово...

Говоря таким образом, Жанна взяла со столика фарфоровую чашку и подала ее больному.

– Что это такое? – спросил Рауль.

– Обещанное выздоровление, – отвечала молодая девушка.

Рауль взял чашку и поднес ее к губам, но почти тотчас же отдернул руку.

– Это странно! – прошептал он.

– Что такое?

– По запаху этого питья можно подумать, что в нем заключается огромная доза опиума...

– Я не знаю, что вы хотите сказать, – возразила Жанна, которая и понятия не имела об опиуме.

– Это лекарство, – спросил Рауль, – не то, которое до сих пор приготавливали для меня?

– То самое, с прибавкой нескольких капель жидкости, которую я влила в него.

– Какой жидкости?..

– Не знаю. Матушка хранила ее старательно и посоветовала мне дать вам, расхвалив ее чудесные свойства. Если вы выпьете сегодня вечером, сказала она, то завтра перестанете страдать... Почему же вы не хотите выпить?

– О! – сказал Рауль восторженно, – я охотно выпью даже яд, если этот яд подадите мне вы!..

Он снова поднес чашку к губам и разом выпил все.

– Я знал, – прошептал он тихо, – знал, что это опиум!..

Голова молодого человека почти тотчас же опустилась на подушку; еще несколько минут глаза его оставались открыты, но смотрели неподвижно и без всякого выражения.

– Вы страдаете? – спросила Жанна с беспокойством.

Рауль не отвечал. Через минуту веки его опустились на глаза, и он, казалось, заснул спокойным и глубоким сном. Жанна возвратилась к матери.

– Ну! – спросила больная, – он выпил?

– Выпил, – отвечала девушка.

– А теперь?

– Теперь спит.

Молния торжества осветила лицо Мадлены.

– Спит... – повторила она. – Это добрый знак!..

Было около полуночи. Небольшая лампа, зажженная Жанной, слабо освещала утомленное лицо кавалера де ла Транблэ. Молодой человек лежал точно в таком же положении, как и несколько часов назад, не сделав ни малейшего движения с тех пор, как непреодолимый сон овладел им.

Жанна давно спала в своей комнате. Из трех обитателей Маленького Замка не спала одна Мадлена. Эта женщина, изнуренная болезнью и страданиями, представляла в настоящую минуту живой и зловещий образ преступления и угрызений совести, поскольку одно обыкновенно следует за другим. Освещаемая печальным светом ночной лампы, горевшей в ее комнате, старуха приподнялась на своей постели. Ее длинные седые, растрепанные волосы покрывали шею и исхудалые плечи; глаза ее сверкали, она прислушивалась и вздрагивала при малейшем шуме.

Вдруг она решилась, откинула одеяло, спустилась с кровати и два или три раза попробовала удержаться на ногах. Но она давно уже потеряла привычку ходить, и притом одна ее нога была почти разбита параличом. Она упала сначала на колени и приподнялась только через несколько минут, после неслыханных усилий, походя на изрезанную змею, старающуюся соединить разбросанные куски своего тела.

Поднявшись на ноги, Мадлена, опираясь руками на мебель и скорее тащась, нежели идя, добралась кое-как до дверей комнаты дочери и заперла ее задвижкой, так что Жанне невозможно было выйти. Сделав это, Мадлена опустила на ковер и, ползком пробираясь вдоль стены, потому что не могла более держаться на ногах, доползла до того места, где, в виде трофея, находилось оружие, принадлежавшее Гильйому де Шанбару. Тут она приподнялась, схватила первое попавшееся ей под руку оружие и снова упала на ковер, судорожно сжимая свою добычу.

Мадлена не могла не улыбаться, увидев, как удачно поспособствовал ей случай. Оружие, которое она держала в руках, был кинжал, клинок которого почти в целый фут длины и чрезвычайно тонкий и острый, имел посередине небольшой желобок для свободного истечения крови. Малейшая рана, нанесенная этим кинжалом, была смертельна. Мадлена взяла в зубы рукоятку и, опираясь на руки и на колени, дотащилась до двери, ведущей на лестницу. Эта дверь была полуоткрыта, и чтобы отпереть ее совсем, Мадлене стоило только притянуть ее к себе.

ХII. Божье правосудие

По мере того, как старуха продвигалась вперед, движения ее становились медленнее и болезненнее: очевидно, силы изменяли ее энергической решимости. Однако она не приходила в отчаяние, в ней не возникала мысль отказаться от адского поступка, который она поклялась совершить. Было как-то странно и вместе с тем страшно видеть в эту минуту, при слабом свете лампы, эту полумертвую женщину, этот живой труп, одушевленный остатком жизни, ползущий таким образом по полу с резкими и прерывистыми движениями, сообразно тому, как боль давала себя чувствовать более или менее сильно. Наверное, люди с самым твердым умом, увидав Мадлену в этом положении, приняли бы ее за какой-нибудь фантастический и ужасный призрак.

Она отворила дверь и очутилась на площадке лестницы. Тут силы ее совершенно оставили и страдания сделались почти невыносимы; чтобы заглушить крик, который ежеминутно готов был вырваться из груди ее от сильной боли, она должна была стиснуть зубами ручку кинжала и села на первую ступень, дожидаясь облегчения. Кризис нестерпимых мук продолжался несколько минут; наконец она почувствовала себя немного лучше и тотчас же снова начала спускаться. В том состоянии, в каком находилась эта гнусная женщина, намерение сойти с лестницы было гигантским трудом. Мадлена все еще держала кинжал в зубах, чтобы сохранить свободными руки, поддерживала себя ими и таким образом спускалась, мало-помалу, со ступеньки на ступеньку. Прикосновение больной ноги к каменным плитам лестницы обдавало Мадлену смертельным холодом до самых костей, и страдания все более и более замедляли ее движения. Она начала дрожать при мысли, что предприняла труд, который вряд ли сможет довести до конца. Уже не раз спрашивала она себя с возрастающей тоской:

«Как я поднимусь на лестницу?»

Однако все продвигалась вперед и наконец добралась до последней ступени... Мадлена находилась в прихожей, о которой мы уже говорили и которая вела на улицу. Дверь в комнату Рауля была налево, едва ли в десяти шагах от преступницы. Еще минута, и она достигнула бы цели. Эта уверенность оживила ее; но от последней ступени лестницы до комнаты Рауля ей приходилось идти без опоры – опереться было решительно не на что. Правда, Мадлена могла ползти по полу, как делала до сих пор, но чрезвычайная медлительность этого способа раздражала ее. К тому же, она чувствовала, как кровь быстро бежит по ее жилам, и принимала лихорадочную дрожь за возвращение сил. Она ухватила за перила лестницы и встала на ноги, потом, не давая себе времени на размышление, отняла руку от железной балюстрады, за которую держалась, и пустилась в путь.

В эту минуту Мадлена должна была испытывать то же самое, что чувствует неопытный пловец, который смело бросился в слишком глубокое место и вдруг видит, что течение увлекает его, силы оставляют, уменье изменяет, что скоро волна потопит его навсегда. Напрасно хочет он вернуться назад, к менее опасному месту... уже поздно!.. Волны, окружающие его и захлестывающие своей пеной, как холодным саваном, приподнимают его, увлекают и не хотят выпустить свою добычу. Точно также и Мадлена, шатающаяся, как дерево, корень которого подрезан, поняла наконец свое полное бессилие. Ноги ее не могли сделать ни шага. Она попробовала вернуться и протянула левую руку, чтобы снова ухватиться за перила лестницы; но паралич распространился и на эту руку, и она бессильно опустилась, не достигнув цели. Тогда какое-то помрачение помутило взор женщины. Ей показалось, будто ее качает бурный ветер посреди движущегося огненного круга, который вертелся с изумительной быстротой. Она подняла обе руки, но они встретили только пустоту. Преступнице казалось, будто гладкие плиты исчезли под ее ногами, и она вдруг упала сначала на левую руку, которая под тяжестью тела подломилась как стекло, потом на острие кинжала, который находился уже в ее правой руке, и клинок его вошел ей в грудь и вышел сзади между плечами.

Мадлена испустила страшный нечеловеческий крик, крик отчаяния и предсмертной агонии. Она пробовала еще бороться со смертью, но уже потоки крови залили ее грудь и хлынули из горла пурпуровой пеной. Судороги искривили ее члены; губы на мгновение раскрылись, чтобы закричать во второй раз, но из них вырвался только новый поток крови; потом члены ее вытянулись, глаза закатились... через минуту все кончилось: даже малейшая дрожь не потрясла ее тела, распростертого на плитах. Мадлена де Шанбар умерла.

Между тем отчаянный крик ее пробудил Жанну от спокойного сна. В первую минуту молодой девушке показалось, что это ей пригрезилось во сне, и она постаралась опять заснуть, но воспоминание об ужасном крике преследовало ее безостановочно и порождало в уме ее самые зловещие образы. Жанна решила встать и лично удостовериться в безосновательности своих страхов. Она спрыгнула с постели и, наскоро накинув первую одежду, попавшуюся ей под руку, подбежала к двери и хотела открыть ее, но дверь не отворялась (мы уже знаем, что Мадлена заперла ее задвижкой). Страх и беспокойство Жанны увеличились. Девушка была уверена, что мать не может без ее помощи встать с постели. Кто же запер дверь, которая держала ее в плену? Какая ужасная связь была между этой запертой дверью и криком, который, как казалось Жанне в ее волнении, беспрестанно раздавался в ее ушах? Она стучала в дверь кулаками, но дверь была толста, а задвижка крепка. Жанна поняла, что она сойдет с ума, если далее останется в этом положении, и закричала изо всех сил:

– Матушка! Матушка!..

Этот зов остался без ответа.

– Матушка! Матушка! – повторила Жанна во второй раз, с еще большей энергией.

Потом, когда только отголосок ночи повторил ее отчаянный крик, она совершенно потеряла голову, бросилась к окну и открыла его. Ночь была глубока, дорога пуста.

Жанна привязала простыню к железной перекладине и босиком, не размышляя об опасностях почти неизбежного и, может статься, смертельного падения, спустилась из окна на дорогу. По какой-то чудесной случайности, она достигла земли без малейшего ушиба и тотчас побежала к Марли так скоро, как будто ее преследовал легион привидений. Камни, рассыпанные по дороге, изранили до крови ее ноги, но она не чувствовала ни малейшей боли. Жанна едва могла дышать, но не замедлила своего бега; наконец она добежала до первого дома и упала у дверей со стоном: у нее не доставало сил ни позвать кого-нибудь, ни постучаться.

ХIII. Муж Глодины

Неистовый лай огромной собаки раздался внутри дома, и мужской голос спросил грубым и угрожающим тоном:

– Кто там?

Жанна продолжала стонать и не отвечала. Тот же голос произнес страшное ругательство и продолжал:

– Черт вас побери! Ступайте своей дорогой, а не то я отворю дверь, и собака моя загрызет вас...

Эта новая угроза увеличила, если это было возможно, ужас Жанны. Она старалась встать и убежать, но не могла даже и приподняться, только тихий плач ее превратился в судорожные рыдания, а стоны сменились отчаянными криками. Тяжелый ключ повернулся в замке, и свирепый лай удвоился; это не могло уменьшить страха Жанны.

Дверь отворилась. К счастью, хозяин дома держал собаку за веревку, привязанную к ошейнику. Увидев или, скорее, угадав женщину, распростертую на пороге, он притянул к себе собаку.

– Зачем вы здесь? – сказал хозяин несколько смягченным тоном. – Чего вы ждете и что вам нужно?

Волнение молодой девушки не позволило ей отвечать. При этом непонятном для него молчании недоверчивый и подозрительный крестьянин достал огня, зажег лампу и поднес ее к лицу Жанны. Он не раз видел эту девушку и потому тотчас узнал ее. Его грубое обращение тотчас же сменилось почтительным. Он обернулся и закричал:

– Глодина! Жена! Вставай скорее, иди сюда...

– Зачем? – спросила Глодина из отдаленной комнаты.

– Дочка мадам де Шанбар из Маленького Замка умирает у наших дверей...

Он взял Жанну на руки, отнес ее в комнату и посадил в большое кресло. Скоро явилась Глодина, молодая и очень миловидная женщина. Муж и жена окружили Жанну самой трогательной заботой. Благодаря этому девушке скоро возвратились присутствие духа и спокойствие. Она воспользовалась этим и рассказала о том, что случилось, прося помочь ей вернуться в Маленький Замок и удостовериться, не случилось ли там тех несчастий, которых она опасалась. Когда она окончила рассказ, крестьянин сказал, качая головой:

– Я к вашим услугам, но уверены ли вы, что вам не померещилось?..

– Померещилось?! – возразила Жанна. – Как могло мне померещиться?.. О, нет... к несчастью!.. Нет, я не спала!.. Этот зловещий крик, о котором я вам говорила, я точно слышала, и нашла дверь моей комнаты запертой!.. Ах! Поверьте мне! Поверьте, в доме моей матери случилось что-то ужасное!

– Это мы узнаем через минуту, – сказал крестьянин. – Позвольте мне только разбудить соседей, которые нас проводят и в случае надобности будут свидетелями того, что мы увидим...

– Действуйте, как хотите... – отвечала Жанна. – Но, ради Бога, поторопитесь! Поторопитесь!..

– Подождите только пять минут.

Муж Глодины вышел, оставив девушку со своей женой. Не прошло и пяти минут, как он воротился с четырьмя другими крестьянами, дюжими парнями, румяными и широкоплечими, которые протирали своими толстыми кулаками еще сонные глаза.

Глодина дала Жанне свои лучшие башмаки, белые бумажные чулки, очень тонкие, с красными стрелками, и серый бумазейный салоп, с огромным капюшоном. Жанна обулась, завернулась в салоп и спустила на голову капюшон.

Крестьяне несли зажженные факелы. Два из них поддерживали своими жилистыми руками взволнованную и измученную Жанну, и все вместе при свете факелов отправились к Маленькому Замку.

По мере того, как они приближались, страх девушки все более и более увеличивался, нервная дрожь овладела ею. В ту минуту, когда крестьяне донесли Жанну до дверей замка, она была почти без чувств.

Попасть в дом было не легко. Дверь могла устоять против настоящего приступа и с первого удара послышался звук крепких запоров и встретилось почти непреодолимое сопротивление. Однако крестьяне были полны решимости преодолеть эти препятствия. Железный рычаг, захваченный мужем Глодины на всякий случай, был всунут в смычки дверей. Трое молодых, здоровых парней налегли всей тяжестью на этот рычаг, и запоры скоро заскрипели с зловещим звуком, дубовые доски раздались и наконец разлетелись с треском, похожим на удар грома. Муж Глодины подошел к Жанне, которую поддерживал один из крестьян.

– Дверь открыта, – сказал он.

Девушка сделала жест, как бы желая сказать:

«Войдите первые... я иду за вами».

Крестьяне подняли огонь факелов и вошли в сени. Вдруг тот, который шел впереди, отступил с восклицанием ужаса и изумления. Факел выпал у него из рук на пол и погас. Крестьянин поскользнулся в луже крови и очутился прямо перед трупом Мадлены.

В ту минуту, когда крик крестьянина долетел до слуха Жанны, она будто по волшебству возвратила свои исчезнувшие силы, бросилась в сени и остановилась с трепетом и отчаянием перед трупом, уже окоченевшим, той, которая была ее матерью. Молодая девушка упала на колени возле покойницы. Ее сжатые руки дрожали, губы судорожно подергивались, глаза, широко открытые и неподвижно устремленные на труп, казалось, смотрели и ничего не видели. Она хотела бы заплакать, но не могла. В эту минуту Жанна олицетворяла вполне и самым трогательным образом не тихого ангела грусти, но мрачного ангела отчаяния, того страшного и сосредоточенного отчаяния, которое не обнаруживается ни криками, ни слезами.

Испуганные странным выражением глаз Жанны и ее лицом, столь же бледным, как лицо мертвой, крестьяне отошли на несколько шагов и ждали в почтительном молчании.

Наконец Господь сжалился над бедной девушкой. Глаза ее увлажнились жгучими слезами, и переполненное горем сердце излилось в судорожных рыданиях; слезы эти облегчили несчастную, как дождь во время грозы оживляет знойную природу. Она приподняла труп, лежавший перед ней, покрывла поцелуями закрытые глаза и холодные губы покойницы и вскричала прерывистым голосом, похожим на голос лунатика, заснувшего магнетическим сном:

– О! матушка!.. матушка!.. матушка!..

Это раздирающее душу восклицание сменилось безмолвием. Муж Глодины подошел к Жанне и сказал ей медленно, с очевидным замешательством:

– Вы непременно убьете себя, если станете так огорчаться, а, между тем все-таки не ожидите бедную госпожу...

Жанна подняла голову и спросила:

– Вы думаете, что она умерла?.. Умерла совсем?.. И не оживет?..

Крестьянин не отвечал.

– Вы молчите! – продолжала молодая девушка. – А я вам говорю, что я возвращу к жизни мою мать!..

И Жанна опять приподняла труп, прижала его к своей груди, как-будто действительно имела надежду призвать ее к жизни. Но вдруг она вскрикнула от ужаса, приметив в первый раз окровавленную рукоятку кинжала, клинок которого прошел ее грудь насквозь. В первый раз пришла ей в голову мысль об убийстве; до сих пор она приписывала случаю, причины которого не могла понять, катастрофу, сделавшую ее сиротой. Вторая мысль, быстрая как молния, промелькнула в голове ее: в этой мысли было нечто страшное. Губы Жанны прошептали одно слово:

– Рауль!

Она выпустила труп матери из рук и бросилась в комнату кавалера де ла Транблэ.

XIV. Полицейский

Лампа так же разливала свой бледный свет по этой обширной комнате. Рауль все еще был погружен в летаргический сон.

Жанна подбежала к постели и схватила его за обе руки. В эту минуту она не помнила о любви, которую начала было чувствовать к молодому человеку, она видела в нем только убийцу своей матери.

Рауль проснулся, но опиум сковал его чувства и разум. Он пролепетал несколько прерывистых слов, закрыл глаза и снова глубоко заснул.

– А! – вскричала Жанна с яростью, указывая на Рауля крестьянам, которые вошли в комнату вместе с ней. – Сон его так глубок, что он, наверно, притворяется! Этот человек – убийца!..

Крестьяне тотчас в ярости окружили кровать.

– Надо его повесить! – говорили одни.

– Бросим его в воду! – твердили другие.

И они уже собирались тащить к двери несчастного молодого человека, который не просыпался посреди всех этих криков. При этом зрелище в сердце Жанны вдруг совершился переворот.

«Но что, если убийца не он!» – подумала она и воскликнула громко:

– Остановитесь!

Крестьяне повиновались.

– Я слишком скоро обвинила этого молодого человека, – прибавила она, – и, может быть, напрасно. Я ни в чем не уверена, ни в чем, кроме того, что над моей бедной матерью совершено гнусное убийство. Тот, на кого пали мои первые подозрения, может быть, невинен, но даже если бы он и был виноват, не нам принадлежит право наказывать его за преступление!.. Ради Бога, пусть один из вас побежит за доктором... Доктор скажет нам, гнусная ли комедия этот странный сон или настоящая летаргия...

– Да! да! – отвечали крестьяне в один голос.

Муж Глодины побежал в Сен-Жермен, исполнить желание молодой девушки. Один крестьянин остался караулить в комнате Рауля, а другие перенесли в верхний этаж тело Мадлены и положили мертвую на ту самую постель, на которой она лежала живая. Жанна встала на колени возле покойницы и молилась до той минуты, пока несколько ударов в дверь не возвестили ей о возвращении мужа Глодины.

Он привел с собой не только доктора, но и полицейского комиссара с отрядом солдат объездной команды, которые пришли захватить мнимого преступника и тотчас же стали стучать все выходы из дома. Случай устроил так, что призванный доктор был именно тот самый, который лечил Рауля.

Он сначала осмотрел труп Мадлены, вынул кинжал, оставшийся в ране, и объявил, что смерть произошла, по всей вероятности, неожиданно. Когда комиссар спросил его о причине, он отвечал, что не верит в убийство, но подозревает катастрофу, и обосновал свое мнение на положении оружия убийства и на том, что оно прошло грудь насквозь, раздробив кость в плече. Полицейский и доктор сошли потом в комнату Рауля, прося Жанну идти с ними.

– Точно ли спит этот человек? – спросил комиссар у доктора, указывая на Рауля.

Доктор приложил руку к виску и к сердцу кавалера, прислушался к его дыханию и отвечал:

– Да, он спит, спит сном глубоким и непонятным!..

Говоря это, доктор приметил на столике возле кровати, чашку, в которой еще было несколько капель жидкости. Он омочил в ней палец, приложил его к губам и вскричал:

– А! Теперь я понимаю этот странный сон... Можете вы сказать мне, – обратился он к Жанне, – кто готовил это лекарство?

– Я, – отвечала молодая девушка.

– По какому рецепту?

– По тому, который вы сами мне оставили.

– Вы ничего туда не прибавляли?

– Прибавила три ложечки жидкости, которую мне посоветовала влить моя бедная мать...

– Какая это жидкость?

– Не знаю...

– Она осталась у вас?

– Да, почти две трети пузырька.

– Потрудитесь показать мне этот пузырек.

Жанна тотчас принесла его. Доктор понюхал, потом, обращаясь к полицейскому, сказал:

– Как не спать этому молодому человеку!?! Огромная доза опиума, самого сильного наркотического средства, погрузила его в сон, похожий на смерть...

– С какой целью ваша мать старалась усыпить его? – в свою очередь спросил Жанну полицейский.

– Она, верно, ошиблась насчет действия лекарства, которое посоветовала дать ему.

– В котором часу вы дали это лекарство?

– В сумерки.

– В котором часу совершилось предполагаемое вами убийство?

– Отчаянный крик моей бедной матери разбудил меня часа два тому назад.

– В какой комнате было оружие, причинившее смерть?

– В спальне моей матери.

Тут вмешался доктор.

– Господин комиссар, – сказал он, – я тем охотнее поручусь за невинность кавалера де ла Транблэ, что он еще не оправился от болезни, которая угрожала ему почти неминуемой смертью и от которой я лечил его; я очень удивился сейчас, найдя его еще живым; я наверно знаю, что слабость его должна быть так велика, что он не мог сделать и четырех шагов без опоры.

– Я и сам так думаю, – отвечал комиссар, – но все-таки в этом доме было совершено преступление, и я должен пока арестовать того, на кого пали первые подозрения.

– Однако... – сказал доктор.

– Не мешайте ходу правосудия, – перебил комиссар сухим тоном. – Долг службы предписывает мне сделать самый подробный обыск... Общайте одежду и другие вещи обвиненного, – прибавил он, обращаясь к своим людям.

Солдаты объездной команды тотчас же повиновались. Поиски были не напрасны. Один из солдат тотчас же подал комиссару бумажник, который нашел в кармане платья кавалера, тогда как другой открыл чемодан, уже известный нам, и, увидев то, что в нем заключалось, вскричал:

– Сколько золота! Боже мой, сколько золота!

XV. Бедная Жанна

Полицейский комиссар оставался с минуту как бы ослепленным при виде блестящего металлического видения, поразившего его взоры. Уступив чувству жадного восторга, возбужденного в нем огромным количеством золота в чемодане, он наконец раскрыл бумажник и вынул оттуда большой сложенный лист пергамента, с зеленой печатью, висевшей на зеленой же ленте. Он развернул лист и пробежал его глазами. Выражение его физиономии тотчас изменилось. Из надменного и повелевающего оно сделалось вдруг раболепным и покорным как бы по волшебству. Он снял шляпу, которая до тех пор оставалась на голове его, и взгляд его с самым почтительным видом переходил от пергамента к Раулю и от Рауля к пергаменту. Вот что он прочел:

«Божьей милостью, мы, Филипп Орлеанский, регент Франции, приказываем и повелеваем всем тем, кто увидит сию бумагу, оказывать помощь и содействие нашему преданному подданному и слуге кавалеру Раулю де ла Транблэ всякий раз, как он сочтет за благо требовать этой помощи.

Запрещаем, кроме того, по какой бы то ни было причине, беспокоить вышеназванного кавалера де ла Транблэ, мешать его действиям и противиться его воле.

Что бы он ни делал, он делал это по нашему приказанию и для пользы нашей.

В силу чего мы дали ему сию бумагу за нашей подписью и печатью».

Потом были число и подпись.

Полицейский комиссар, совершенно смешавшийся при виде этого неожиданного документа, старательно свернул драгоценный пергамент, вложил в бумажник, из которого вынул, и

снова спрятал бумажник в карман платья Рауля. Потом, обернувшись к своим подчиненным, он сказал:

– Невинность кавалера де ла Транблэ для меня достаточно ясна. Кроме того, как доказывает господин доктор, в ужасном и печальном происшествии, случившемся здесь ночью, не видно никаких следов преступления. Убийство совершилось случайно, без умысла, поэтому нам нечего делать более в этом доме и остается только возвратиться в Сен-Жермен.

Доктор, очень заинтересованный тем, что происходило на его глазах, подошел к комиссару и спросил вполголоса:

– Что было в этом пергаменте?

– Государственная тайна! – отвечал полицейский важным тоном.

– Государственная тайна? – повторил доктор.

– Да, и не старайтесь узнать ее, советую вам: тут пахнет Бастилией, ни более ни менее...

При слове «Бастилия» доктор побледнел почти так же, как его больной. Он не произнес более ни одного слова до той самой минуты, как оставил Маленький Замок вместе с полицейским комиссаром и солдатами объездной команды: до того боялся он узнать эту страшную государственную тайну, знание которой было так опасно.

После их ухода Жанна осталась в комнате Рауля с мужем Глодины и другими крестьянами, которых удерживало любопытство. Наконец эти добрые люди, не желая обострять горя Жанны, скромно удалились один за другим. Муж Глодины остался последний.

– Я думаю, – сказал он Жанне с дружелюбием, смешанным с уважением, – что вы не можете провести ночь в этом доме одна-одинехонька... Я приведу к вам мою жену, Глодину, она будет молиться с вами Богу, возле бедной госпожи, которая теперь на небесах.

Жанна пожала руку крестьянину.

– Принимаю от всего сердца ваше предложение, друг мой, – отвечала она. – Приведите ко мне вашу жену... Сердце мое будто разорвано на части, мне кажется, что я умираю!..

Смертельная бледность молодой девушки и судорожный трепет во всем ее теле подтверждали зловещим образом печальное значение ее последних слов. Муж Глодины поспешил вернуться домой, бормоча про себя:

– Бедная девушка!.. Бедная девушка!.. Только бы не случилось с ней в эту ночь еще одного несчастья.

Оставшись одна, Жанна сделала несколько шагов, чтобы выйти из комнаты Рауля в первый этаж, но у нее не хватило силы. При этом какой-то инстинктивный ужас удерживал ее от спальни в верхнем этаже, где лежал окровавленный труп матери. Она упала на стул, закрыла голову обеими руками, и безмолвные слезы покатились одна за другой между ее пальцами. Мало-помалу слезы иссякли, Жанна подняла голову, и глаза ее, устремленные в неопределенное пространство, как будто смотрели на что-то с глубоким ужасом. Страшная мысль мелькнула в голове ее. Напрасно старалась она прогнать эту мысль всеми силами души своей, как непростительное оскорбление памяти едва охладевшей матери. Эта роковая мысль беспрестанно возвращалась к ней и каждую минуту становилась все яснее и яснее, подтверждаясь все более и более неопровержимыми доказательствами. Жанна обвиняла свою мать! Она обвиняла ее в покушении на убийство, которое перст Божий обратил против нее самой. И это обвинение, основанное на ее воспоминаниях, было выведено с поражающей логикой из всех случившихся обстоятельств.

В самом деле, Мадлена, столь неприязненная сначала к больному и умирающему Раулю, не смягчилась ли внезапно, узнав, что молодой человек привез с собой огромную сумму денег? Не расспрашивала ли она Жанну о его богатстве с жадным волнением скряги и вора? Не возобновила ли она своих вопросов тотчас после ухода слуги Рауля, осведомившись, не унес ли Жак с собою чемодан с золотыми монетами? Не она ли посоветовала дать лекарство, которое должно было погрузить кавалера в летаргический сон? Жанна вспомнила, какое радостное

выражение промелькнуло на лице ее матери, когда она сказала ей, что Рауль спит, и с каким странным выражением больная вскричала: «Спит... Это добрый знак!..»

С этой минуты, доказательства становились для Жанны все яснее и яснее. Было очевидно, что Мадлена встала с постели, заперла задвижкой дверь спальни своей дочери и сняла со стены кинжал, наследство Гильйома де Шанбара. В своей адской страсти к золоту она почерпнула необходимые силы, чтобы сойти с лестницы; но эти самые силы изменили ей в ту минуту, когда преступление должно было совершиться, и небесное правосудие допустило, чтобы убийственное оружие обагрилось кровью преступницы, вместо того, чтобы пролить кровь обреченной жертвы.

Жанна находилась словно в сомнамбулизме; ей казалось, будто она сама присутствовала при всех подробностях ужасной сцены, которую наши читатели уже знают. Стараясь не думать о своей матери, она бросилась на колени и вскричала с горячей набожностью:

– Боже! Боже правосудный и всемогущий! Ты, спасший невинного и наказавший преступницу за замышляемое преступление!.. Боже! Не преследуй своим мщением мою бедную мать за пределами этой жизни! Будь милосерд! Прости ей, мой Боже! Прости!..

После этой молитвы, Жанна почувствовала себя спокойнее. С каким-то хладнокровием смотрела она на весь ужас своего положения, хотя оно казалось, не имело выхода. Несчастливая девушка в неполные шестнадцать лет осталась сиротой, без убежища, без средств... ей негде было приклонить свою голову, не к кому протянуть руки! Куда идти! Где найти хлеб насущный?

Жанна не могла решить этих печальных вопросов. Однако, она не растерялась и сказала себе с той твердой и безропотной решимостью, которая рождается только в минуты больших несчастий:

– Может быть, Господь мне поможет. К тому же известно, что смерть представляет верное прибежище тем, для кого невозможна жизнь.

XVI. Пробуждение

Муж Глодины скоро воротился с женой, которую оставил с Жанной. Обе женщины провели остаток ночи в молитвах, возле усопшей.

Утром на следующий день люсьенский пастор отдал последний долг останкам Мадлены, а Жанна убежала в самую отдаленную часть дома, чтобы не присутствовать при раздирающем зрелище погребения, чтобы не слышать зловещего стука молотка, заколачивавшего гроб ее матери. Скоро смиренная похоронная процессия, в сопровождении священника и нескольких крестьян, медленно тянулась к кладбищу.

Узнав от мужа, что в доме был больной, Глодина, движимая чувством сострадания, заставившего ее не оставлять несчастного, о котором забыли все, без труда отыскала комнату кавалера де ла Транблэ.

Рауль наконец проснулся и прислушивался к звуку удалявшихся голосов, напевавших *De profundis*. Действие опиума почти рассеялось, только как будто какое-то нравственное опьянение затмевало его рассудок и отнимало у мыслей их обычную ясность. Ему казалось, что он долго спал тяжелым сном, от которого на минуту был пробужден каким-то непонятным видением. Действительно, сквозь сон он чувствовал, но не понимал, что с ним делали, когда крестьяне хотели стащить его с постели.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Глодина, подходя к Раулю.

– Кажется, мне лучше, – отвечал молодой человек. – Но скажите, пожалуйста, что происходит здесь?.. Сейчас я слышал шаги в коридоре, голоса, певшие молитву, и теперь еще эти самые голоса замирают вдали, напевая погребальный гимн...

– Ах! – отвечала Глодина. – В эту ночь сюда вошла смерть!

– Смерть? – повторил Рауль. – Вы хотите сказать, что кто-нибудь умер здесь?

– Увы!

– Не она, не правда ли? – вскричал кавалер с глубоким беспокойством. – О! Скажите мне, что не она!

– Она? – спросила Глодина с невольным любопытством. – Кто это «она»?

– Та прелестная молодая девушка, которая ухаживала за мной с состраданием и преданностью ангела и которая удивительным образом похожа на эту царицу... Вот посмотрите против вас...

Глодина обернулась к обоям. Она была поражена и удивлена не меньше, чем Рауль, сходством Жанны с царицей Савской. Помолчав с минуту, она отвечала:

– Нет! Умерла не она, а ее мать...

Рауль вздохнул свободно.

– Слава Богу! – сказал он. Потом добавил: – При одной мысли о подобном несчастье, кровь охладела в моих жилах! Скажите мне, – продолжал он, подумав с минуту, – каким образом умерла мать этой молодой девушки?.. Я знал, что она больна, но не думал, чтобы так опасно...

– Она умерла не от болезни, – отвечала Глодина.

– Великий Боже! Неужели было совершено преступление?

– Еще неизвестно, преступление или только случай.

– Объяснитесь, умоляю вас!

Глодина рассказала Раулю все, что знала о происшествии прошлой ночи, и прибавила к рассказу свои собственные рассуждения, которые немало запутали факты. Во все продолжение этого рассказа Рауль подавал знаки очевидного волнения.

– Где теперь эта несчастная девушка? – спросил он, когда Глодина кончила.

– Она спряталась, чтобы не видеть похорон матери...

– Сделайте милость, отыщите ее и скажите ей, что незнакомец, которому она оказала такое великодушное гостеприимство, на коленях умоляет ее прийти к нему на минуту...

– Охотно! – вскричала Глодина. – И если вы знаете, чем утешить эту бедную барышню, то сделаете доброе дело!..

– Ступайте, – повторил Рауль, – ступайте скорее!..

– Бегу, – отвечала крестьянка и поспешно вышла.

– Я всюду приношу несчастье! – прошептал кавалер, оставшись один. – Будто навлекая громовый удар на дома, в которых приклоняю свою голову!.. Решительно, надо верить, что есть промысел Божий!..

Кавалер погрузился довольно надолго в мрачное, глубокое размышление.

«Кто может сказать, что я сделал, – думал он, – доброе дело или гнусное преступление?.. Кто может осудить меня или оправдать?.. Кто может понять чувство, которому я повинуюсь, и которого сам не могу определить хорошенько?.. Мне кажется, что мое сердце бьется сильнее... Я не думал, чтобы это было еще возможно!..»

Рауль приложил руку к сердцу, как будто считая его удары. Улыбка скользнула по губам его, и он продолжал думать, с ироническим выражением на лице:

«Да, оно бьется!.. бьется, как у ребенка!.. бьется, как у женщины!.. Филипп Орлеанский этому не поверит... да и другие тоже!.. Как они будут насмехаться надо мной, если узнают об этом, и правильно сделают!.. Неужели я люблю эту молодую девушку?..»

Рауль снова спросил у сердца и отвечал себе:

«Жребий брошен! Да я люблю ее!»

Едва молодой человек окончил эти бессвязные размышления, в которых, казалось, не было ни смысла, ни логики, дверь комнаты растворилась и вошла Жанна. Бедная девушка очень изменилась со вчерашнего дня. Лицо ее, обыкновенно сиявшее румянцем, было покрыто

бледностью, которую слезы испестрили синими пятнами; большие глаза, окруженные черными кругами, сверкали лихорадочным блеском; длинные белокурые волосы, не собранные в косу и развевавшиеся, как будто рыдали вокруг ее лица. Она была в черном платье. Наружность ее в ту минуту, когда она вошла в комнату Рауля, выражала смущение. Она помнила неблагодарное и ужасное обвинение, которое сделала против Рауля в прошлую ночь, и трепетала от упреков совести при мысли о последствиях, которые чуть было не повлекло это обвинение. Мы знаем притом, что чувства ее к Раулю были далеко от равнодушия, и она упрекала себя в живости этих чувств в такое время, когда ей, по-видимому, следовало бы полностью погрузиться в благоговейную печаль. Она старалась, но напрасно, скрывать свои ощущения и сказала голосом дрожащим и едва внятным:

– Вы желали говорить со мной? Я пришла.

– Я хотел вам высказать, – начал Рауль почти с таким же волнением, как и молодая девушка, – какое глубокое участие принимаю я в ужасном ударе, поразившем вас...

Жанна отвечала только слезами.

– Чтобы спасти жизнь, угасшую в эту ночь, – продолжал Рауль, – я отдал бы свою.

«О! если бы он знал, – думала Жанна, – если бы он знал, что сохранил жизнь только потому, что умерла моя мать...»

XVII. Любовь

– Благодаря вашей заботливости, – продолжал кавалер, – я чувствую, что спасен! Благодаря вашему вниманию я могу преклонить колени на могиле благородной женщины, которую вы оплакиваете, а я благословляю, хотя и не знал ее... Я обязан вам жизнью, и, может быть, признательность дает мне право просить вас...

– Я вас слушаю, – перебила девушка, – и если от меня зависит исполнить вашу просьбу, будьте уверены, что это будет сделано...

– Если так, – продолжал Рауль, – забудьте, что я для вас посторонний, почти незнакомый, принятый из сострадания в вашем доме... Забудьте, что я еще молод... Смотрите на меня, как на старого друга, как на брата... Словом, как на человека, для которого вы священны и который поставит целью всей своей жизни упрочить ваше счастье... Имейте ко мне такое же доверие, какое имели бы к этому другу или брату, о которых я говорю...

Жанна не угадывала, чем кончит Рауль, и отвечала:

– Будьте уверены, что я чувствую к вам то доверие, которое брат внушает сестре...

– Благодарю за это доброе слово! – вскричал Рауль. – Оно дает мне мужество продолжать. Стало быть, сестра моя, вы будете мне отвечать с полной откровенностью?..

– Буду.

– О чем бы я ни спросил вас?..

– Да.

– Вы мне позволите прочесть в вашей душе и раскрыть перед вами мою душу. Вы не улыбнетесь презрительно, услышав, что я выражаю надежды и желания, которые вы примете, может статься, за последние грезы еще не угасшей горячки?..

– Будьте покойны, – печально отвечала Жанна, – мои губы не умеют более улыбаться!..

– Вы мне сказали, не правда ли, – продолжал кавалер, – что вы бедны?..

– Да, – отвечала девушка, – я так говорила.

– Вы мне сказали еще, что ваша мать была принуждена продать этот дом, и что все находящееся здесь не принадлежит вам?..

Жанна не отвечала ни слова, но кивнула головой, как бы подтверждая, что Рауль не ошибается. Молодой человек продолжал:

– Итак, теперь вас, бедную сироту, неумолимый кредитор может прогнать из этого дома?

- Да, – отвечала Жанна.
- Есть у вас убежище?
- Нет.
- Родственники?
- Никаких.
- Друзья?..
- Ни одного.
- Что же вы будете делать?..
- Не знаю.
- Какая будущность предстоит вам?
- Я не хочу об этом думать.

После минутной нерешимости, Рауль продолжал:

– Вы помните, без сомнения, что, узнав от вас о бедности столь ужасной и столь благо-
родно переносимой, я хотел предложить вам помощь, которую вы отверг нули с героической
гордостью... Вы дали мне почувствовать, что ничто не давало мне права сделать вам подобное
предложение, и я думал, что мне нельзя более настаивать...

- Вы правы, – сказала Жанна.
- Сегодня я не возобновляю моих предложений...
- Благодарю вас, – прошептала девушка.
- Я только хочу задать вам вопрос... От вашего ответа зависит спокойствие... счастье
моей жизни...

– Говорите!.. Говорите!.. – вскричала Жанна с живостью.

– Жанна! – сказал Рауль тоном серьезным и взволнованным: – Жанна, свободно ли ваше
сердце?

При этом неожиданном вопросе лоб, щеки и шея молодой девушки покрылись яркой
краской.

– Подобный вопрос... – прошептала она.

– Удивляет и оскорбляет вас, – перебил Рауль, – однако ж, я надеюсь, что скоро вы не
будете ни удивляться, ни осуждать меня... Несколько слов должны оправдать меня в ваших
глазах, и я хотел бы произнести их перед вами на коленях... Вот эти сладостные слова: Жанна,
я люблю вас!

– Вы меня любите? – вскричала молодая девушка с внезапным порывом радости и изум-
ления.

– Да, – продолжал Рауль. – Я вас люблю и – странное дело! – вас любил еще раньше,
чем увидел...

Удивленный взгляд Жанны ясно выразил, что она этого не поняла. Рауль это заметил и
объяснил свою мысль.

– С той минуты, – сказал он, – когда эти обои представили моим еще помутившимся
глазам прекрасный образ молодой царицы, а вы ее живой портрет, кроткое лицо ее овладело
моим сердцем, хотя я и принимал эту чудную красавицу за благотельное видение. Когда вы
явились мне в первый раз, это сердце уже принадлежало вам и вы царствовали в нем полной
владычицей!.. С того дня любовь моя увеличилась еще более восторгом и признательностью,
которые вы внушили мне. Я вас люблю теперь всеми силами души моей, всем могуществом
моей жизни!.. Ваше присутствие сделалось для меня так же необходимо, как воздух и солнце...
Не удаляйте меня от себя... Поверьте, было бы менее жестоко дать мне умереть, нежели воз-
вратить на минуту жизнь, чтобы потом отнять ее!

– Боже мой!.. – пролепетала молодая девушка, – подобное признание... в подобную
минуту...

– О! – с живостью перебил Рауль. – Минута хорошо выбрана, потому что она торжественна!.. Не в то ли мгновение, когда все рушится вокруг вас, могу и должен я протянуть вам руку и сказать: Обопритесь на меня... Я буду поддерживать вас всегда!.. Жанна! У вас нет более родных, я хочу заменить моей любовью их привязанность... Вы бедны, я хочу сделать вас богатой!.. Состояние мое велико, имя почетно, любовь моя к вам глубока!.. Жанна! В присутствии Бога, который нас видит, в присутствии вашей матери, тень которой нас слушает и благословляет, я спрашиваю вас, хотите ли вы быть моей женой?

Жанна не отвечала, она не могла отвечать. Слишком великое и слишком неожиданное счастье вдруг взволновало ее сердце, произвело во всем существе ее странное потрясение, которое могло бы сравниться только с поражающей искрой электрической машины. Рауль сделал вид, будто не заметил бури, происходившей в сердце девушки.

– Боже мой! – прошептал он с выражением глубокого горя. – Боже мой, неужели вы не хотите отвечать мне?..

Жанна поднесла руку к груди и сделала знак, что она не в силах говорить.

– Это отказ? – продолжал молодой человек. – О! Если это отказ, я чувствую, что умру!.. Силы возвратились к Жанне.

– Неужели вы не поняли, – вскричала она голосом, вырвавшимся прямо из сердца, – не поняли, что и я тоже люблю вас?..

Рауль ждал этих слов; однако радость его была так велика, будто они были для него неожиданностью. Потом, после первых восторгов, он надел на безымянный палец девушки золотое кольцо, которое снял со своего правого мизинца, и сказал:

– С этой минуты, Жанна, перед Богом и вашей матерью, вы моя невеста!..

XVIII. Ответы из Парижа

В ту минуту, когда происходила вышеописанная сцена, всадник, скакавший галопом по дороге из Парижа в Сен-Жермен, остановил перед Маленьким Замком свою лошадь, обливавшуюся потом и покрытую пеной. Всадник проворно соскочил с седла, привязал лошадь к железному кольцу, вбитому в стену, и два раза ударил молотком в дверь.

Сказав Жанне: «Перед Богом и вашей матерью, вы моя невеста!» Рауль в первый раз коснулся губами лба молодой девушки. Она вздрогнула при стуке молотка и побежала отворить. Это приехал Жак.

– Жив он? – спросил слуга с глубоким беспокойством.

– Да, – весело отвечала Жанна, – жив и, слава Богу, спасен!

Жак охотно расцеловал бы ту, которая сообщила ему доброе известие, но не посмел; притом он торопился к своему хозяину. Кавалер протянул ему руку. Жак покрыл ее слезами радости и прошептал:

– Я знал, что найду вас в живых...

«Клянусь честью, – подумал Рауль, – вот слуга, каких мало!.. Он был бы моим наследником и все же радуется, что не будет присутствовать на моих похоронах! Этак, пожалуй, поневоле поверишь в людскую добродетель».

– Да, мой милый, – сказал он вслух. – Ты меня нашел в живых.

– И благодарю за это Бога! – вскричал слуга.

– Конечно, но также поблагодари и ее! – продолжал Рауль, указывая на Жанну.

Жак взял руку девушки и осыпал ее поцелуями. Кавалер продолжал, улыбаясь:

– Я очень доволен тобою, мой добрый Жак; однако через несколько дней ты уже не будешь служить мне...

Лакей изменился в лице.

– Вы мне отказываете? – спросил он печальным тоном.

– Нет, но я даю тебе другого господина...

– Другого господина? – повторил Жак в изумлении.

– Да, которому ты должен будешь повиноваться точно так же, как и я сам...

Слуга делал невероятные усилия, чтобы понять значение слов кавалера, но решительно не понимал ничего.

– Я говорю о мадемуазель Жанне, – продолжал Рауль, – которая скоро будет моей женой и которой мы будем повиноваться оба.

– Ах! – вскричал Жак, улыбаясь в свою очередь. – Если так, то это прекрасно! Да здравствует мадам де ла Транблэ!

С тем деликатным тактом, которым щедро одарены почти все женщины, Жанна поняла, что Рауль должен желать поговорить со своим слугою, и потихоньку вышла из комнаты, оставив их наедине.

– Ну! – с живостью спросил Рауль, как только дверь затворилась за Жанной, – ты исполнил мои поручения?

– Исполнил.

– С успехом?

– Надеюсь.

– Добился ты результата, которого я ожидал от твоей поездки?..

– Я привез ответы от регента и от маркиза де Тианжа.

– Поддай скорее...

Жак вынул из своего кожаного пояса два письма средней величины и подал их барину. Рауль взял и распечатал одно за другим. В первом заключались только следующие латинские слова: «Legi. – Bene.»

Эта лаконическая записка была подписана буквами Ф. и О.

Латинские слова значили: Читал. – Хорошо.

Буквы Ф. и О. были начальными буквами имени регента: Филипп Орлеанский.

– Что сказал тебе регент? – спросил Рауль.

– Он много расспрашивал меня о вас и очень сожалел о случившемся с вами несчастье.

– Ты добрался до него без труда?

– Да. По вашим указаниям, я обратился к камердинеру Максиму, и все двери Пале-Рояля отворились перед перстнем, который вы мне дали.

Рауль распечатал второе письмо; оно было подробнее первого.

«Любезный кавалер! – писал маркиз де Тианж, – я получил дьявольские бумаги, которые вы послали мне, и очень рад их содержанию; только жалею на посланного, которого вы выбрали. Это негодяй самой непроницаемой скромности: невозможно было выпытать у него ни одного слова. Я предполагал, что какая-нибудь важная причина помешала вам самому приехать ко мне, и, любопытствуя узнать эту причину, я употребил все силы, чтобы допытаться от вашего таинственного комиссионера, в чем дело... Но, кажется, было бы легче заставить разговариваться статую! Однако в каком бы месте вы ни находились, я все-таки желаю, чтобы фортуна вам улыбалась.

Вы очень меня обяжете, если пришлете мне сто тысяч экю, в которых я очень нуждаюсь. Вполне полагаюсь на вас. Зато, любезный кавалер, прошу вас считать меня в числе самых преданных ваших друзей.

Маркиз де Т...»

Рауль разорвал оба эти письма на бесчисленное множество крошечных кусочков, которые разбросал вокруг своей кровати.

XIX. Отъезд

– Жак, – сказал он потом, – ступай к мадемуазель Жанне и попроси у нее для меня перо, чернил и бумагу.

Слуга тотчас повиновался и через минуту принес все требуемое.

– Пиши под мою диктовку, – продолжал кавалер.

Жак с замешательством почесал себе ухо.

– Я пишу почти так же, как написала бы муха, которая, упав в чернильницу, вздумала бы прогуляться по бумаге...

– Не страшно, – отвечал Рауль, – только бы можно было разобрать; этого достаточно.

Притом то, что я тебе продиктую, очень коротко.

Жак поспешил повиноваться своему барину.

– Ты готов? – спросил Рауль.

– Готов, – отвечал слуга.

Рауль продиктовал следующее:

«Перешлите как можно скорее, в отель улицы Св. Доминика сто тысяч эку, золотом. Шкатулка, в которую вы положите золото, должна быть послана в Париж за печатью Пале-Рояля».

– Это все, – сказал Рауль.

– Подписи не будет? – спросил Жак.

– Нет, не нужно... Регент возвратил тебе перстень, который ты передал ему?

– Возвратил, вот он.

– Возьми в черепаховой шкатулке палочку сургуча и зажги свечу.

– Готово...

– Теперь приложи печать этим перстнем, внизу письма вместо подписи, сложи письмо и напиши адрес так:

«Господину Жоржу Вильсону, управителю. В Замок Бом, через Сен-Жермен».

Рауль рассмотрел надпись, велел запечатать письмо гладкой печатью и потом спросил:

– Каким образом ты приехал из Парижа?

– Верхом.

– Где твоя лошадь?

– Привязана у двери...

– Садись на нее и скачи галопом в Сен-Жермен; там отдай на почту это письмо.

– А потом?

– Потом возвращайся сюда, ты будешь мне нужен.

Слуга вышел, и Жанна, подстерегавшая конец разговора, тотчас же вошла в комнату.

– Мое возлюбленное дитя, – сказал ей Рауль, – поговорим о будущем... Позвольте мне рассказать вам о своих планах.

– Вы знаете, – отвечала Жанна, – что ваша воля будет моей волей, а ваши желания моими...

– Нет, – возразил кавалер. – Напротив, я хочу советоваться с вами обо всем и желаю, чтобы ваши ответы на мои вопросы всегда были истинным выражением ваших мыслей...

– Я буду поступать по вашим желаниям, – отвечала девушка.

– Итак, Жанна, скажите мне прежде всего, дорожите ли вы этим домом?

– Я провела здесь единственные счастливые дни моей жизни, дни моего детства... Я здесь выросла... Мать моя здесь умерла...

– Значит, вы дорожите им, не правда ли?..

– Да.

– Позвольте же мне предложить вам этот дом как свадебный подарок. Я выкуплю его у вашего кредитора, которому он принадлежит...

– Я приму этот подарок с величайшей радостью.

– Теперь скажите мне, когда вы хотите назначить день нашей свадьбы?..

Жанна очень покраснела, потупила глаза и отвечала голосом едва внятным следующие слова, которые Рауль скорее угадал, нежели услышал:

– Я желаю, чтобы это было скоро...

Рауль взял руку молодой девушки и поднес ее к своим губам; это еще более увеличило краску и замешательство Жанны.

– Мы не можем венчаться здесь, – продолжал Рауль. – Не против ли вы, милое дитя, если наша свадьба будет отпразднована в Париже?..

– Да, – отвечала Жанна.

– Вы, конечно, поймете, что я не могу оставить вас в этом доме на то время, которое будет необходимо для нужных формальностей. Согласитесь ли вы ехать со мной?

– Да.

– Мне не нужно повторять вам, что вы для меня священны, и что до тех пор, пока Господь не благословит нашего союза рукой одного из своих служителей, я буду уважать мою жену, как сестру...

– Рауль, – прошептала Жанна, – я верю вам, как брату...

– Мы поедem тотчас, как только позволит мое здоровье, – продолжал кавалер, – и я чувствую, что это будет скоро: ничто не излечивает так, как счастье!.. До тех пор не отходите от меня, потому что ваше обожаемое присутствие возвращает мне жизнь...

Их разговор продолжался долго, но с этой минуты это была беседа любви, нежная и целомудренная, которую бесполезно было бы передавать здесь.

Через десять дней после происшествий, рассказанных в первых главах этой истории, Рауль выздоровел совершенно и выкупил Маленький Замок, снова сделавшийся собственностью Жанны. В одно утро дорожный экипаж кавалера, запряженный четверкой лошадей, ждал у дверей; Жак стоял на пороге. Рауль вышел со своей невестой, и они сели в карету; Жак поместился на запятках, кучер ударил по лошадям, и карета быстро покатилаcь по мостовой.

XX. Гостиница «Царь Соломон»

Между тем, как дорожная карета Рауля быстро катилась по полям Буживаля, Рюэля и Нёльи, Жанна, прелестная и очаровательная еще более прежнего в своем траурном костюме, наслаждалась с неизъяснимым счастьем сладостной беседой наедине с Раулем.

Рауль держал в своих руках крошечную и белую ручку своей невесты и устремлял на нее долгие и нежные взгляды. Между молодыми людьми были минуты молчания, исполненные выразительного красноречия. Кавалер наконец прервал это молчание и, обратившись к своей спутнице, которая смотрела на него с безмолвным обожанием, прошептал:

– Скажите мне, моя милая царица, суеверны ли вы?

Заметим мимоходом, что Рауль часто называл Жанну «моя царица» по причине удивительного сходства ее с царицей Савской.

– Не думаю, – отвечала Жанна. – Однако, друг мой, объяснитесь яснее, и я буду вам отвечать более положительным образом.

– Верите ли вы прорицаниям и предчувствиям?

– Нет.

– Напрасно, – прошептал кавалер.

– А вы разве верите, друг мой?..

– Твердо верю, но моя вера совсем не похожа на верование толпы...

– В чем же?

– В том, что моя радость и надежды происходят из того, что обычно приводит в отчаяние и пугает слабых...

– Я вас не понимаю.

– Я объяснюсь яснее. Мое убеждение состоит в том, что в свете почти всегда хорошее сменяет дурное, счастье является вслед за отчаянием. Я улыбаюсь пагубным предзнаменованиям, и чем прошлое мрачнее, тем более я верю в будущее.

– Страшное убеждение! – перебила молодая девушка.

– Оно основывается на опыте, – продолжал Рауль, – и, притом на моем собственном опыте... Хотите, я докажу вам это на нашем с вами примере, о, моя возлюбленная царица! До какой степени основательно мое убеждение?..

– Докажите, если хотите... Или, скорее, если сможете, – прибавила Жанна с улыбкой.

– Послушайте же...

– Нужно ли мне уверять вас, что я слушаю с глубочайшим вниманием?

– Помните ли вы, каким образом я попал к вам?

– Еще бы!

– Ночь была темная... Ревел ураган... Волны Сены потопили моего несчастного кучера в ту минуту, когда меня вытащили, почти умирающего, из обломков кареты.

– К несчастью, все это справедливо!..

– Если я не ошибаюсь, это были печальные предзнаменования!.. Наша любовь рождалась под покровительством смерти и гибели.

– Рауль, вы меня пугаете! – вскричала Жанна, сердце которой начинало сжиматься.

– Напротив, я хочу успокоить вас, – отвечал Рауль. – Под влиянием лихорадочного бреда увидел я в первый раз ваш образ... Смерть парила над головой моей в ту минуту, когда ваши черты запечатлевались навсегда в моем сердце! Смерть была под вашей кровлей, когда тайна моей любви сорвалась с губ моих, и De profundis еще звучал вокруг гроба вашей матери, когда я сказал вам, что люблю вас...

– Рауль!.. Рауль!.. Я боюсь!.. – снова повторила молодая девушка: – О! Зачем вы напоминаете мне все это?..

– Для того, чтобы вы верили, моя возлюбленная, как и сам я верю, что лучезарное светило нашего счастья засияет тем большим блеском, чем бледнее возшло оно. посреди надмогильного тумана!..

– Я разделяю ваши надежды, друг мой, но мне тяжело от ваших слов...

– Отчего?..

– Я была счастлива, узнав, что вы меня любите, и чувствуя, что я тоже люблю вас... Я никогда не думала об этом роковом начале, из которого произошла наша любовь, и хотела бы никогда не думать о том!..

– Дитя! – перебил Рауль тоном снисходительного и любящего сострадания. – Имейте более мужества!.. Поставьте вашу душу наравне с моею, разделите со мной веру, которая не обманывала меня никогда!..

– Постараюсь... – прошептала девушка.

Но софизмы Рауля обвили ее словно ледяным покровом; сердце ее сжалось и непонятная тоска показывала будущее в каком-то мрачном тумане. Всю дорогу Жанна напрасно старалась победить это впечатление.

Наконец карета остановилась у парижской заставы. Жак подошел к дверце.

– Куда прикажете ехать? – спросил он.

– На улицу Шерш-Миди, в гостиницу «Царь Соломон», – отвечал Рауль. – Не правда ли, какое странное совпадение, милая Жанна? – прибавил он с улыбкой, когда карета опять

покатилась. – Первый дом, в котором остановится в Париже царица Савская, это гостиница «Царь Соломон»!..

– В самом деле, странно, – отвечала молодая девушка.

– Скажите мне, – продолжал Рауль, – точно ли вы уверены, что главное действующее лицо в картине на обоях не было портретом одной из ваших прабабушек?.. Это могло бы объяснить ваше удивительное сходство...

– Я уверена в обратном, – отвечала Жанна. – Потому что Маленький Замок, со всем принадлежащим ему, достался в наследство моему отцу, а я похожа лицом на мою бедную мать.

– Если так, то это просто случай, но случай – великий властелин, и я удивляюсь огромному таланту неизвестного художника, который умел воспроизвести такое небесное личико, как ваше!..

Жанна улыбнулась на этот комплимент, но не ответила на него. Мы уже знаем, что она была печальна и озабочена.

Карета снова остановилась, и на этот раз на улице Шерш-Миди, у гостиницы, названной Раулем.

Это был старый дом, весьма невзрачной наружности; узкий и почерневший фасад его несколько покривился; штукатурка во многих местах растрескалась от времени и напоминала морщинистое лицо столетней старухи. Над входом гигантская вывеска из листового железа была прикреплена железными скобами к тяжелой дубовой доске. Вывеска эта качалась при малейшем ветре с сильным брнчанием. Наивная кисть художника, имя которого не сохранилось, начертала на железном листе изображение человека высокого роста, в тюрбане и в длинной белой мантии с золотой каймой. Человек этот держал в правой руке жезл и как будто распоряжался легионом микроскопических работников, которые строили, по его приказаниям, здание весьма странной формы. Надпись, начертанная красивыми буквами, красными и золотыми, объясняла мысль живописца:

«Великому Царю Соломону»

Странное здание, составлявшее задний план картины, был Храм Иерусалимский.

XXI. Тайное жилище

Ворота гостиницы повернулись на своих петлях, и карета въехала на внутренний двор, окруженный конюшнями, в которых могли поместиться полсотни лошадей. Жак отворил дверцы кареты. Рауль вышел первый, потом взял Жанну на руки и перенес ее на землю.

В эту минуту, человек роста немного выше среднего, необыкновенно сухощавый, с живостью подошел к приезжим. Этому человеку могло быть лет семьдесят; он был в коротких штанах, узко стянутых у колен медными пряжками, и в узорчатых чулках, которые висели складками около его тощих икр. Серый суконный плащ и черная бархатная шапочка на плеши-вом черепе дополняли этот фантастический костюм. Лицо этого старика выражало хитрость и лукавство; вообще вся фигура его представляла в высочайшей степени жидовский тип.

Это был хозяин гостиницы. Его считали человеком богатым, но весьма скупым. Настоящее его имя было Самуил Вертами, но в квартале он был известен под именем Дяди-богача.

Самуил подошел к Раулю и Жанне. Узнав кавалера, он склонился почти до земли, что делало величайшую честь гибкости его позвоночного столба, снял бархатную шапочку, покрывавшую его голову, и пробормотал сквозь зубы церемонные уверения в нижайшем уважении и глубочайшей преданности. Рауль перебил его, сказав:

– Хорошо, хорошо, Самуил... все ли в порядке?.. – Да, кавалер, как всегда, – отвечал старик.

– Стало быть, мы можем войти?

– Можете, кавалер, и хотя вы хорошо знаете дорогу, я все-таки буду иметь честь проводить вас и...

Старый Самуил вдруг остановился. Рауль угадал причину внезапного молчания жида и, увидев на лице Жанны замешательство, поспешил сказать:

– Мою жену...

– Вас и мадам де ла Транблэ, – продолжал Самуил, снова поклонившись.

Потом он пошел вперед. Кавалер и Жанна последовали за ним. Все трое вошли во второй этаж, в ту комнату, о которой Рауль говорил Жаку месяц назад и которая называлась Комнатой Магов. Вокруг этой комнаты были расставлены большие шкафы с богатым запасом самых разнообразных костюмов; в одном углу стоял железный сундук, прикрепленный к полу. В этой комнате не было решительно никакой мебели, кроме трех или четырех грубых стульев.

Как только Жанна и Рауль перешли за порог, Самуил низко поклонился им и ушел, затворив за собой дверь. Девушка с удивлением обвела комнату глазами.

– Что вы думаете об этом жилье? – спросил Рауль, улыбаясь.

– Что могу я думать о нем? – отвечала Жанна. – Я жду.

– Стало быть, вы не думаете, что я намерен поместить вас здесь?..

– Нет, – возразила она, улыбаясь в свою очередь. – Если только вы не намерены также дать мне этот сундук вместо кровати.

– Посмотрите, – сказал кавалер.

Он подошел к одному шкафу и дотронулся до металлической пуговицы, почти невидимой, потому что она была выкрашена точно такой же серой краской, как и дерево. Рауль коснулся этой пуговицы, и стена затрещала; перед ними отворилась дверь в узкий и темный коридор. Жанна не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления. Рауль взял ее за руку.

– Не бойтесь, – сказал он, – и пойдемте...

– Могу ли я бояться с вами? – отвечала молодая девушка.

Коридор, в который они вошли, был так узок, что двоим нельзя было идти рядом. Рауль пошел впереди, держа Жанну за руку. Темнота была глубокая. Они сделали шагов около двадцати, потом кавалер остановился. Снова раздался треск, и ослепительный свет ударил прямо в лицо Жанне и принудил ее закрыть на секунду глаза, которым было больно от внезапного перехода из темноты к такому яркому блеску.

Молодые люди находились уже в гостинице Царя Соломона. Тайный переход, сделанный в толстой стене, привел их в смежный дом.

Когда веки Жанны приподнялись снова, она пришла в изумление при виде зрелища, поразившего ее. Она находилась в круглой комнате, убранной в восточном вкусе с роскошью, которая могла соперничать с великолепием Альгамбры в лучшие времена мавританского владычества. Турецкий ковер, мягкий, как руно молодых овец, покрывал пол и поражал взор своими яркими красками и блестящими арабесками. Диваны окружали эту комнату; пурпур, золото и лазурь смешивались в ткани, которой обиты были эти диваны. Все остальное было также великолепно. Видно было, что для украшения этой комнаты хозяин дома не пожалел ни самого редкого мрамора, ни серебряных вещей драгоценного чекана.

– Как это чудесно! – вскричала Жанна.

– Вы еще не все видели, – заметил Рауль.

Он приподнял тяжелую портьеру с золотой каймой и ввел Жанну во вторую комнату, меблированную с мрачным и строгим вкусом; стены этой комнаты были обложены черным деревом. Индийская циновка несравненной работы заменяла ковер. В двух огромных буфетах стояли сервизы – серебряный, чудной работы, и два фарфоровых, один севрского, другой саксонского фарфора. Стулья, обитые позолоченной кордовской кожей, окружали стол, уставленный разными кушаньями, пирожными, превосходными фруктами и графинами из богемского хрусталя; графины были наполнены винами, из которых одни имели огненно-желтый блеск

топаза, другие – прозрачность бледного рубина, а третьи, наконец, – темный оттенок царственного пурпура,

– Это еще не все, – сказал Рауль.

И он повел Жанну в спальную, очень маленькую, для убранства которой распорядитель всех этих чудес изобрел тот кокетливый и восхитительно-жеманный стиль, который должен был несколько лет спустя получить имя а-ля Помпадур. Стены этой комнаты были обтянуты беловато-серым атласом, по которому были вышиты большие букеты роз и жимолости. На полу вместо ковра лежал горностаевый мех. Волны индийской кисеи спускались вокруг кровати из розового дерева; в спинку кровати были вделаны фигурки из севрского фарфора. Но мы должны отказаться от желания дать понятие, даже и несовершенное, о тысяче великолепных безделушек, загромождавших эту спальную. Тут были и эмаль и статуэтки из слоновой кости и золота, японские и китайские куклы, и саксонские куколки, и множество прелестных вещей работы Бенвенуто Челлини.

Одно только поражало взор своей странностью: это было то, что возле этого истинно женского изящества находился настоящий арсенал оружия. За волнистыми занавесками, о которых мы сейчас говорили, на богатых шелковых обоях висела полная коллекция пистолетов и кинжалов, начиная с испанского стилета и кончая турецким ятаганом и индийским канджаром.

– Милая царица, – сказал Рауль, приведя Жанну опять в столовую, – вы, вероятно, голодны... Посмотрите, эти фрукты почти достойны вас.

– Где мы? – спросила молодая девушка.

– Месяц тому назад, – отвечал Рауль, – я сказал бы: вы у меня; сегодня я должен сказать, о моя прелестная царица: мы у вас...

– Как? Все это принадлежит вам?..

– Да, если все это ваше.

– Но зачем этот таинственный вход?..

– По причинам, которые я объясню вам впоследствии и которые вы легко поймете. Теперь скажите мне, милая Жанна, хотите ли вы занять эту квартиру и жить в ней вдвоем с горничной до нашей свадьбы, которая скоро должна состояться?..

– Вы знаете, друг мой, – ответила Жанна, – что я во всем соглашаюсь с вашими желаниями, и хочу того же, чего хотите вы...

Оставив молодую девушку в таинственной квартире, описанной нами, Рауль вернулся той же дорогой, по какой пришел, и, поговорив несколько минут с Самуилом, вышел из гостиницы «Царь Соломон».

XXII. Дьявол

Рауль остановил на улице портшез и велел отнести себя в отель маркиза Тианжа, находившийся, как нам известно, на улице Св. Доминика.

В ту минуту, когда он прибыл, маркиз собирался ехать. Лакеи, в парадных ливреях, водили по двору лошадей. Когда маркизу доложили о Рауле, он тотчас отложил свою прогулку и приказал принять гостя.

Маркиз де Тианж был мужчина лет сорока, приятной и благородной наружности. Ничто не могло сравниться с изысканной любезностью его обращения и вежливостью. Он жил чрезвычайно роскошно; об этом говорили даже в ту эпоху, когда роскошь была сильно распространена. Экипажи его пользовались справедливой знаменитостью; о его ужинах вспоминали с восторгом; у него были прекраснейшие лошади; он бросал золото пригоршнями в легкие будуары оперных танцовщиц.

Каким же образом маркиз де Тианж мог вести такой образ жизни? В этом-то и заключалась загадка! Эту загадку, казалось, не легко было разрешить. Конечно, он получил по наслед-

ству от отца значительное состояние, но всем было известно, что он уже давно промотал его до последней копейки. Настал день, когда маркиз, подавляемый тяжестью долгов, а занимал он у всех и каждого, вдруг исчез, и поэтому многие начали даже поговаривать о его совершенном разорении, но эти зловещие слухи не подтвердились. После краткого отсутствия маркиз снова появился в свете и зажил еще блистательнее, еще богаче прежнего. Он заплатил всем своим кредиторам, и роскошь его приняла размеры еще более прежних. Конечно, тут было чему подивиться; но никто, набивая себе карманы его золотом, не спрашивал, откуда взялось оно.

Маркиз, одетый для верховой езды, в сапогах со шпорами, ждал Рауля в очаровательной маленькой гостиной и, как только увидел его, бросился к нему с изъявлениями сильнейшей нежности.

– Право, любезный кавалер, – вскричал он, – я начинал уже терять надежду увидеть вас когда-нибудь!..

– Очевидно, – ответил Рауль, – вы отчаивались понапрасну, потому что вот я здесь...

– Откуда вы?

– Из такого места, в котором чуть было не остался навсегда.

– Вы подвергались опасности?

– Смертельной.

– Что же с вами случилось, Боже мой?

– Ужасная болезнь... но не будем говорить об этом; все прошло, я возвратился, поговорим лучше о вещах серьезных. Как идут наши дела?

– Дурно.

– Что вы хотите сказать?

– Я говорю, что вам давно было пора вернуться в Париж...

– Зачем?

– Затем, чтоб поддержать наш колеблющийся кредит.

– Полноте! Он слишком прочен, его ничто не может поколебать!

– Кроме громового удара.

– Без сомнения, но небо спокойно.

– Тут-то вы и ошибаетесь!

– Как! Разве гром гремит?

– Гремит.

– С какой стороны?

– С пале-рояльской.

– Невозможно! Две недели назад я получил оттуда известия, и известия хорошие.

– С тех пор ветер переменился.

– Неужели?

– К несчастью, это именно так, как я имею честь вам говорить.

– Но, Боже мой! Что это значит?

– Нас вытесняют.

– Кто?

– Интриганка, искательница приключений, итальянка, которую зовут, сколько мне помнится, Антонией Верди.

– Да ну?! Что же делает эта интриганка?

– Она нашла слабую сторону регента.

– Какую? У него их так много...

– Показывает ему дьявола.

– О! О!

– Согласитесь, что это дело серьезное.

- Стало быть, эта женщина колдунья?
- Да, нечто в этом роде...
- И регент попался в ее сети?..
- До такой степени, что, повторяю вам, наша звезда потускнела...
- Вы знаете все подробно?
- Конечно.
- Действительно?
- Как нельзя более. Я сам видел.
- Что вы видели? Призрак?
- Да.
- Расскажите мне.
- Я и хотел рассказать сейчас. Какой сегодня день?..
- Пятница.
- Именно в пятницу, на прошлой неделе, я приглашен был ужинать в Пале-Рояль. Гости были веселы, вина бесподобны, женщины любезны, ужин очарователен...
- До сих пор я не вижу ничего зловещего в вашем рассказе.
- Подождите, я только начинаю. В исходе двенадцатого хозяин наш встал из-за стола и сказал нам: «Милостивые государи и государыни! Тем из вас, кому любопытно познакомиться с дьяволом, стоит только сказать слово, и желание ваше тотчас исполнится...» Все расхохотались, потому что никто не понял настоящего смысла слов регента, но он продолжал:
«Ничего не может быть серьезнее того, что я имею честь говорить вам. Через четверть часа, то есть ровно в полночь, дьявол явится в комнате, смежной с этой. Если кто хочет видеть его, пусть идет со мной...» Женщины раскричались, мужчины перестали смеяться, кроме меня, как вы, конечно, догадываетесь, любезный кавалер... Через пять минут некоторого колебания человек десять решились идти за герцогом. Я был в числе этих смельчаков. Мы вошли в большую комнату, которая была обтянута черным сукном с серебряной бахромой. Небольшая лампа под стеклянным колпаком проливала свет такой бледный, что еще более выказывал густоту мрака. Перегородка разделяла комнату на две части. С одной стороны были кресла для дам и табуреты для мужчин. На противоположной стороне стоял стол, на котором, кроме помянутой лампы, находилась еще хрустальная чаша, наполненная очень прозрачной водой...
- Обстановка была недурна, – перебил Рауль.
- Маркиз де Тианж продолжал:
- Все сели. Прошло пять или шесть минут, потом с другой стороны перегородки медленно приподнялся черный занавес и явилась женщина. Это была Антония Верди. Она показалась мне молодой и очень хорошенькой. На ней была надета туника, не закрывающая слишком много сверху и очень короткая снизу, – словом, весьма неблагопристойная. Длинные и великопленные черные волосы струились по обнаженным плечам. Она подошла к столу и пустила на воду хрустальной чаши что-то такое, чего я не мог хорошенько рассмотреть. Регент сидел возле меня. Он наклонился и шепнул мне:

– Видите вы?

– Вижу, ваше высочество, – отвечал я, – но не знаю, что это такое.

– Это волшебная жаба, – сказал он мне с видом, глубоко убежденным. – Но вот полночь...

Скоро вы увидите...

– В самом деле, на больших пале-рояльских часах пробило в эту минуту двенадцать ударов полночи. Итальянка стала на колени перед столом, протянула обе руки над хрустальной чашей и начала говорить с жабой самым нежным голосом.

«Милое создание, прекрасное создание, восторжествует ли для нас ад?.. Послушайся меня!.. Послушайся меня!.. Послушайся меня!..»

Жаба принялась плавать и прыгать в чаше, так что вода расплескалась во все стороны на зрителей. Несколько капель этой воды брызнули в лицо регенту, и я заметил, что он побледнел.

– Вам дурно, ваше высочество? – спросил я.

– Нет, – отвечал он, – но надо признаться, что все это очень странно и поневоле удивишься...

– Подождем до конца, – возразил я.

Итальянка, без сомнения, слышала наш разговор, хотя мы и говорили шепотом, и, верно, встревожилась, потому что тотчас вскричала:

– На колени! На колени все! Горе тем, кто не будет присутствовать при мрачных таинствах в безмолвии и созерцании...

Регент первый подал пример, став на колени; все подражали ему. Тогда началось вызывание духа...

– Любезный маркиз, – перебил Рауль, – скажите мне, пожалуйста, каким образом эта женщина производила заклинания?

– Сколько я мог понять, вслушиваясь в ее слова, она вызывала по способу коптов, как он описан у Аморрея.

– Очень хорошо, – сказал кавалер, – что ж было далее?

– Потом лампа вдруг погасла и в комнате с полминуты царствовала глубокая темнота. Вдруг, без всякого шума, возле итальянки явилась фигура мужчины чудесной красоты. Человек этот был высокого роста и сложен превосходно; свет, позволивший видеть его, происходил от него самого; все тело его сияло, будто он был натерт фосфором...

Рауль улыбнулся, услышав последние слова маркиза де Тианжа. Маркиз продолжал:

– Эта демонская фигура имела цвет лица бледно-матовый и немножко смуглый; глаза были очень велики, очень блестящи и очень выразительны; борода и волосы черны как уголь, губы красны как кровь, зубы белы и редки, как у волка. По краям лба у призрака видны были два маленьких нароста в виде рогов, но всего более удивлял широкий шрам, красный и сверкающий, который начинался у лба и оканчивался у левой пятки, извиваясь по всему телу подобно молнии.

– Видите вы этот шрам? – заметил мне регент. – Это след громового удара, поразившего падших ангелов...

– Мало-помалу, контуры дьявольского призрака делались менее фосфорическими, фигура начала бледнеть, потом угасла постепенно. Наступила опять темнота, лампа зажглась как бы по волшебству, призрак исчез, а итальянка распростерлась с удвоенной горячностью перед своей жабой, которая, казалось, спала. Регент сделал мне честь, взял меня под руку, возвращаясь в столовую.

– Маркиз, – сказал он мне дорогой, – что вы думаете обо всем этом?.. Знаете ли, что эта очаровательная женщина обещала мне скоро познакомить меня с демоном первого разряда, который откроет мне секрет превращения угля в бриллианты? Надо признаться, что в сравнении с этой милой волшебницей ваш друг кавалер де ла Транблэ просто ничтожный маль-

чишка, и я думаю, что сделаю недурна, если лишу его моего покровительства и отправлю в Бастилию... Что вы на это скажете, маркиз?

Я оцепенел от этого замечания; в эту минуту мне невозможно было вымолвить ни одного слова. К счастью, регент выпустил мою руку, не ожидая ответа, и поспешил на помощь к двум дамам, которым сделалось дурно, так они испугались вызывания духа. Я вышел из Пале-Рояля и на другой же день употребил все возможное, чтобы узнать, где вы, и уведомить вас о том, что случилось, чтобы вы могли отклонить грозу. Все мои старания были напрасны, как вам известно; но наконец вы вернулись, вы здесь, вы знаете все... Подумайте об этом хорошенько...

– Маркиз, – сказал Рауль, – вы правы, нам угрожает большая опасность, эта женщина может повредить нам...

– Вы согласны со мною. Тем лучше.

– Во-первых, итальянка Антония, как мне кажется, превосходно понимает свою роль и играет ее с редким искусством; во-вторых, если, как вы говорите, она молода и хороша...

– Очень молода, очень хороша и особенно чрезвычайно обольстительна, – перебил маркиз.

– Да, – заметил Рауль, – это огромное преимущество... С ним легко можно иметь влияние на такого человека как Филипп Орлеанский...

– Вы соглашаетесь, что зло существует, – сказал маркиз де Тианж, – а имеете ли вы средства отворотить его?..

– Еще не имею, – отвечал Рауль, – но я найду их, не сомневайтесь. Прежде всего надо уничтожить кредит итальянки, который, сказать мимоходом, не успел еще, как мне кажется, прочно утвердиться. Если мы не преуспеем в этом, что очень возможно, то все-таки у нас останется средство, за которое я ручаюсь...

– Какое?

– Союз...

– С итальянкой!

– Да.

– Но согласится ли она?

– Почему же нет? Если образ действий у нас почти одинаков, то, наверно, побуждения совершенно различны. Без всякого сомнения, Верди жаждет золота регента, а мы просим у него только покровительства. Понятно, что интересы наши требуют взаимного содействия; мы не должны вредить друг другу.

– Вы правы!.. Всегда правы!.. Знаете ли, любезный кавалер, что вы были бы несравненным дипломатом, если бы захотели потрудиться?..

– Еще бы! – самонадеянно отвечал Рауль. – человек, хорошо организованный, успевает во всем!..

– И что же вы намерены делать?

– Надо собрать сведения, узнать наверно, кто такая эта итальянка и кто был посредником ее сношений с Пале-Роялем! Потом, как вы сейчас сказали, я подумаю, или мы подумаем вместе...

– Располагайте мною во всем; вы знаете, кто я, и можете быть уверены, что я всегда готов к вашим услугам.

– Полагаюсь на это. Теперь, любезный маркиз, поговорим о ваших собственных делах, а также и о моих.

– Сколько хотите...

– Получили вы сто тысяч экю?

– Да, и благодарю вас.

– Нужны вам еще деньги?

– Пока нет.

- Не стесняйтесь, вы знаете, что тигель кипит день и ночь и пресс действует безостановочно,
- Знаю, поэтому, как вы видите, и пользуюсь бессовестно.
- Мы кончили о ваших делах, теперь перейдем к моим. Я хочу просить вас оказать мне услугу.
- Тем лучше! Доставляя мне случай быть вам полезным, вы обязываете меня самого.
- Эта услуга чрезвычайно для меня важна.
- Говорите.
- Прежде всего я должен сделать вам признание...
- Слушаю.
- Вы не будете смеяться надо мной?
- И не подумаю...
- Ну! Я...
- Что такое?..
- Влюблен!..
- Вы влюблены?.. Вы?..
- Боже мой, да! Влюблен, как безумец!.. Влюблен, как ребенок!..
- Я думал, что вы уже не поддадитесь более любовному недугу, – заметил Тианж улыбаясь.
- Но все-таки, если вам еще хочется носить цвета купидона, я не буду насмехаться над вами... О вас надо жалеть!..
- Вот уже и эпиграммы!.. Вы нарушаете договор!
- В первый и последний раз. Успокойтесь же, любезный кавалер, и скажите мне, пожалуйста, чем я могу быть полезен вашей любви?..

XXIII. Комедия

- Я вам сказал, – отвечал Рауль на вопрос маркиза, – что я влюблен как сумасшедший. Это сумасшествие достигло крайних пределов, как вы увидите, потому что я решился жениться на той, которую люблю...
- Жениться! – вскричал маркиз. – Подумали ли вы об этом?
- Очень... Потому что, повторяю, я решился...
- Стало быть, та, которую вы любите, очень богата?..
- У ней нет ничего.
- В таком случае, без сомнения, женись на ней, вы надеетесь породниться с знаменитейшими фамилиями королевства?
- Она дочь бедного дворянина, совершенно неизвестного.
- Стало быть, вы употребили безуспешно все средства к обольщению?
- Я не пробовал никаких.
- Что вы мне говорите?
- Совершенную истину.
- Решительно ничего не понимаю!
- Девушка, которая будет моей женой, не похожа, любезный маркиз, на суровую весталку, отражающую с высоты своей неприступной добродетели все нападения. Это простодушный ребенок... Олицетворенная невинность... Сама доверчивость... Любовь и неопытность бросили бы ее, если бы я захотел, в мои объятия, но я боюсь будущего... Слишком большая печаль, слишком обильные слезы последовали бы за минутой упоения. Я не хочу употребить во зло эту целомудренную и преданную нежность... Я хочу обладания спокойного, я жажду мечты о блаженстве без пробуждения...

– О? – сказал маркиз, не скрывая иронической улыбки, – все это прекрасно и доказывает сильную любовь! А к тому же сентиментально и очень нравственно!.. Я вижу, любезный Рауль, что через некоторое время из вас выйдет образец супруга и цвет отцов семейства!.. Вы пре-взойдете самые нежные пасторали, самые буколические эклоги!.. Женитесь, мой добрый друг, женитесь... Я не буду вас отговаривать, а, напротив, постараюсь своим примерным поведением приобрести сочувствие мадам де ла Транблэ, которая непременно должна быть очаровательна; а так как я уже друг мужа, то хочу также сделаться другом жены... Только, черт меня побери, я все-таки не угадываю, в чем могу быть вам полезен.

– Вы видите, – возразил Рауль, – что я преспокойно выдержал целый залп ваших насмешек. Впрочем, мне нечего этим хвастаться, потому что ни одна из ваших стрел не попала в цель.

– Неужели?

– Выслушайте меня: вы должны помочь мне совершить брак, о котором я вам говорил...

– Каким образом, позвольте спросить?.. Я не аббат и не нотариус.

– Именно поэтому-то вы мне и нужны.

– Вы говорите загадками... Если вы хотите, чтобы я вас понял, объяснитесь яснее...

– Это легко, вы поймете все из двух слов. Я женат!

– Женаты?! Вскричал маркиз. – И я ничего не знал?!

– Ни вы и никто, – отвечал Рауль. – Никто не знает о моей женитьбе.

– Вы женаты! – повторил маркиз де Тианж, – давно ли?

– Уже шесть лет.

– Где же ваша жена?..

– Не знаю.

– Стало быть, вы ее бросили?..

– Мы расстались почти по взаимному желанию...

– Давно это случилось?

– Через год после свадьбы.

– И с тех пор вы не имели о ней известий...

– Никаких.

– Может быть, вы вдовец...

– Может быть, но я не имею доказательств этого, а так как во Франции вешают тех, кто женится на второй жене, когда первая еще жива, то я не имею никакой охоты рисковать своей жизнью...

– Вы правы. Мольер сказал...

– Что же вы хотите делать?..

– Вы привели фразу из комедии, и я скажу вам, что мне нужен именно такой брак, какие часто случаются в комедии.

– О, если речь идет только об этом, – заметил маркиз, – я возвращаю вам все мое уважение.

– Благодарю! – сказал Рауль, смеясь.

– Чего же вы хотите от меня?

– В вашем отеле есть капелла, кажется?

– Есть: только она в большом запустении; туда не входили столько лет!..

– Все равно: мне и такая годится.

– Хорошо, далее...

– Дайте мне кого-нибудь из ваших людей, который был бы способен умно разыграть роль капеллана...

– Я предлагаю вам самого себя.

– Вы, любезный маркиз?! – вскричал кавалер с удивлением.

– Неужели, вы мне не доверяете?..

– Нет, не то, но я боюсь...

– Чего?

– Я боюсь, что вы не сумеете сохранить приличной важности, что комическая сторона положения увлечет вас, против воли, к опасной веселости.

– Будьте спокойны! После вы сами согласитесь, что никогда ни один капеллан не совершал брачной церемонии с такой благочестивой торжественностью, как я. Моя истинно каноническая наружность приведет вас в восторг. Ну, согласны ли вы?..

– Действуйте, как хотите, любезный маркиз, но подумайте только, что одно лишнее слово, один неосторожный жест все испортит...

– Повторяю вам, что я ручаюсь за себя.

– В таком случае, ничего не может быть лучше.

– Когда свадьба?

– Послезавтра, если вы свободны.

– Я должен повиноваться вашим приказаниям. Послезавтра я ничем не занят.

– Послушайте, я очень желаю, чтобы никто на свете не знал, о том, что я сказал вам.

– В капелле будут только капеллан и бракосочетающиеся.

– Благодарю за все ваши одолжения. Я увижусь с вами завтра, и мы условимся о подробностях церемонии.

– А покамест, – сказал маркиз, – я примусь за изучение своей роли.

Они пожали друг другу руки. Простившись с маркизом, Рауль возвратился к своему портшезу и велел отнести себя в гостиницу «Царь Соломон».

XXIV. Жанна

Через несколько минут по выходе от маркиза де Тианжа, Рауль вошел в восточную гостиную, где находилась Жанна. Молодая девушка сидела на диване; ее траурное платье составляло резкий контраст с ярким цветом ковра и материи, которой были обиты стены. Лицо ее было бледно, и красные глаза показывали, что она плакала. Она думала о своей матери, и руки ее были еще сложены, а полураскрытые губы шептали молитву за упокой души Мадлены де Шанбар, умершей в смертном грехе. При виде Рауля Жанна с живостью встала. Очаровательный румянец выступил на ее щеках, а на губах обрисовалась улыбка.

– Милое дитя, – сказал кавалер, взяв руку девушки и поднося ее к своим губам, – я надолго оставил вас одну, не правда ли?

– Когда я вас не вижу, время всегда кажется мне слишком долгим, – отвечала Жанна с восхитительным простодушием.

– У меня есть извинение...

– Вам не нужно прибегать к нему! – перебила с живостью молодая девушка.

– Все-таки позвольте мне высказать его...

– Если хотите, друг мой, скажите.

– Я заботился о нас...

– О нас? – повторила Жанна.

– Да, о нашем счастье, потому что мое счастье соединено с вашим... Я занимался нашей свадьбой.

– Надеюсь, к тому нет препятствий? – спросила молодая девушка несколько дрожащим голосом.

– Напротив, – отвечал Рауль, – все устроено, все готово...

– Какой день вы выбрали? – робко прошептала Жанна с некоторой поспешностью.

– Послезавтра.

Жанна снова улыбнулась, и улыбка ее сияла радостью и надеждой. Рауль продолжал:

– По причине вашей недавней и горестной потери, нам было бы неприлично совершать наше бракосочетание гласно, посреди любопытных зрителей... Один из друзей моих отдает в мое распоряжение капеллу в своем отеле, и там добрый капеллан скажет вам, моя возлюбленная, что вы моя жена перед Богом и перед людьми...

Жанна устремила на Рауля взор, блиставший самой доверчивой и нежной любовью. Кавалер выдержал этот взгляд, не потупив глаз.

– Ваша жена перед Богом и перед людьми! – повторила молодая девушка. – О, Рауль! Как я счастлива!

– Итак, – спросил кавалер. – Вы одобряете мои действия?

– Конечно! – отвечала Жанна. – Одобряю от всего сердца.

В эту минуту, слабый звук, похожий на металлический, при действии монетного станка, послышался два раза, и так близко, что можно было подумать, будто звук этот раздался в самой комнате. Жанна вздрогнула.

– Не бойтесь ничего, – сказал ей Рауль, – это Самуил, хозяин гостиницы Царя Соломона, который по сигналу, условленному между нами, спрашивает меня, может ли войти. Я буду отвечать ему точно так же...

Рауль подошел к стене и дотронулся пальцем пружины, покрытой обоями. Раздался звук, подобный прежнему, но более отдаленный, и через минуту потайная дверь тихо повернулась на петлях и явился Самуил.

– Вам нужно говорить со мною наедине? – спросил его Рауль.

– Нет, кавалер, – отвечал жид.

– Чего же вы хотите?

– Я желал бы иметь честь доложить вам, что по вашему приказанию, я наашел горничную для мадам де ла Транблэ.

– Прекрасно, вы не теряете времени, Самуил!

– Я теряю его как можно менее, кавалер.

– И хорошо делаете!

– Я исполняю только свой долг.

– Скажите мне, вы ручаетесь за эту горничную?

– Как за себя самого. Она немножко молода и неопытна, может быть, но девушка честная и будет служить преданно и усердно.

– Где она?

– В Комнате Магов.

– Приведите ее сюда и если она понравится моей жене, мы сейчас же ее найдем.

Самуил вышел и почти тотчас же вернулся с молодой девушкой, лет восемнадцати, которая казалась хорошенькой даже возле Жанны; красота ее еще более усиливалась робким и невинным видом.

– Нравится вам она? – тихо спросил Рауль Жанну.

– Нравится, – отвечала Жанна тоже тихо. – И если сердце ее стоит лица, я, конечно, очень буду довольна ее услугами.

Кавалер обернулся к горничной и спросил ее:

– Как вас зовут?

– Онорина.

– Сколько вам лет?

– Девятнадцать.

– Вы уже были в услужении?

– Никогда.

– Откуда вы?

– Из моей родины, Сен-Мало.

– Кто такие ваши родители?

– Они ткачи, но так как мы небогаты, они послали меня к моему дяде Самуилу, чтобы он отыскал мне место...

– А! – сказал Рауль. – Самуил ваш дядя?

– Да, кавалер, – отвечал жид. – Антуанета, моя покойная жена, была родной сестрой отца этой девушки; только шурин мой не одной религии со мною.

– Онорина, дитя мое, – сказал тогда де ла Транблэ, – с сегодняшнего дня вы поступите в услужение к моей жене. Постарайтесь, чтоб она была довольна вами, и уверяю вас, что вы не будете жаловаться на свою участь...

– Постараюсь, – отвечала девушка.

Представив официально свою племянницу, Самуил скромно удалился. Рауль велел Онорине следовать за ним и показал ей небольшую комнатку, в которой она должна была спать и которая находилась возле спальни Жанны, потом вернулся к своей невесте и сказал:

– Я расстаюсь с вами до завтра, милое дитя; этого требуют приличия, и я повинуюсь им против воли, но Бог даст, через несколько часов я уже не буду расставаться с вами!..

Вздых Жанны показал, что и она, так же, как Рауль, с нетерпением ждала этой минуты. Молодой человек продолжал:

– Сейчас Самуил принесет вам свечи и ужин; притом, если вам понадобится что-нибудь другое, вам стоит только слегка нажать на эту пружину, и Самуил тотчас явится к вам.

Рауль перешел в спальню, открыл небольшой комод, ящики которого были наполнены золотом, положил в карман несколько пригоршней монет и вышел, запечатлев на лбу Жанны долгий поцелуй, исполненный сдерживаемой страсти.

Самуил скоро явился в столовую и уставил стол множеством блюд, которые показались Жанне великолепными. Изобилие и разнообразие их очень удивляли молодую девушку, привыкшую к незатейливым кушаньям, которые она сама готовила в Маленьком Замке. Она непременно хотела, чтобы Онорина села напротив нее и поделила с нею ужин. Горничная была очень чувствительна к такой снисходительной милости, а Самуил просиял радостью при виде неслыханной чести, которую оказывали его племяннице.

По окончании ужина, Жанна пришла в спальню. Яркий огонь сверкал в камине; восемь восковых свечей в серебряных канделябрах бросали ослепительный свет; мягкое кресло, поставленное около камина, как будто приглашало к чтению или ко сну. Жанна не хотела спать. Она осмотрелась кругом и заметила в углу комнаты небольшой книжный шкаф из розового дерева, задернутый шелковой занавесью. Она подбежала к шкафу, вынула несколько книг и тотчас принялась читать одну, потом другую, но через несколько секунд отбросила эти книги с нетерпением и даже с ужасом. Во всех говорилось о магии, колдовстве, кабалистике и о других знаниях, самых мрачных и самых таинственных. Жанна старалась как-нибудь поестественнее объяснить себе присутствие этих подозрительных книг в жилище ее жениха, но не преуспев в этом, решила более не думать о них. Она улеглась в большом кресле и скоро задремала, сладко убаюкиваемая воспоминаниями и надеждами.

Оставив гостиницу «Царь Соломон», Рауль приказал Жаку идти за собой и пешком отправился к другому берегу Сены. Он шел медленно, погруженный в размышления, и было уже поздно, когда он дошел до той части улицы Сент-Онорэ, которая лежит между Пале-Роялем и улицей Ришелье. Он вошел сначала в ресторацию, знаменитую в то время, под вывеской «Золотой Колесницы». Тут он пообедал, приказав подать себе ракового супа, рыбы, говяжьего филе, куропатку и разных пирожных, и оросил все это двумя или тремя бутылками лучшего «Бона» и старого «Шанбертена». Достаточно насытившись, Рауль вышел из ресторации свободной и непринужденной походкой человека, совесть которого спокойна, а желудок удовлетворен. Он отправился к большому дому, находившемуся шагах в пятидесяти от ресторации,

где он обедал. Ворота этого дома были ярко освещены; перед ними толпились лакеи, потрясавшие факелами, и носильщики портшезов, принесшие знатных посетителей. Лакеи и носильщики ругались между собой и ссорились, из чего происходила неслыханная суматоха.

Рауль растолкал толпу, прошел ворота, а потом двор, наполненный людьми еще более, чем улица, взбежал на лестницу, по которой могли идти двадцать человек рядом, и вошел в огромную переднюю, вокруг которой тянулись скамейки, обитые гранатовой кожей с позолоченными гвоздиками. На этих скамейках чванно сидели слуги в самых разнообразных ливреях и играли между собой в карты и кости.

Без сомнения, Рауль и Жак часто бывали в этом месте, потому что слуга тотчас уселся на скамейку, а господин продолжал дорогу по залам. Эти залы, просторные и великолепно убранные, были наполнены гостями. Толпы мужчин всех возрастов и всех возможных физиономий ходили и шумели безостановочно. Тут были образчики всех классов общества, начиная от знатного вельможи, вхожего в Версаль, до скромного стряпчего, имевшего вход только во дворец Ябеды, от откупщика-миллионера до голодного трагического поэта, от щеголя, собиравшего легкую дань с придворных и городских красавиц, до провинциального дворянчика, отличающегося своей неловкой поступью и костюмом, давно вышедшим из моды.

Вся эта толпа, сказали мы, ходила и шумела, но часто возвращалась к центру, непреодолимо привлекавшему всех, как мед привлекает мух. Это были столы, за которыми играли в фараон, в крепе, в ландскнехт, в бассет и другие карточные игры, изобретенные дьяволом для опорожнения карманов простачков и набивания карманов плутов. Дом, в который мы ввели наших читателей, был не что иное, как один из тех привилегированных адов, где все, большие и малые, встречались, на нейтральной земле, с одинаковым намерением играть и выиграть.

XXV. Пятница

Зачем пришел в этот дом Рауль де ла Транблэ? По всей вероятности, его привела сюда не страсть к игре: мы знаем уже, что кавалер был богат и, верно, очень богат, если для него ничего не значило послать сто тысяч экю золотом знатному вельможе, находившемуся в стесненном положении; притом читатели, конечно, не забыли, что он обещал снабдить маркиза и другими деньгами, когда израсходуется эта сумма. Стало быть, Раулю неинтересно было бы выиграть несколько жалких луидоров, героически оспариваемых трефами у червей или пиками у бубен. Как ни правдоподобно это предположение, однако оно было несправедливо. Рауль пришел сюда играть, потому что Рауль обожал игру, не для прибыли, которую она могла ему доставить, но для сильных ощущений, возбуждаемых ею. Рауль чувствовал потребность садиться вечером у зеленого сукна и видеть, как свечи начинают бледнеть при появлении дневного света; он чувствовал потребность слышать звук золотых монет, передвигаемых дрожащими руками, радостные восклицания счастливых игроков, крики бешенства несчастных. Ожесточенные битвы червонного короля с пиковой дамой, гомерическая борьба Ожэ и Лансло гальванизировали его. Ему приятно было смотреть, как проигравшиеся судорожно раздирали ногтями свои задыхающиеся груди и пятали кровью дорогие кружева. Все охотно согласится, что герой наш совершенно особенным образом был одержим демоном игры, и что он тем более был игроком не для выигрыша или проигрыша, а только для того, чтобы осязать карты и видеть, как выигрывают или проигрывают другие.

По странной случайности, в этот вечер между многочисленными посетителями игорного дома, не было никого из близких знакомых Рауля. Мимоходом он обменивался поклонами направо и налево, но это были поклоны простой вежливости. Молодой человек подошел к столу, вокруг которого играли в ландскнехт, и, став позади игроков, начал смотреть на партию, продолжавшуюся с ожесточением.

Прямо против него, опираясь локтями на стол, сидел человек лет тридцати, высокого роста и геркулесовой силы. Человек этот, с лицом румяным и шеей толстой, как у быка, играл с таким блестящим и постоянным успехом, что золото и банковые билеты лежали перед ним кучей, увеличивавшейся каждую минуту. Рауль вспомнил, что он видал уже этого счастливицу, который был одним из пале-рояльских офицеров и назывался виконтом д'Обиньи.

За стулом д'Обиньи стоял высокий, необыкновенно худощавый мужчина, который не мог не привлечь к себе внимания. Раз взглянув на него, трудно было бы от него оторваться: до того поразительна была его наружность. Хотя он казался еще молод, но его черные волосы начинали уже седеть. Лицо его было мускулисто и смугло, как у испанца. Глаза, черные, глубокие, сверкали во впалых и черных, как уголь, глазных впадинах. Тонкие губы, по-видимому, не улыбались никогда, и вся его физиономия имела отпечаток мрачной озабоченности. Нос, наподобие орлиного клюва, и ноздри, очень подвижные и широкие, делали его похожим на хищную птицу. Незнакомец был в черном бархатном костюме. Три огромных бриллианта: один в булавке, воткнутой в жабо, другой на безымянном пальце правой руки и третий на эфесе шпаги, бросали такой яркий блеск, что ослепляли глаза. Он не играл, не держал пари и не говорил ни с кем.

Рауль глядел на него с любопытством, потом, когда один из игроков встал из-за стола, кавалер тотчас сел на пустое место, вынул из кармана горсть золота и положил перед собой. Счастье не изменяло виконту д'Обиньи. С тех пор, как началась игра, он не проиграл ни одной ставки. В ту минуту, когда до виконта снова дошла очередь держать карты, небольшой трепет внимания пробежал по зале и самые отчаянные игроки с робостью решались держать против него.

– Двадцать пять луидоров, – сказал Рауль, кладя перед собой золотые монеты.

Это была блистательная ставка.

– Держу, – отвечал виконт.

Рауль проиграл. Виконт пододвинул к себе двадцать пять луидоров, и так как куча золота слишком уже увеличилась и монеты могли рассыпаться, если б к ним прибавилось еще сколько-нибудь, он положил в карман деньги, выигранные у Рауля. Карты обошли стол кругом. Очередь дошла до кавалера. Он поставил пятьдесят луидоров. Виконт сказал, что держит, как и в первый раз, и Рауль выиграл. Шепот удивления послышался между зрителями. Дело было очень просто само по себе, но все игравшие, казалось, уже привыкли к мысли, что виконт не мог проиграть. Сам д'Обиньи, по-видимому, был удивлен не менее других.

– Ставлю сто луидоров, – сказал он.

Рауль поклонился в знак согласия и выиграл, д'Обиньи не мог удержаться, чтоб не нахмурить бровей, и пробормотал с очевидным неудовольствием:

– Ставлю двести луидоров. Держите?

– Весьма охотно, – отвечал кавалер с самой изящной вежливостью, – и сколько бы вы ни играли, я все равно буду иметь честь держать ваши ставки.

Решительно, счастье изменило виконту. Рауль выиграл и в третий раз, и в четвертый, и в пятый. Мало-помалу, груда золота и банковых билетов перешла на другое место и накоплялась перед Раулем, который смотрел на деньги с совершенным равнодушием.

Виконт же переносил проигрыш с очевидным нетерпением. Жилы на лбу его надулись, глаза налились кровью, лицо то бледнело, то краснело. Скоро перед ним не осталось ничего. Он глухо заревел и хотел встать, думая, что у него не было более денег, но вдруг вспомнил о двадцати пяти луидорах Рауля и вынул их с такой поспешностью, с какой утопающий цепляется за спасительную доску, брошенную ему случаем.

– Двадцать пять луидоров, – сказал он.

Рауль поклонился в знак согласия. Общее внимание удвоилось. Даже незнакомец со смуглым лицом как будто начал принимать участие.

Рауль стал метать. Карты падали одна за другой без всякого результата. Фортуна, прихотливая богиня, как говаривали прежде, как будто находила удовольствие заставлять дожидаться своего приговора.

Беспокойство виконта д'Обиньи было ужасно. Чтобы как-нибудь рассеять это беспокойство, он взял со стола луидор из своей ставки и начал машинально вертеть его между пальцами. Луидор разломился надвое. Виконт взял другой луидор, который разломился так же, как и первый. Он вздрогнул и продолжал свой странный опыт с одинаковым результатом. Десять или двадцать луидоров имели ту же участь. Рауль ничего не замечал. В ту минуту, когда случай наконец объявил себя в его пользу, когда он говорил: «Я выиграл!» виконт бросил ему в лицо горсть разбитых луидоров и вскричал голосом, едва внятным от гнева:

– Вы украли мое честное золото, проигрывая фальшивые деньги... Вы плут или фальшивомонетчик!..

Рауль побледнел, выдернул свою шпагу и сделал движение, чтобы броситься на виконта, но стоявшие вблизи удержали его и все голоса, как бы с общего согласия, повторили:

– Не здесь!.. Не здесь!..

– Вы правы, господа, – отвечал кавалер, к которому возвратилось все его хладнокровие. – В самом деле, не здесь должен я отомстить за сделанное мне оскорбление!.. Выйдем отсюда! – прибавил он, обратившись к своему противнику.

– Когда хотите! – вскричал виконт с бешенством.

Толпа расступилась, чтобы пропустить врагов, которые, очевидно, решились перерезать друг другу горло. В описываемую нами эпоху дуэли были таким обыкновенным делом, что никто даже и не подумал последовать за противниками. Они дошли уже до дверей, когда незнакомец со смуглым лицом приблизился к ним и сказал:

– Не угодно ли вам, господа, поговорить со мной одну минуту?

Виконт и кавалер с удивлением остановились перед незнакомцем.

– Что вам угодно от нас? – спросил Рауль.

– Я хочу оказать вам услугу.

– Услугу?.. Вы хотите оказать услугу? Нам?

– Да, господа, именно.

– Какую же?

– Я хочу не отговорить вас от необходимой дуэли, сохрани меня Бог! Но только сказать вам: не деритесь сегодня!

– Отчего? – спросил Рауль.

– Оттого, – отвечал незнакомец мрачным голосом, – оттого, что сегодня пятница...

– Вы сумасшедший! – прошептал Рауль, пожав плечами и сделав несколько шагов вперед.

Незнакомец снова загородил ему дорогу. С самого начала этого разговора гнев д'Обиньи внутренне кипел и, видимо, имел потребность вылиться наружу. Виконт поспешно ухватился за представлявшийся ему случай излить избыток этого гнева. Он прямо подошел к незнакомцу и вскричал с угрожающим движением:

– Кто вы такой и с какой стати так дерзко вмешиваетесь в дело, которое вовсе не касается до вас?

При этих словах незнакомец, несмотря на свою бледность, казалось, побледнел еще более. Он выпрямился во весь рост и отвечал виконту, уничтожая его своим презрительным видом и сверкающим взором:

– Кто я такой?.. Я дон Реймон Васкончеллос, гранд испанский первого класса и мальтийский командор!.. Вы спрашиваете, зачем я вмешиваюсь в ваши дела?.. Отвечаю вам: затем, что я дал обет не допускать, насколько это зависит от меня, дуэлей по пятницам; но данный мною обет связывает меня только в этот день, и я убью вас завтра, ничтожный дворянчик, чтобы научить, как люди вашего сорта обязаны говорить с людьми, подобными мне.

– А! Вот что! – вскричал виконт, раздраженный до крайности. – Ну, господин испанский гранд, так как я не давал никакого обета, то и убью вас сейчас же!..

– Вы принадлежите мне! – вмешался Рауль, обратившись к виконту. – И если моя шпага не обманет руки моей, то я думаю, что вам уже не удастся более убивать никого...

– Пойдемте же! – вскричал д'Обиньи. – Сначала вы, потом он.

И он указал на испанца. Тот холодно вынул часы.

– Половина двенадцатого, – сказал он, – еще раз прошу вас, подождите, пока пробьет полночь, потому что тогда будет уже не пятница, а суббота...

Ни Рауль, ни виконт не отвечали и, так как дон Реймон уже не загораживал им дороги, поспешно вышли из зала. Д'Обиньи обернулся.

– Я вас найду! – закричал он командору.

– Вам не нужно будет трудиться искать меня, – отвечал испанец. – Я не оставлю вас!

И в самом деле, он вышел вместе с двумя противниками. Проходя через переднюю, Рауль сделал Жаку знак, чтобы он шел за ним. Слуга бросил кости, которыми собирался играть, и последовал за своим господином. Дон Реймон шел позади.

– Возьми с собой факел, – сказал Рауль Жаку в ту минуту, как они проходили ворота.

Жак вырвал факел у одного из носильщиков и взамен бросил ему луидор. Все четверо пошли по улице Сент-Онорэ, по направлению к Пале-Рояльской площади. С площади Рауль и виконт, шедшие впереди, повернули направо, в узкий и темный переулок, находившийся на том самом месте, которое занимает ныне улица Риволи. Полупотухший фонарь едва-едва освещал переулок, и кавалер обрадовался, что ему пришлось в голову велеть своему слуге взять факел. Рауль и виконт остановились и сбросили верхнее платье. Жака поставили под навес низких ворот.

– Держи выше факел! – закричал ему де ла Транблэ.

Виконт и кавалер взялись за шпаги. В десяти шагах от них дон Реймон, прислонившись к стене, приготовлялся смотреть на битву.

– Господа! – вскричал он. – Прошу вас в последний раз – берегитесь! Сегодня пятница!.. Пятница – день гибельный...

– Молчи, зловещая птица! – прошептал Рауль.

Дон Реймон услышал брань кавалера, два раза перекрестился и, сложив руки на груди, стал ждать конца.

Взволнованный этой сценой, Жак дрожащей рукой держал факел, который время от времени бросал яркий свет; потом пламя его утонуло в дыму и темнота становилась густая. Бледные губы командора как будто шептали молитву.

Рауль и виконт бросились друг на друга с равным бешенством. Сначала невозможно было предвидеть, за кем останется победа. Искусство обоих было почти одинаково. Д'Обиньи превосходил Рауля силой своих мускулов, но кавалер сохранял хладнокровие, которого недоставало его противнику. По мере того, как шпаги сверкали в воздухе, отражая синеватыми молниями перемежающийся свет факела, командор приближался к месту битвы, как бы увлекаемый непреодолимым очарованием.

Дуэль продолжалась. Вдруг шпага виконта, столкнувшись со шпагой Рауля, переломилась в десяти дюймах от эфеса. Д'Обиньи отпрыгнул назад.

– Не бойтесь! – сказал ему кавалер презрительным тоном. – Я охотно убиваю людей, но не умерщвляю их!..

В то же время он прижал клинок своей шпаги к своему колену и разломал ее.

– Что начала шпага, – вскричал он тогда, – может окончить кинжал!..

И он пошел прямо на д'Обиньи. Борьба возобновилась еще ужаснее, чем прежде. Руки обоих противников переплетались, задыхающиеся груди касались одна другой. Это продолжалось с минуту. Потом послышался громкий крик, за которым последовал глухой стук. Виконт

с проколотой грудью повалился на грязную мостовую. Факел выпал из рук Жака. В эту минуту полночь пробила на пале-рояльских часах. Командор глубоко вздохнул.

– Ах! – прошептал он едва внятным голосом, – как этот переулочек похож на Страда-Сиретта!.. Боже мой, сжался надо мною!..

Произнося эти странные слова, он тоже упал на землю, как будто бы был поражен невидимой рукой. Он был без чувств.

Между тем виконт еще дышал. Он приподнялся с земли и, захлебываясь в потоках крови, которая вырывалась у него из горла, сказал Раулю:

– Кажется, я умру; если же выздоровею, мы опять примемся за то же.

– Когда вы захотите, или, лучше сказать, когда вы будете в состоянии, – отвечал кавалер.

Виконт упал опять и не подавал более знака жизни. Рауль вложил в ножны разломанную шпагу, поднял свое платье и сказал Жаку:

– Пойдем. Нам больше нечего здесь делать.

Но едва он произнес эти слова, как чья-то рука дотронулась до его плеча и чей-то голос сказал ему:

– Вы мой пленник!.. Не угодно ли вам отдать мне вашу шпагу?..

Рауль обернулся с удивлением, которое легко понять. Его держал за руку полицейский комиссар; двенадцать человек дозорных преграждали ему путь.

– Откуда вы явились, господин комиссар? – спросил кавалер. – Я не видал и не слышал, как вы подошли...

– Я думаю, – отвечал полицейский с улыбкой, – вы были слишком заняты, чтобы обратить на меня внимание...

– Ну! Если уж вы здесь, – продолжал Рауль, – то пусть ваше присутствие послужит к чему-нибудь полезному: прикажите вашим людям поднять несчастного, который валяется на мостовой, и отнести его в такое место, где ему окажут помощь...

Кавалер указал на д'Обиньи, кровь которого образовывала уже небольшой ручеек посреди переулочка. Комиссар сделал знак, и двое дозорных тотчас подняли виконта. Полицейский подошел и взглянул ему в лицо.

– А! – вскричал он, – это д'Обиньи, королевский офицер... Дело плохо! Очень плохо!

– Теперь, когда вы исполнили долг человеколюбия, – продолжал Рауль, – ничто не мешает вам идти в вашу сторону, а мне в мою... Господин комиссар, желаю вам спокойной ночи...

И кавалер хотел удалиться.

– Позвольте, что вы хотите делать? – спросил полицейский.

– Вы видите, я ухожу.

– Вы шутите?

– Я не шучу никогда.

– Но, милостивый государь, я имел честь сказать вам, что вы мой пленник!

– Я слышал.

– Ну?

– А я имею честь доложить вам, что вы ошиблись, сказав мне это.

– Милостивый государь, ваша насмешка кажется мне совершенно неприличной...

– Милостивый государь, ваша настойчивость кажется мне вовсе неуместной!..

– Вы пойдете со мной, и сию же минуту! – вскричал полицейский, начиная сердиться.

– Не думаю.

– Не думаете?..

– Да, – отвечал Рауль, спокойствие которого не изменялось.

– Вы хотите принудить меня употребить силу?..

– Я просто докажу вам, что я вовсе не ваш пленник, как вы думаете...

– А! Вот как!.. Мне очень любопытно было бы узнать...

– Так знайте же...

И Рауль вынул из кармана известный нам бумажник, а оттуда – лист пергамента, уже игравший роль в нашем рассказе, и подал его полицейскому. Лист этот, как читатели, вероятно, помнят, начинался следующими словами:

«Божьей милостью, мы, Филипп Орлеанский, регент Франции, приказываем и повелеваем всем тем, кто увидит сию бумагу...» и проч. и проч.

А кончался:

«Запрещаем, кроме того, по какой бы то ни было причине, беспокоить вышеназванного кавалера де ла Транблэ, мешать его действиям и противиться его воле.

Что бы он ни делал, он делал это по нашему приказанию и для пользы нашей».

Как только полицейский прочитал поданный ему лист, обращение его сделалось смиренно и почтительно; он низко поклонился Раулю и спросил, что он ему прикажет.

– Что я вам прикажу? – повторил кавалер, спрятав пергамент в карман. – А вот что: переулок, в котором мы находимся, имеет два выхода, один справа, другой слева. Я иду направо, а вы поверните налево. Спокойной ночи, господа!

Полицейский снова поклонился, кликнул дозорных и удалился с ними в указанном направлении.

– Пойдем, – сказал Рауль Жаку, как только шаги дозорных затихли вдали.

Идя по переулку, Рауль наткнулся на тело дон-Реймона.

– Еще труп, – прошептал он, наклонившись рассмотреть лицо мнимого мертвеца.

– Что это значит? – спросил сам себя молодой человек, узнав командора. – Дон Реймон, я в этом уверен, не дрался на дуэли ни с кем... Сердце его еще бьется... дыхание свободно... он как будто спит... странно! Решительно ничего не понимаю... Но, как бы то ни было, нельзя же оставить испанского гранда провести ночь на улице.

После этого краткого монолога, Рауль обратился к Жаку и сказал:

– Покарауль тело этого дворянина, а я пойду отыскать портшез, в котором мы унесем его.

– Слушаю, кавалер, – отвечал Жак.

Во время отсутствия Рауля, ни одно живое существо не явилось в безмолвном и темном переулке, в котором происходила дуэль. Кавалер скоро вернулся. Жак и носильщики положили дон-Реймона в портшез. Рауль поместился возле командора.

– На улицу Круассон, – сказал он Жаку, – указывай дорогу носильщикам.

Вследствие необходимости, которая обнаружится для наших читателей по мере хода нашего рассказа, Рауль имел в Париже несколько квартир. С помощью Жака, носильщики внесли командора в комнату и положили его на кровать, а Рауль, истощенный усталостью и сильными ощущениями этого дня, пошел в свою спальную и лег.

На другой день, очень рано, Жак вошел к своему хозяину. Рауль еще спал. Рассердясь, что Жак разбудил его так рано, он принял его очень дурно. Жак дал пройти буре, не отвечая ни слова, потом сказал:

– Ваш гость проснулся и хочет поблагодарить вас прежде, чем уйдет.

– А! Это другое дело, – сказал Рауль. – Я сейчас встану.

Через четверть часа кавалер вошел к дону Реймону. Комната, в которой находился командор, напоминала своей роскошной меблировкой таинственную квартиру Рауля в улице Шерш-Миди.

– Вы выказали себя в эту ночь храбрым как дворянин и человеколюбивым как христианин, – сказал испанец. – Позвольте же мне уверить вас, что с этого дня, в каком бы положении вы ни находились, вы всегда можете положиться на дон-Реймона Васкончеллосу и располагать его шпагой и кредитом...

– То, что я сделал для вас, очень просто и не стоит благодарности, – отвечал Рауль. – Прошу вас, не будем говорить об этом... Как вы чувствуете себя сегодня?

– Как нельзя лучше.

– Какой же причине приписываете вы ваш внезапный обморок?

Дон Реймон смутился.

– Надеюсь, что, по вашей деликатности, – прошептал он, – вы не станете расспрашивать меня... Это пробуждает во мне горестные воспоминания...

Рауль поклонился в знак согласия. Командор тотчас продолжал, как бы затем, чтобы обратить разговор на другой предмет:

– Вы знаете, как зовут вашего противника?

– Знаю, – отвечал Рауль. – Виконт д'Обиньи.

– Он еще жив?

– Не знаю.

– Рана его опасна, не так ли?

– Кажется.

Наступила минута молчания, потом командор прибавил:

– Вы поразили несчастного в пятницу до полуночи. Молите Бога, чтобы он не умер от удара вашей шпаги!..

– Зачем? – спросил Рауль с удивлением.

– Затем, что пятница приносит несчастье, и кровь, которая прольется в пятницу, падает на того, кто прольет ее! – прошептал дон Реймон таким серьезным и убежденным тоном, что кавалер не мог удержаться, чтобы не задрожать, слушая его. – Я живу в улице Св. Доминика, – продолжал командор. – Пожалуйста, не забудьте этого, кавалер, и будьте уверены, что вы меня обяжете, располагая мною...

Дон Реймон простился с Раулем, который почувствовал облегчение, не имея перед глазами странной и мрачной фигуры испанца.

XXVI. Свадьба

Почти тотчас после разговора, при котором мы присутствовали, Рауль отправился к Тианжу. Маркиз ждал его. Кавалер рассказал ему о вчерашних происшествиях.

– Черт побери! – сказал маркиз. – Вы убиваете пале-рояльских офицеров и как будто нарочно выбрали именно этого грубияна виконта, к которому регент с некоторого времени сильно пристрастился!.. Знаете ли, любезный кавалер, что это несколько не облегчает наших дел?..

– Слишком хорошо знаю, – отвечал Рауль, – но будьте спокойны, у меня уже есть в голове чудный план, и мы выпутаемся.

– Прекрасно! Только надо поторопиться...

Рауль сделал жест, говоривший: положитесь на меня!.. Потом продолжал:

– Теперь поговорим о другом. Позаботились ли вы о том, о чем я просил вас?..

– О вашей свадьбе?..

– Да.

– Разумеется.

– Ну, что ж?..

– Ну, все готово; капелла в порядке, я знаю почти наизусть венчальный обряд и вчера, когда вы ушли, примерил костюм капеллана, который мне чудо как идет!..

– Маркиз! – вскричал Рауль, засмеявшись и потрепав Тианжа по плечу, – если судьба будет к вам справедлива, вы умрете от громового удара!..

– Почему бы и нет? – отвечал маркиз. – Мне бы хотелось скрестить свою шпагу с молнией, это был бы противник, достойный меня!

– В котором часу будет церемония? – спросил Рауль.

– От вас зависит назначить.

– Раз так, то в одиннадцать... согласны ли вы?

– Хорошо, вас будут ждать.

– Я забыл одно...

– Что такое?

– Нам нужны свидетели.

– Мой управитель и метрдотель будут вашими свидетелями. Для этого случая они превратятся в старых дворян, ваших родственников...

– Бесподобно! У вас блестящее и неисчерпаемое воображение, и если бы вы не были слишком знатным вельможей, чтобы сделаться бумагомарателем, вы могли бы сочинять романы получше мадемуазель Скюдери!.. До завтра, маркиз!

– До завтра, любезный кавалер!

Оставив де Тианжа, Рауль отправился в гостиницу «Царь Соломон», где Жанна ждала его с нетерпением. Девушка была печальна. Ночью ей снились страшные сны и в душе ее теснились мрачные предчувствия. Ей казалось, что ее жениху угрожает несчастье и что с ней самой должно случиться что-нибудь ужасное. Во сне она видела Рауля окровавленного и распростертого у ее ног; потом она чувствовала, что умирает, что ледяной, болезненный холод малопомалу распространился по ее жилам, сердце перестало биться, члены двигаться, а губы не могли произнести ни одного слова. Вокруг нее шептали голоса: «Она умерла!.. Все кончено!..» Услужливые руки положили ее в гроб, закрыли его и отнесли для отпевания в ту комнату, в которой она должна была венчаться. Могила – вот брачное ложе, которое должно было соединить жениха и невесту!..

Жанна проснулась, трепеща всем телом и обливаясь холодным потом. К счастью, первые лучи солнца уже светились на окнах спальни. Жанна успела преодолеть свой суеверный ужас, но, повторяем, неизмеримая грусть тяготила ее до прихода Рауля.

В ту минуту, как жених ее переступил через порог комнаты, Жанна подбежала к нему, и тотчас опасения, боязнь, предчувствия исчезли из души ее, как при восходе солнца испаряется утренний туман. Мы не будем следовать за очаровательной болтовней любовников. Вскоре их продолжительный и нежный разговор был прерван восхитительным развлечением. Самуил принес огромный сундук из черного дерева, украшенный бесподобными инкрустациями. В этом сундуке находились материи и наряды для свадебной церемонии. Тут были великолепнейшие платья, драгоценнейшие кружева, бриллианты, которым позавидовала бы королева. Можно судить о восхищении девушки при виде всех этих сокровищ. При каждой новой вещи, вынимаемой из неисчерпаемого сундука, Жанна хлопала в ладоши и обнаруживала детскую радость, которой Рауль не мог не разделять, хотя и говорил иногда с кроткой серьезностью:

– Зачем вы так радуетесь, милое дитя?.. К чему вам все это? Вы не сделаетесь прелестнее от этих нарядов!..

– О! – отвечала Жанна, – позвольте мне восхищаться, друг мой, и считать себя неизмеримо счастливой... Не служит ли все это доказательством, до какой степени вы меня любите!..

Настал вечер. Так же, как и накануне, Рауль простился с Жанной, сказав ей:

– До завтра... До завтра, с тем чтобы не расставаться более!

Молодая девушка не отвечала, но ее молчание и румянец красноречиво говорили за нее.

Наконец настал день свадьбы. В десять часов утра Рауль вошел в гостиницу Царя Соломона. Он был одет с изящной простотой и с величайшим вкусом. Синий бархатный кафтан вполтину покрывал белый атласный жилет, вышитый серебром. Серые панталоны и белые шелковые чулки дополняли наряд.

Онорина заканчивала туалет Жанны. Белое шелковое платье обрисовывало стройный и грациозный стан девушки. Девственные цветы символического букета переплетались с ее прекрасными белокурыми волосами. С каждой стороны ее прелестной шеи спускались длинные

концы богатого кружевного вуаля. Этот свежий и простой наряд придавал новый блеск ее великолепной красоте. Жанна была ослепительна.

– Моя царица, – сказал Рауль, становясь перед своей невестой на колени. – Вас должно обожать!..

– Любите меня только, – отвечала девушка с улыбкой. – Я более ничего не прошу у вас...

И она протянула руку жениху, чтобы поднять его. Рауль, стоя на коленях, взял эту руку и прижал ее к своим губам.

– Сейчас, – продолжала Жанна, – вы называли меня вашей царицей, не правда ли?..

– Да, вы царица моего сердца, моей жизни, моей воли, всего моего существования.

– Повинуйтесь же мне как царице и встаньте.

Рауль тотчас встал. Жанна продолжала:

– Вот это покорность!.. Хорошо! А так как царица не неблагодарна, она позволяет своему верному подданному поцеловать ее...

Нужно ли нам говорить, что Рауль с жаром воспользовался данным позволением? Однако, пробила половина одиннадцатого.

– Пойдемте, – сказал Рауль.

И он подал руку молодой девушке. Вместо того, чтобы вести свою невесту, как она ожидала, по тайному выходу, Рауль ввел ее в столовую и дотронулся до пружины, скрытой в обоях; тотчас отворилась дверь на широкую и великолепную лестницу, по которой и сошли молодые люди. Эта лестница кончалась огромной передней, три стеклянные двери которой вели на просторный двор. Перед одной дверью стояла карета, совершенно новая и необыкновенной красоты. Кузов и дверцы ее, синие с золотом, были украшены разными аллегорическими изображениями; внутренность была обита вышитым белым атласом; обложенные серебром колеса ярко блестели. Лошади, белые, как снег, с длинными гривами, в которые были вплетены голубые и серебряные ленты, ржали и били копытами от нетерпения, удерживаемые мощной рукой видного кучера, напудренного, в треугольной шляпе с галуном и в пунцовом с золотом кафтане. Три высоких лакея, стоявшие возле дверец, были в таких же ливреях.

– Боже! Друг мой, какой великолепный экипаж! – вскричала Жанна с восторгом.

– Вы находите, милое дитя?

– Карета, лошади и ливрея кажутся мне самого изящного вкуса! Вы знаете, кому все это принадлежит?

– На дверцах нарисован герб, – отвечал Рауль, – может быть, он вам объяснит то, что вы хотите знать.

– О! Я не сильна в геральдике!

– Все-таки посмотрите.

Они подошли к карете. На дверцах блестели искусно соединенные гербы Шанбаров и де ла Транблэ.

– Что это значит? – спросила молодая девушка, остолбенев от изумления.

– Это значит, – отвечал Рауль, – что карета принадлежит вам.

В то же время он сделал знак, и лакеи тотчас засуетились: один открыл дверцу, другой откинул подножки, третий подал Жанне свою руку, обтянутую перчаткой, чтобы помочь Жанне войти в карету. Рауль сел возле своей невесты, лошади быстро помчались. Через несколько минут карета остановилась у Отеля Тианж. Гигантский гайдук ожидал на крыльце. Как только Рауль и Жанна вышли из кареты, он низко им поклонился и пошел перед ними важной и торжественной поступью. Следуя его указаниям, жених и невеста скоро дошли до дверей обширной залы. Там он поклонился, сделал два шага в сторону, чтобы пропустить их, и затворил за ними дверь.

На минуту Рауль и Жанна остались одни; ни тот, ни другая не говорили. Жанна была слишком взволнованна, чтоб произнести хоть одно слово; что же касается Рауля, то невольное

смущение овладело им в ту минуту, когда он очутился, так сказать, лицом к лицу с гнусным поступком, который готовился совершить и который его совесть и закон равно клеймили именем преступления.

Дверь залы отворилась, и гайдук снова явился на пороге и громко провозгласил:

– Маркиз д'Орбессон... Видам де Памье...

В то же время два человека, в высшей степени оригинальные, торжественно вступили в залу. Первый, мнимый маркиз д'Орбессон, был одарен высоким ростом и достойной полнотою. Сверх жонкилевого кафтана и желтого жилета, на нем была горностаевая шуба, покрытая гранатовым бархатом; из-под нее комическим образом торчала его маленькая шпага. Парик, старательно напудренный, подчеркивал красноту лица, щеки, нос и лоб которого были покрыты ярким румянцем. Лицо это, без сомнения, разбурлявшееся таким образом от поклонения бутылке, походило, между белым париком и кружевным галстуком, на вишню в снегу. Черты мнимого маркиза, впрочем, выражали шутовскую и довольно остроумную веселость. Он опирался, как откупщик в комедии, на трость с золотым набалдашником.

Его товарищ, видам де Памье, был не ниже его ростом, но необыкновенно худощав. Его тщедушные, почти чахоточные члены угловато торчали в широком бархатном кафтане зеленого цвета, вышитом серебром. На нем были чулки с серебряными стрелками, башмаки с красными каблуками и чрезвычайно широкими пряжками. Глаза его были тусклы, а физиономия решительно ничего не говорила. Несмотря на эту не весьма привлекательную наружность, видам принимал грациозный и великолепный вид, от которого можно было бы умереть со смеху, и, казалось, имел превосходное и самое лестное мнение о своих личных достоинствах.

Всякому другому, кроме Жанны, непременно показались бы странными манеры этих мнимых вельмож, но девушка никогда не видала людей знатных и притом в эту минуту ей не доставало необходимой свободы ума, чтобы наблюдать и в особенности отдать себе отчет в своих наблюдениях.

Маркиз д'Орбессон и видам де Памье были не кто иные, как управитель и метрдотель маркиза де Тианжа. Первому, одаренному довольно быстрым умом и большим красноречием, было поручено играть немаловажную роль в приготавливавшейся комедии. Второй, совершенно ничтожный, должен был только фигурировать, а не действовать, как актер.

При появлении этих странных персонажей Рауль закусил губу, чтобы удержаться от смеха. Взяв Жанну за руку, он пошел с ней навстречу к пришедшим. Маркиз д'Орбессон взял другую руку Жанны, вежливо поднес ее к своим губам и сказал Раулю:

– Клянусь честью, мой прекрасный племянник, представь же меня этой очаровательной девице, которую я почти за счастье назвать моей племянницей...

– Жанна, – сказал тогда кавалер, – имею честь представить вам маркиза д'Орбессона, моего дядю... Любезный дядюшка, – прибавил он, – имею честь представить вам мадемуазель Жанну де Шанбар, которая скоро будет мадам де ла Транблэ.

– Я откровенен, – заметил мнимый маркиз, – и даже иногда, как уверяют, немножко груб. Когда я узнал, мой прекрасный племянник, что ты женишься по любви, отказавшись от стольких богатых невест, которых я предлагал тебе, признаюсь, я рассердился на тебя!.. Я боялся обманчивой повязки купидона... Я дрожал при мысли о союзе, недостойном твоего положения в свете, недостойном имени, которое ты носишь... Но с тех пор, как я увидел твою невесту, с тех пор, как я сам убедился, что нет ничего преувеличенного во всем, что ты велел мне сказать об этом сокровище невинности, грации и красоты, я считаю себя виноватым перед тобою. Прими же мои поздравления, любезный племянник, мои искреннейшие поздравления!..

И дядя подкрепил все эти похвалы сильным пожатием руки. Видам де Памье слушал все, что говорилось, и каждую минуту качал головой в знак одобрения. Несмотря на свое изумительное хладнокровие, Рауль находил эту сцену слишком длинной и боялся, чтоб она не сделалась затруднительной. Пожатие руки было для него не слишком лестно. Он опасался,

чтобы в случае, если комедия продолжится, дядюшка не вздумал оказать еще какого-нибудь нового изъявления своей родственной внимательности. Прекрасное личико Жанны и без того уже покрывалось румянцем стыдливости при каждом комплименте маркиза.

«Долго ли еще продолжится все это?» – спрашивал себя кавалер и внутренне проклинал медлительность маркиза де Тианжа.

Наконец нетерпение Рауля кончилось. Дверь залы отворилась во второй раз и гайдук доложил, что все готово и что капеллан ждет будущих супругов. Рауль взял за руку Жанну и повел ее в капеллу. Эта капелла, выстроенная отцом маркиза де Тианжа, просвещенная набожность которого равнялась слепому безверию его сына, была очень невелика, но отделана с чрезвычайной роскошью и необыкновенным вкусом. Скульптурные украшения принадлежали резцу искусного художника. Алтарь был из белого мрамора. Красный бархатный ковер покрывал пол. Позолоченная лампада изящной работы спускалась со свода на серебряной цепочке. Одно из лучших произведений великого Лесюёра украшало главный алтарь; кроме того, несколько других картин, также весьма замечательных, хотя и второстепенных, сияли, как драгоценные камни, в богатых рамах.

В ту минуту, когда жених, невеста и свидетели вошли в капеллу, мнимый аббат, стоя на коленях в позе притворного благочестия, как будто набожно молился. При звуке шагов он тихо приподнялся с колен и обернулся. Рауль с трудом узнал своего друга. В самом деле, маркиз замаскировался с искусством опытного актера. Мы сказали, что ему было сорок лет и что лицо его было свежо и румяно; но он успел придать себе наружность шестидесятилетнего старика. Несколько серебристых локонов, выбиваясь из-под черной бархатной скуфьи, придавали его лицу выражение патриархального умиления. Синеватые круги, искусно сделанные под глазами, и несколько морщин, кстати проведенных, довершили это превращение. Де Тианж был в одежде капеллана. Он обратился к Раулю и Жанне с наставительной речью, запечатленной самой строгой моралью. Справедливое негодование не позволяет нам привести здесь эту речь. Наконец маркиз начал венчальный обряд.

Раулю сделалось страшно во время совершения чудовищного святотатства, в котором он сам участвовал. Каждую минуту ему казалось, что гнев Божий наконец пробудится и разгромит нечестивцев, осквернявших таким образом освященный алтарь. Раз десять он готов был закричать своему сообщнику: «Остановись!»

Но обряд совершился до конца, и вскоре Рауль сам смеялся над своим невольным ужасом.

Сладостные слезы текли из больших глаз Жанны. Мрачный и почти адский огонь сверкал в глазах Рауля. Святотатство совершилось. Бедная жертва попала в гнусные сети, о которых даже и не подозревала.

XXVII. Шпион

Мы не будем говорить здесь о первых днях союза Рауля и Жанны. Нам известно, что девушка твердо верила в святость своего брака и предавалась с наслаждением и без всяких подозрений нежному упоению медового месяца. Рауль, страстно влюбленный в ту, которую обманул таким гнусным образом, как будто хотел вознаградить ее настоящим счастьем за все горести, которые приготавливал ей в будущем. Он казался лучшим из мужей и едва ли расставался со своей молодой женой на час или два в сутки. Словом, Жанна, вступив на путь супружеской жизни, столь часто тернистый, ступала словно по розам.

Рауль окончательно поместил свою молодую супругу в той квартире, которую мы уже описывали и которая имела два выхода: один в Комнату Магов в гостинице, а другой на соседнюю улицу. Рауль как будто осудил себя с женою на совершенное уединение. Изредка по вечерам ездил он с Жанной кататься в карете или заключался вместе с нею в самую мрачную из

закрытых оперных лож. Молодая женщина выразила некоторое удивление при таком удивлении и таинственности, которыми Рауль окружал свое жилище и свои поступки, но Рауль отвечал ей, что он вынужден принимать на время меры предосторожности, потому что неблагоразумно скомпрометировал себя в одной политической интриге и знал наверно, что Бастилия раскроется для него, если он не переждет некоторое время. Впрочем, прибавил он, есть надежда, что он скоро будет прощен.

Жанна не настаивала: Рауль, которого она любила выше всего на свете, был всегда с нею. Чего же более могла желать она?.. Прислуга ее состояла только из Онорины и Жака, который за свою привязанность и преданность к господину был удостоен Раулем неограниченного доверия и возведен в достоинство метрдотеля мадам де ла Транблэ. А великолепная карета и рослые лакеи, как мы уже сказали, служили только для ночных прогулок и вечеров, проводимых в опере.

Такое положение вещей не могло долго продолжаться; когда-то должны были совершиться весьма важные изменения. Рауль не совершенно зависел от одного себя; он не имел права располагать своей жизнью по своей воле; на нем лежали весьма важные обязанности, о которых он позабыл только на время, наслаждаясь радостями медового месяца.

Скоро до него дошли дурные известия. Во-первых, виконт д'Обиньи не умер от раны, а, напротив, выздоравливал и беспрестанно возобновлял страшные клятвы отомстить тому, кто ранил его. К счастью для кавалера, имя его было неизвестно виконту; но эта неизвестность не могла долго продолжаться; очевидно, как только больной будет в состоянии встать с постели, он тотчас найдет возможность узнать имя его ночного противника. С другой стороны говорили, что регент страшно рассердился и обещал строго наказать того, кто имел неслыханную дерзость напасть на человека, принадлежащего к его свите. Наконец хуже всего, Антония Верди, прекрасная итальянка, искусная чародейка, являлась опять в Пале-Рояль и производила там вторично свои заклинания. После этого милость к ней регента дошла до огромных размеров.

Все это было вовсе не успокоительно. Рауль сказал себе, что надо уничтожить зло, не теряя ни минуты и всеми возможными средствами. Для этого необходимо было возвратить прежнее неограниченное влияние над умом регента до совершенного выздоровления виконта д'Обиньи. Необходимо было также разрушить до основания начинающееся влияние итальянки или, по крайней мере, сделать из нее друга и союзника. Рауль не скрывал от себя, что давно бы уже ему следовало достигнуть этой двоякой цели, но, подобно Ганнибалу в Капуе, он позволял себе предаваться неге и наслаждениям.

Следовало возвратить потерянное время. Рауль тотчас принялся за дело. Он порылся в шкафах, стоявших в Комнате Магов, и нашел костюм, который должен был придать ему наружность молодого купеческого приказчика, очень заботящегося о своей особе. Этот костюм состоял из коричневого суконного кафтана, оливкового жилета, серых панталон, белых чулок со стрелками, небольшого парика, почти без пудры, пуховой черной шляпы с широкими полями и лакированных башмаков с большими посеребренными пряжками.

Переодевшись таким образом, Рауль пошел в известный в то время кабак знаменитого Ранпонно. В обширные залы этого заведения посетители стекались толпами. Французские гвардейцы с раскрасневшимися лицами и гордо завитыми усами, купеческие приказчики и мещане усердно потягивали там аржантейльское вино.

Рауль сел возле прилавка и велел подать себе рюмку ликера, потом обошел кругом всей залы, рассматривая лица всех посетителей, которые пели, пили и играли в карты или в кости. Без сомнения, он не встретил того, кого искал, потому что, заплатив за выпитую рюмку, тотчас оставил Ранпонно и отправился в другой кабак, славившийся своей дурной репутацией, потому что почти все его посетители были на заметке у полиции. На вывеске этого кабака красовались большими буквами следующие слова: «Союз Марса и Венеры». Узкая и низкая дверь вела во внутренность заведения.

Рауль переступил за порог этой двери с очевидным отвращением. Действительно, место, в которое он входил, было отвратительно и наводило ужас, точно так же, как и его посетители. Тут не было, как у Ранпонно, румяных, добрых и веселых лиц и громкого смеха; не слышно было порывов веселости, если не всегда благопристойной, зато, по крайней мере, почти всегда честной. Тут встречались люди самой подозрительной наружности, физиономии мрачные и зверские; тут раздавались хриплые звуки какого-то странного, непонятного языка, пелись песни до того неблагопристойные, что, вслушавшись в них, стыдно было понять смысл. Это был не кабак, не таверна, а вертеп. Тут пили водку и курили, в подражание голландцам, белые глиняные трубки с длинными чубуками.

В ту минуту, как вошел Рауль, все подняли головы. Одежда его, простая, но опрятная, произвела впечатление. Кавалер бросил вокруг себя тот же самый пытливый взгляд, который в заведении Ранпонно не отыскал того, чего желал. На этот раз Рауль был счастливее, потому что тотчас приметил человека с подозрительной физиономией, которому огромные черные усы и длинный шрам поперек лица придавали воинственный вид. Человек этот, худой, бледный, одетый чрезвычайно бедно, стоял у стены в углу комнаты.

Рауль прямо подошел к нему и коснулся пальцем.

– Э? – проворчал человек с подозрительной физиономией, и ворчание его было очень похоже на ворчание бульдога, которого разбудили. – Кто вы и чего от меня хотите?

Кавалер не отвечал на эти два вопроса, но сделал правой рукой быстрый и странный жест, который, без сомнения, был каким-нибудь условным знаком, потому что человек с подозрительной физиономией тотчас отвечал подобным же жестом. Рауль сел за стол напротив него, и между ними начался шепотом следующий разговор:

– Вас зовут Матьяс Обер, прозванный Рысью? – спросил Рауль.

– Да.

– Стало быть, вы именно тот, кого я ищу... я хочу дать вам поручение...

– А принесет ли оно мне что-нибудь? – спросил странный собеседник кавалера.

– Принесет, и много, – заверил его Рауль.

– Что ж, может быть, вы и правы... Я буду вам служить. О чем идет дело? О похищении?.. Об ударе ножом?.. Предупреждаю вас, прежде, чем вступим в переговоры, что удары ножом нынче стали очень дороги...

– Их не нужно...

– Тем хуже!

– Но вам заплатят так же щедро.

– Тем лучше!

– Вот в чем дело... Вы меня слушаете, не так ли?..

– Благоговейно.

– Мне нужно иметь сведения об одной особе...

– Вы их получите, – сказал Матьяс Обер, вынимая из кармана отвратительный грязный бумажник и приготовившись записывать.

– Эта особа, – продолжал Рауль, – женщина.

– Очень хорошо.

– Она итальянка и называется Антония Верди...

Матьяс как будто силился вспомнить это имя, но, верно, память не напомнила ему ничего, потому что он тотчас сказал:

– Продолжайте.

– Антония Верди, – продолжал кавалер, – молода и очень хороша собой; она занимается магией, ворожбой и вызывает духов.

– О! о! – вскричал Матьяс.

– Около месяца назад, – прибавил Рауль, – она была два раза в Пале-Рояле ночью и в присутствии регента производила заклинания.

Рауль остановился.

– Вы больше ничего не знаете о ней? – спросил Матьяс.

– Ничего.

– Это немного, но для меня довольно. Как ни недостаточны ваши указания, мы будем действовать. Только прежде мы должны хорошенько понять друг друга. Что вы хотите знать?

– Как можно больше.

– Это значит ничего. Поставьте ваши вопросы по порядку, и мы постараемся отвечать на них в точности.

– Итак, я хочу знать:

1. Где живет Антония Верди?

2. Откуда она приехала?

3. Какова была ее прошлая жизнь?

4. Сколько времени находится она в Париже?

5. Каков ее образ жизни?

6. Есть ли у нее какое-нибудь состояние?

7. Наконец, кто ее ввел в Пале-Рояль?

– Ну вот и прекрасно! – сказал Матьяс, положив в карман бумажник, в котором он писал под диктовку Рауля. – Теперь приступим к серьезной стороне вопроса...

– Вы говорили о плате, не так ли?

– Да.

– Я вам обещал быть щедрым.

Матьяс презрительно сжал губы.

– Для меня обещания ничего не значат! Действуйте, и я примусь за дело, иначе я ни за что не берусь.

– Вы хотите денег вперед? Сколько же дать вам?

– Половину платы.

– И сколько же составит вся сумма?

– Двадцать пять луидоров.

– Вы недоверчивы!

– Что же делать!.. Меня часто обманывали.

– Если я дам вам столько, сколько вы хотите, когда вы приметесь за дело?

– Сейчас же.

– А когда я получу нужные для меня сведения?

– Может быть, дня через три, во всяком случае не позже, как через три недели. Это зависит от того, какие затруднения встретятся мне...

– Вот вам пятнадцать луидоров.

– Благодарю.

– Я дам вам еще пятнадцать, получив ответы на мои вопросы. Вы видите, что это составит тридцать луидоров вместо двадцати пяти, которые вы просили...

– Вы поступаете благородно, – заметил Матьяс. – Зато вам и служить будут усердно. Где я вас увижу?..

– Здесь, через четыре дня, в это же время.

– Через четыре дня навряд ли я буду в состоянии удовлетворить вас вполне, но все-таки сообщу что-нибудь.

Рауль простился со своим агентом. Позже мы объясним нашим читателям, каким образом Матьяс Обер не знал Рауля, между тем, как кавалер обратился прямо к нему со своим поручением. Кстати заметим здесь, что если некоторые вещи покажутся темными и неправдо-

подобными в первых частях этой истории, то все объяснится впоследствии, и, надеемся, ко всеобщему удовольствию.

Вечером на четвертый день кавалер воротился в кабак, вероятно, для контраста называвшийся Союзом Марса и Венеры. Обер уже сидел на своем месте. Стоявший перед ним огромный стакан, наполненный водкой, доказывал цветущее положение его финансов. Очевидно, он был пьян, но опьянение не лишало его разума, спокойствия и совершенной ясности.

– Я всегда думал, что нехорошо хвалить самого себя, – сказал он Раулю, как только тот сел возле него, – но сегодня я могу сказать без хвастовства, что я славно заработал свои денежки...

– Вам удалось ваши поиски? – спросил кавалер.

– Черт побери! Разве когда-нибудь Матьясу Оберу, прозванному Рысью, не удастся что-либо?

– Вы без сомнения, принесли с собою сведения, собранные вами?

– Принес.

– Покажите же мне...

Матьяс подал Раулю сверток бумаги, старательно запечатанный, говоря:

– Я человек добросовестный и хотел поступить так же благородно, как и вы. Я велел переписать начисто мои заметки одному моему приятелю, публичному писцу с редкими достоинствами, который когда-нибудь вступит в Академию... Это мне стоило луидор, ни более ни менее. Зато отлично переписано; впрочем, судите сами.

Рауль сорвал печать с бумаги, поданной ему Матьясом, и прочел следующее:

«Донесение, представленное кавалеру Раулю де ла Транблэ об особе, называющейся Антонией Верди».

– Вы меня знаете? – вскричал Рауль, прервав свое чтение.

– Как же, – отвечал Матьяс, – если вы мне дали работу, то почему бы мне было не узнать, на кого я работаю.

Кавалер снова принялся за донесение, которое держал в руках. Оно начиналось следующими словами:

«Семь вопросов было предложено кавалером де ла Транблэ его нижайшему слуге Матьясу Оберу. Вышереченный Матьяс постарается отвечать на них так подробно, как только возможно. Кавалер согласится без труда, прочитав нижеследующее, что исследования были доведены так далеко, как только возможно.

Первый вопрос: где живет Антония Верди? – Она живет на улице Жюссеньн, номер 7, в» Лионской Гостинице».

Второй вопрос: откуда она? – Из Марселя и, без сомнения, из Италии, но на точность сведений можно полагаться только со времени появления ее в Марселе.

Третий вопрос: какова ее прошлая жизнь? – Ответ на этот вопрос вовсе не так легко найти, как на два первых, потому что он гораздо сложнее и запутаннее. Вот что было узнано о прошлой жизни этой искательницы приключений.

Писавший это донесение, узнав, что Антония Верди живет на улице Жюссеньн, всеми силами старался найти возможность вступить в сношения или с самой молодой женщиной, или с кем-нибудь из ее приближенных. Приближенные ее состоят из горничной и лакея. Горничная – итальянка и, кажется, вполне преданна своей госпоже. Лакей – парижанин, хорошо известный полиции, с которым писавший это донесение имел прежде сношения. Они оба встретились у ворот «Лионской Гостиницы» и тотчас узнали друг друга. Матьяс Обер увел в кабак Жана Каррэ (так зовут лакея) и в разговоре, между стаканами и бутылками, узнал от него следующие подробности.

XXVIII. Донесение

«Жан Каррэ, принужденный оставить Париж три или четыре года назад вследствие несогласия с полицией, отправился в Марсель искать более гостеприимного убежища. Не имея решительно никаких средств к жизни, он вынужден был наняться в лакеи в одну из главных гостиниц в городе. Место было хорошее, жалованье достаточное, прибыль большая, и Жан Каррэ скоро свыкся со своим новым положением. Года через два он сделался некоторым образом доверенным человеком хозяина той гостиницы, в которой служил.

Шесть месяцев тому назад в гостиницу эту приехала молодая женщина, очень хорошенькая, с горничной, но почти без багажа. Это, однако, не помешало ей остановиться в самых обширных и великолепных комнатах отеля. Вечером, в тот самый день, как она приехала, один неизвестный молодой человек явился в гостиницу и спросил о приезжей, назвав ее синьорой Антонией Верди. Этот молодой человек приходил потом каждый день. Синьора никуда не выезжала, но много тратила в гостинице и всегда аккуратно платила. Через три месяца молодой человек вдруг перестал являться в гостиницу. Целую неделю Антония Верди горько плакала, била себя в грудь и ходила в трауре, распустив волосы по плечам.

Наконец, она, по-видимому, утешилась, но с этих пор платила за издержки уже не так аккуратно, как прежде, а через несколько времени и вовсе перестала платить. Хозяин гостиницы терпел месяц, потом послал к ней Жана Каррэ просить денег, а в случае отказа просить ее выехать из гостиницы. Жан Каррэ исполнил поручение самым вежливым образом. Молодая женщина не дала ему кончить. Она сняла с пальца бриллиантовый перстень и подала ему, говоря:

– У меня нет денег, но продайте этот перстень и вырученные деньги отдайте вашему хозяину.

Когда Жан Каррэ исполнил приказание Антонии и когда принес ей остаток суммы, она сказала ему с простотой знатной дамы, у которой триста тысяч франков годового дохода:

– Оставьте это себе, друг мой, за труды!..

Через месяц возобновилось то же самое. Синьора Антония послала Жана Каррэ продать второй перстень и по-прежнему велела ему взять себе оставшиеся луидоры. Подобная щедрость со стороны женщины, которая казалась вовсе небогатой, до того удивила Жана Каррэ, что физиономия его ясно выразила, что происходило в нем. Антония угадала его мысли и сказала ему, улыбаясь:

– Я могу тратить много, потому что скоро буду так богата, что мне некуда будет девать своего богатства; если вы хотите, друг мой, я вас обеспечу.

– Каким образом? – спросил Жан Каррэ.

– Я еду в Париж: мне нужен лакей. Поезжайте со мною, и я уверена, что вы будете радоваться своей участи.

Жан Каррэ колебался. Принять предложение молодой женщины значило поступить подобно собаке в басне: оставить кость и бежать за тенью. Но Антония наговорила ему таких убедительных вещей, с таким красноречием, что Жан Каррэ, ослепленный и восхищенный, тотчас побежал к своему хозяину и сказал, чтобы тот искал другого слугу на его место, а он, дескать, поступает в услужение к Антонии Верди. Все думали, что Жан Каррэ сошел к уму, и не старались его удерживать.

Через несколько дней Антония, горничная и Жан уехали из Марселя в Париж. Продажа последних бриллиантов позволила молодой женщине купить подержанную карету, и, кроме того, у ней остались еще наличные деньги. Через три недели путешественники прибыли в Париж. Антония написала заранее, чтобы для нее был приготовлен первый этаж в Лионской

Гостинице, в улице Жюссеньн. Там она заперлась и сначала вела жизнь затворницы, никуда не выходила и никого не принимала.

Через неделю госпожа велела Жану Каррэ отнести письмо в Пале-Рояль. Письмо это было адресовано на имя одного из офицеров регента.

Через два часа человек высокого роста, с румяным лицом, пришел к Антонии и провел с ней часа три, то разговаривая шепотом, то громко споря, но все на каком-то иностранном языке.

После его посещения не проходило дня, чтобы к Антонии купцы не приносили чего-нибудь; но все это были вещи чрезвычайно странные: чучела птиц, хрустальные вазы, необыкновенной формы, разноцветного пламени ракеты, горевшие без дыма и без запаха. Был даже очень красивый скелет, собранный на медной проволоке и двигавший своими костями, когда дотрагивались до пружины, скрытой в подножках.

Антония проводила целые ночи, запершись в своей комнате, изучая какие-то таинственные книги и говоря сама с собою, как сумасшедшая или лунатик. Посещения мужчины высокого роста сделались реже, но все-таки раза два в неделю он аккуратно приходил в гостиницу.

В один вечер Жан Каррэ слышал, как незнакомец, уходя от Антонии, сказал ей:

– Будьте же готовы завтра.

– Будьте спокойны, – отвечала Антония.

На другой день, около десяти часов вечера, карета без гербов, с кучером и лакеями без ливрей, остановилась у ворот «Лионской Гостиницы». Лакей спросил Антонию, которая не заставила себя ждать. Жан Каррэ из любопытства последовал за каретой и видел, как она въехала в Пале-Рояль.

Антония возвратилась в четыре часа утра. Она сияла от радости и заплатила Жану Каррэ жалованье за целый год вперед да еще дала почти столько же в подарок. С этого времени, поездки в Пале-Рояль возобновлялись три раза: два раза днем и раз ночью. Теперь Антония намерена оставить «Лионскую Гостиницу» и ищет квартиру, которую хочет меблировать великолепно. В квартале уверяют, что молодая женщина – колдунья, и что неудивительно будет, если народ скоро сыграет с ней дурную шутку. Антония выдает себя за итальянку, но она не итальянка. Это неоспоримо доказывается следующим обстоятельством. Когда Антония находится с посторонними, она употребляет в разговоре самое резкое итальянское произношение; когда же, напротив, разговаривает с господином, приезжающим к ней из Пале-Рояля, или с Жаном Каррэ и горничной, она говорит на самом чистом французском языке, без малейшего акцента. Наверно, мнимая Антония Верди скрывается под именем и национальностью, ей не принадлежащими. Тут есть тайна, которую еще надо прояснить. Матьяс Обер постарается это сделать, если получит приказание от кавалера де ла Транблэ.

Четвертый вопрос: сколько времени находится Антония в Париже?

Ответ на предыдущий вопрос, равно может служить ответом и на этот и на пятый, в котором спрашивается об образе ее жизни. Следовательно, напрасно было бы повторять одно и то же.

Шестой вопрос: есть ли у нее какое-нибудь состояние?

Никакого, по крайней мере, кроме того, что ей приносят поездки в Пале-Рояль, откуда она всегда возвращается с кучей золота.

Седьмой и последний вопрос: кто ввел Антонию в Пале-Рояль?

Тот господин высокого роста, который приехал к ней через два часа после получения ее записки. Этот господин две недели назад был почти смертельно ранен на дуэли кавалером де ла Транблэ и звать его виконт д'Обиньи...»

Так кончилось донесение Матьяса Обера. Бумага выпала из рук Рауля, когда он прочел последние строки. Какая роковая судьба послала ему вдруг двух страшных врагов, виконта и искательницу приключений? Зачем эта несчастная дуэль не освободила его, по крайней мере,

хоть от одного врага?.. Рауль проклинал свою руку, за то, что она не нанесла более верного удара.

«Ах! Если б я это знал!» – думал он.

И, забыв, в каком месте он находится, он погрузился в мрачные и глубокие размышления. Матьяс Обер вдруг прервал их.

– Вы довольны моим трудом? – спросил он.

– Доволен, – отвечал Рауль.

– В таком случае, не забудьте же...

– Ваших пятнадцать луидоров?.. Вот вам двадцать.

– Имею честь благодарить вас, кавалер, вы настоящее солнце щедрости!..

Рауль встал и сделал несколько шагов, чтобы удалиться.

– Я более не буду вам нужен? – спросил Матьяс Обер.

Рауль колебался с минуту, потом продолжал:

– Может быть, еще понадобится.

XXIX. Ревность

В этот день, в первый раз после своей мнимой свадьбы, Рауль, вернувшись к Жанне, не мог изгладить со своего лица следов озабоченности, мучившей его. Смятение его мыслей было так велико, что он даже забыл переодеться в свое платье, оставленное в Комнате Магов, и явился к молодой женщине в том самом костюме, который надевал, отправляясь к Матьясу Оберу в кабак» Марса и Венеры».

В первую минуту Жанна не узнала своего мужа в костюме, описанном нами выше. Потом, когда она уверилась, что это Рауль, а на это не потребовалось много времени, она начала расспрашивать его о причинах подобного превращения. В любом другом обстоятельстве Рауль первый посмеялся бы над своей рассеянностью и в несколько минут сочинил бы правдоподобную историю, чтобы объяснить переодевание, настоящую причину которого он хотел скрыть. Теперь же, находясь в тревожном расположении духа, огорченный и озабоченный, мучаясь настоящим, опасаясь за будущее, Рауль, застигнутый врасплох, не знал, что отвечать, и, чтобы выпутаться, упрекнул Жанну с некоторой горечью за ее нескромное любопытство.

– Но, друг мой, – возразила Жанна, – мне кажется, что между мужем и женой все должно быть общее; если я не должна иметь от вас секретов, вы также не должны иметь от меня никаких тайн...

– Напрасно вы так думаете, – сухо отвечал Рауль.

– Отчего?

– Муж не должен отдавать жене отчета в своих делах, и когда он считает нужным молчать, ей неприлично расспрашивать!

Жанна с удивлением взглянула на Рауля.

– Боже мой!.. – прошептала она. – Вы не говорили со мною таким образом несколько дней тому назад...

– Оттого, что несколько дней тому назад, – возразил Рауль, – вы не мучили меня вашим докучливым любопытством!..

– Стало быть, я вас мучаю? – вскричала молодая женщина.

– Да, и более, чем я могу выразить, – резко сказал Рауль.

Жанна не отвечала. Она закрыла лицо руками и начала молча плакать. Как горьки показались ей эти слезы, первые, которые заставил ее пролить любимый человек!

Рауль большими шагами ходил по комнате. Через минуту он взглянул на Жанну и, увидав прозрачные жемчужины, катившиеся по бледным щекам молодой женщины, он почувствовал живейшее раскаяние и упрекал себя за грубость. От сожаления в проступке до желания загла-

дить его один только шаг. Рауль встал на колени перед Жанной, взял ее руку и сказал нежным голосом:

– Милое дитя, я огорчил вас невольно... Умоляю вас, простите мне, иначе я не прощу себе!..

Жанна подняла голову. Бледный румянец возвратился на ее щеки; она улыбалась сквозь слезы, как луч летнего солнца блещет сквозь последний туман дождя.

– Вы говорите, что огорчили меня, друг мой, – отвечала она. – Но уверяю вас, что я уже все забыла.

– Ах! – вскричал Рауль. – Вы прелестнее ангелов и так же добры, как и они!..

Потом, прижав молодую женщину к своему сердцу, он осушил губами последние слезы, сиявших на ее свежем личике.

– Теперь, когда мир заключен, – продолжала Жанна с очаровательной улыбкой, – я хочу – пожалуйста, называйте меня дочерью Евы – повторить вам свой вопрос: зачем, милый Рауль, вы сегодня не в обычном своем платье? Зачем блестящий дворянин оделся в мещанский наряд?

– Все это очень просто, – отвечал Рауль, у которого было достаточно времени придумать отговорку. – Я уже говорил вам, милое дитя, что я, по несчастью, замешан в одной политической интриге и потому мое положение не совсем безопасно...

– Да, вы мне говорили об этом...

– Теперь вы, конечно, поймете, что я не имею никакой охоты погостить несколько недель в Бастилии, тем более, что разлука, которая будет следствием заточения, вероятно, не понравится и вам так же, как и мне...

– Боже мой, разумеется... – отвечала Жанна.

– Сегодня, – продолжал Рауль, – дела заставили меня быть в таких местах, где я мог встретить людей, которые меня знают; благоразумие требовало некоторых предосторожностей, и я не придумал ничего лучше, как одеться в костюм, простота которого не могла привлечь внимания...

– Вы поступили благоразумно! – отвечала молодая женщина. – Но зачем вы тотчас же не сказали мне этого?

– Я боялся испугать вас, сказав об угрожающей мне опасности.

– Неужели вы не знаете, – прошептала Жанна, – что я предпочту все беспокойства на свете ужасной для меня мысли – лишиться вашего сердца?

– Моя возлюбленная Жанна, моя обожаемая жена, – отвечал кавалер с жаром, – мое сердце принадлежит вам полностью и будет принадлежать вечно...

Примирение, как видно, было полное, и разговор продолжался в таком же буколическом роде.

Вечером у Рауля было назначено свидание с маркизом де Тианжем. Он оставил Жанну в гостинной и пошел в спальную переодеться в платье, приличное его званию.

Как только Рауль вышел, Жанна заметила довольно толстый пакет, лежавший на ковре на том самом месте, где стоял ее муж. Без всякого сомнения, эта бумага выпала из кармана Рауля. Жанна наклонилась и подняла ее, потом хотела раскрыть и пробежать глазами, но чувство деликатности остановило ее. Имела ли она право читать то, что очевидно не назначалось для нее, и не мог ли Рауль обвинить ее в нескромности, на этот раз уже не без основания? Жанна сделала шаг к спальне, чтобы отнести мужу искустельную бумагу, но ее удержало какое-то предчувствие. Она подумала, что любопытство жены относительно секретов мужа совершенно законно, и, охотно поддавшись влиянию этого рассуждения, с живостью развернула бумагу и прочла три первые строчки.

«Донесение, представленное кавалеру Раулю де ла Транблэ об особе, называющейся Антонией Верди».

– А! дело идет о женщине! – вскричала Жанна, уязвленная в сердце ревнивым подозрением. – О женщине!

Заперев наскоро дверь комнаты, чтобы Рауль не застал ее за чтением, она пробежала все донесение. По мере того, как она читала, ревность все более и более начинала терзать ее и она все более и более убеждалась в том, что пала жертвой гнусной измены. Через три недели после свадьбы!.. Было отчего потерять голову, и Жанна действительно потеряла ее. Она вообразила, будто ясно видит заговор, составленный Раулем. Очевидно, он любил эту женщину, эту искательницу приключений, эту Антонию Верди, если старался узнать о всех подробностях ее жизни. Очевидно, он переодевался затем, чтобы приблизиться к этой женщине, и, вероятно, так был занят мыслью о ней, что даже позабыл переменить свой костюм, когда возвратился под супружескую кровлю. Наконец, очевидно, гнев, обнаруженный им при первых вопросах Жанны, прикрывал естественное замешательство виновного, застигнутого почти на месте преступления. Несчастье, постигшее ее, показалось ей совершенным, ясным, незагладимым. Ее обманывали! ее уже не любили! Жанна хотела бежать к Раулю и осыпать его упреками, которых заслуживал его недостойный поступок.

Она отворила дверь гостиной, но была не в состоянии переступить через порог. Полученный ею удар был так силен, что кровь прилила к ее сердцу и голове, и она упала почти без чувств на ковер.

Через минуту силы к ней возвратились, она приподнялась, дошла до дивана и легла. Ей казалось, что она умирает. Станный шум наполнял ее уши, комната быстро вертелась перед ее глазами. Эта галлюцинация сменилась нервным припадком, искривившим delicate члены бедной Жанны. Чтобы заглушить крики, вырывающиеся у ней болью, она судорожно кусала подушки дивана.

Все это продолжалось минут пять. Припадок кончился потоком слез и почти совершенным ослаблением.

В ту минуту, когда Рауль вошел в гостиную, слабость Жанны была так велика, что можно было подумать, будто она в обмороке.

XXX. Рауль и Жанна

Заметив, в каком ужасном положении находилась молодая женщина, Рауль тотчас подбежал к ней и вскричал с непритворным волнением и беспокойством:

– Что с вами?.. Боже мой! что с вами?

Услышав голос мужа, Жанна почувствовала, что силы вернулись к ней, как бы по волшебству, а вместе с тем пробудилось чувство горести, на минуту усыпленной. Она приподнялась с дивана и встала прямо перед Раулем с дрожащими губами и потупив взор. Кавалер повторил свой вопрос.

– Вы спрашиваете, что со мною, Рауль!.. – прошептала она с невыразимым отчаянием.

– Да, – отвечал кавалер, – я вас спрашиваю, милая Жанна.

Жанна подняла глаза, и в них сверкнула молния... Она раскрыла рот, чтобы вскрикнуть от негодования, но губы ее не могли произнести ни одного слова; молния, сверкнувшая в глазах, угасла. Наконец, после минутного молчания, она отвечала:

– Ничего... ничего...

– Как ничего?.. Глаза ваши красны, лицо расстроено!.. Вы смотрите на меня с ненавистью и гневом... Что я вам сделал?.. Совесть ни в чем не упрекает меня.

С минуту Жанна думала избежать немедленного объяснения, но у нее не достало мужества остаться на несколько часов под тяжестью своего законного негодования. Она хотела облегчить свое сердце и сказала голосом медленным, едва внятным и прерывавшимся от слез:

– О! Рауль, зачем в то время, когда вы вошли умирающий в дом моей матери, зачем пробудили вы в моем сердце жалость, потом любовь?.. Зачем вы говорили мне нежные и лживые слова?.. Зачем давали мне страстные клятвы, которых не думали сдержать? В особенности, зачем вы дали мне имя вашей жены, которое я носила с такой гордостью, хотя оно готовило мне – я это хорошо вижу теперь – только ряд самых мучительных, самых невыносимых горестей?

Жанна остановилась. Рауль воспользовался этой минутой молчания и вскричал:

– Я не знаю, во сне ли я вижу все это или наяву!.. Слова, которые я слышу от вас, сводят меня с ума!.. Спрашиваю вас именем неба, объясните мне, по крайней мере, какие причины заставляют вас говорить со мной таким образом?

– Вы их не угадываете?

– Нет, клянусь вам!

Жанна печально покачала головой.

– Рауль, – прошептала она, – вы мне говорите ложь; не унижайте же себя более, ведь вы видите, что я знаю все.

Рауль задрожал. Неужели Жанна узнала тайну его жизни? Неужели Жанна знала, что он был женат и что, следовательно, союз их был святотатственной комедией? Но нет, этого не могло быть: маркиз де Тианж один знал эту тайну, а Жанна не видала маркиза. Рауль скоро успокоился.

– Милое дитя, – сказал он, – ваши упреки приводят меня в отчаяние, но повторяю вам, что я их не понимаю и не могу понять... Еще раз, что с вами?.. Каковы бы ни были ваши обвинения, я уверен, что могу ответить на них и оправдаться...

– Итак, вы хотите, чтоб я говорила?..

– Да, умоляю вас.

Жанна сделала над собою сверхъестественное усилие. Она приложила руку к сердцу, как бы затем, чтобы удержать сильное биение, и спросила голосом почти спокойным:

– Вы сказали мне, не правда ли, что замешаны в какой-то политической интриге и что вашей свободе угрожает опасность?..

– Сказал, – отвечал Рауль.

– Вы сказали мне, – продолжала Жанна, – что ваше нынешнее переодевание служило вам для того, чтобы вас не могли узнать там, куда принуждены были идти?..

– Сказал, – отвечал Рауль во второй раз.

– Зачем же вы говорили мне все это?..

– Затем, что это была правда...

– Нет, нет, Рауль! Это неправда, правда в том, что вы меня обманываете, вы любите другую женщину; не старайтесь отпираться, я знаю, как зовут эту женщину, знаю, где живет она.

– Милая Жанна, – перебил Рауль, – или я сошел с ума, или вы сами не знаете, что говорите!

Жанна улыбнулась иронически, подала Раулю донесение, которое комкала в руках, и сказала:

– Возьмите и, если можете, утверждайте еще, что вы не любите этой Антонии Верди, за которой шпионят ваши агенты и которой покровительствует регент!.. Уверяйте также, что вы переодеваетесь не для того, чтобы ходить к ней!.. Утверждайте это, чтобы ваше бесстыдство сравнялось с вашим вероломством!..

Рауль был оглушен этим неожиданным обвинением. Положение его было очень затруднительно. Мы знаем его невинность, по крайней мере относительно неверности, однако ему невозможно было оправдаться, как будто он действительно был виновен. Для своего оправдания, он должен был бы рассказать Жанне всю свою прошлую жизнь, свое положение при палермском дворе и причины, заставившие его шпионить за Антонией, а именно этого-то он и

не мог да и не хотел объяснять. Притом, если бы он даже и решился на это, Жанна не дала бы ему времени окончить, потому что едва он выговорил:» Жанна, моя милая, послушайте меня, умоляю вас!.. «она перебила его и сказала со спокойствием тем более ужасным, что оно, видимо, скрывало внутреннюю бурю, обнаружившуюся в интонации последних слов:

– Я не хочу ничего слушать, Рауль, не хочу ничего слушать. Вы опять солжете, как вчера, как сейчас, как всегда, и я вам не поверю... Поберегите вашу ложь для тех, кто позволит вам себя одурачить!.. Я, слава Богу, не такова!.. Ступайте к своей Антонии, которая, без сомнения, ждет вас!.. Ступайте! Я не думаю вас удерживать!

Сказав это, Жанна убежала в свою спальню, заперла дверь и начала заставлять ее разной мебелью, какую только, в припадке гнева, могла перетащить.

Рауль старался войти в переговоры через дверь, но Жанна не отвечала ни одного слова. Просьбы, угрозы, все было бесполезно. Рауль подумал, что, может быть, молодая женщина лишилась чувств, и уперся плечом в тонкую дверь, чтобы разломать ее. Как только дверь начала трещать, Жанна вскричала голосом, прерывавшимся от ужасного волнения:

– Я сняла со стены кинжал, который держу в руке. Клянусь перед Богом, Рауль, что в ту минуту, как вы разломаете дверь, я воткну себе этот кинжал в грудь...

Рауль испугался. Он настолько знал характер Жанны, что понимал, до какой степени она способна исполнить свою угрозу. Поспешно удалившись от двери, которая начинала уже подаваться, он подумал, что лучше всего предоставить уединению успокоить гнев молодой женщины. Читатель конечно не забыл, что у Рауля было назначено с маркизом свидание, которого нельзя было отложить, и потому он тотчас отправился в отель Тианжа, повторяя:

– О! ревность!.. гибельная ревность!.. сколько несчастий причиняешь ты на свете!..

Когда кавалер возвратился домой к ужину, впечатление, произведенное на него сценой, которую мы рассказали, почти изгладилось из его памяти. Он надеялся найти Жанну успокоившейся и если не улыбающейся, то по крайней мере, расположенной позволить убедить себя в несправедливости ее подозрений.

Молодой женщины не было в гостиной. Рауль подошел к двери спальни и постучался: никто не отвечал. Он повернул ручку и дверь отворилась.

– Жанна, – сказал он, – милая Жанна, где вы?

Отголосок слов его затих без ответа. Рауль пошел в столовую и воротился назад со свечкой. Спальня была пуста. Он спросил о жене Жака и Онорину, но ни тот, ни другая не видели ее. Ужасная мысль промелькнула тогда в голове его. Молодой человек побежал к выходу, который вел на двор соседнего дома, вспомнив, что Жанна несколько раз имела случай заметить механизм потаенной двери. Он нашел эту дверь полурастворенной. Сомнений не осталось: Жанна убежала!

XXXI. Портшез

Вот что случилось. Услышав удаляющиеся шаги Рауля, Жанна сначала сомневалась, точно ли ушел он, но продолжительное отсутствие всякого шума убедило ее в том, что муж ее действительно вышел из дома. Она уронила к своим ногам оружие, которым с минуту думала поразить себя, потом постаралась привести в порядок мысли, сжигавшие ее мозг и вертевши-еся в нем подобно огненным блесткам. В ужасном душевном пожаре, в котором сгорали ее верования, ее надежды и счастье, сверкали роковым блеском одно имя и один адрес: Антония Верди и улица Жюссеньн.

Из всех страстей, растапливающих человеческое сердце в своем не потухающем горниле, ревность более других умеет придавать реальность созданным ею призракам. В уме Жанны измена Рауля была доказанным, неоспоримым фактом, относительно которого невозможно было иметь ни малейшего сомнения. Через минуту она уверила себя, что муж оставил ее затем,

чтобы отправиться к ее сопернице, и что в эту минуту любовники в объятиях друг друга вместе смеются над ее напрасной и пожирающей ревностью. Бедная голова Жанны не могла выдержать этой ужасной мысли. Вдруг как будто оживленная сверхъестественной силой, она вскричала:

– Я тоже пойду к этой женщине!

От мысли до исполнения недалеко. Не подумав даже переменить свой пеньюар на платье, Жанна набросила на плечи черный атласный плащ, широкий капюшон которого мог совершенно скрыть ее лицо, открыла комод, откуда Рауль брал золото пригоршнями, и взяла два или три луидора. Потом, отодвинув мебель, которой была заставлена дверь, она отворила ее и вошла в столовую. Первой мыслью Жанны было пройти через Комнату Магов, но ей тотчас же пришло в голову, что, проходя таким образом через несколько комнат, она может встретиться с Онориной или Жаком, что, спускаясь по лестнице гостиницы, подвергнется любопытству путешественников и что наконец Самуил, по всей вероятности, узнает ее. В то же время она вспомнила о тайном выходе, сделанном в стене столовой. Она отыскала пружину, нажала на нее, дверь открылась, и Жанна очутилась на большой лестнице соседнего дома. Она поспешно сошла с лестницы, не позаботившись затворить за собой дверь, прошла обширный двор, на котором в день свадьбы ее ждала великолепная синяя с золотом карета, запряженная парой лошадей с серебряными подковами. Воспоминание об этом счастливом дне извлекло слезы из глаз ее. Она глубоко вздохнула, переступила за ворота и очутилась на улице.

Тут-то начались для Жанны затруднения, о которых она прежде не думала. Она знала, что Лионская Гостиница находилась на улице Жюссеньн, но где находилась эта улица, она не знала. Мы уже говорили, что Жанна была вовсе не знакома с Парижем, потому что оставила этот город еще в детстве, а возвратившись в него вместе с Раулем, выезжала очень редко, и то в карете.

В этот вечер она очутилась одна на грязной мостовой. Наступила ночь. Быстро катившиеся экипажи проносились мимо нее с оглушительным шумом. Не привыкшая к такой ужасной суматохе, она испугалась и бросилась бежать, сама не зная куда. Через несколько минут мужество изменило ей и ноги отказались идти далее. Жанна упала бы, если бы не прислонилась к стене одного дома. Она хотела вернуться, но не помнила, по какой дороге шла, и ей казалось невозможным отыскать дом, из которого она вышла. Жанна решилась идти далее и смотрела вокруг себя с очевидным замешательством; несколько раз она хотела попросить кого-нибудь указать ей дорогу, но непреодолимая робость удерживала ее.

Вдруг мимо нее прошли два носильщика с пустым портшезом, качавшимся на длинных палках, которые его поддерживали. Один из них заметил Жанну и с инстинктом, которым обладают нынешние извозчики, принял ее за робкую мещанку, отправлявшуюся на любовное свидание. Он остановился и закричал ей:

– Не угодно ли вам портшез, прекрасный, совсем новый портшез?.. Мы донесем вас, как ветер, куда вам будет угодно... Решайтесь скорее, добрая госпожа, не мочите ваших хороших ножек на этой гадкой, грязной мостовой!

Жанна подумала, что само Провидение поспешило к ней на помощь, и сделала знак носильщикам, что принимает их предложение. Носильщики тотчас остановились и опустили портшез, чтобы молодая женщина удобно могла сесть в него. Потом один из них запер дверцу и спросил:

– Куда прикажете нести вас?

– На улицу Жюссеньн, в «Лионскую Гостиницу». – отвечала Жанна.

– Мы мигом донесем вас... Вы не слишком тяжелы, а ноги у нас добрые...

Жанну понесли скорым и ровным шагом. Однообразное качанье портшеза погрузило ее в какое-то оцепенение. Она находилась в том неопределенном состоянии, которое не может называться ни сном, ни бодрствованием, когда носильщики вдруг остановились и один из них сказал ей:

– Мы у» Лионской Гостиницы». добрая госпожа.

Жанна вышла.

– Вот вам, друг мой, за труды, – сказала она, подавая носильщику золотую монету.

Носильщик сначала думал, что получил франк, но увидев при свете фонарей портшеза блеск золота, рассыпался в благодарностях и спросил:

– Ваше сиятельство оставите нас?

– Да, – отвечала Жанна, – подождите меня на этом месте, я сейчас вернусь и возьму вас.

И она пошла в гостиницу.

– Посмотри-ка, – сказал тогда первый носильщик своему товарищу. – Я побьюсь об заклад, что это знатная дама, которая наставляет своему мужу... понимаешь, что?..

– Да, – отвечал второй, – и я даже думаю, что это какая-нибудь герцогиня.

– Во всяком случае, мы должны благословлять судьбу, которая послала нам такой славный заработок.

Между тем Жанна вошла в гостиницу. В этот вечер у привратника было большое собрание. Цербер гостиницы угощал нескольких знатных особ, среди них и Жана Каррэ, лакея Антонии. Гости усердно поглощали жирное пирожное, орошая его горячим подслащенным вином, приправленным корицей и гвоздикой.

Жанна робко постучалась в окно. Привратник, осушавший в эту минуту свой стакан, быстро повернул голову. Вино попало ему не в то горло и он сильно закашлялся. С досады, он сердито отворил окно и спросил тоном раздраженной мартышки:

– Что вам нужно?

– Здесь живет синьора Антония Верди? – спросила Жанна.

– Здесь, – отвечал привратник.

– Я желаю ее видеть.

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что ее нет дома.

– Это правда?

– Когда я говорю что-нибудь о моих жильцах, – заворчал привратник, – кто смеет мне не верить!..

И он хотел уже закрыть окно, но Жанна остановила его.

– Знаете вы, в котором часу вернется эта дама?

– Нет. Мои жильцы не дают мне отчета...

– Я, однако, должна ее видеть! – прошептала Жанна. – Должна!

– Ну так приходите в другой раз, – буркнул привратник.

И он вернулся на свое место и к своему стакану.

«Я подожду, – подумала Жанна, – подожду на улице».

В ту минуту, когда она выходила за ворота, на улице послышался стук кареты, которая остановилась перед гостиницей.

XXXII. Виконт

Два лакея с факелами освещали дорогу молодой женщине в черном платье, лицо которой исчезало под кружевами ее головного убора. Эта женщина шла под руку с мужчиной высокого роста и дерзкого вида.

– Виконт, – говорила молодая женщина, – прошу вас, сядьте в карету...

– Зачем, позвольте спросить, моя красавица?

– Вы устанете...

– Полноте!.. Разве я устаю когда-нибудь?

– К чему такая неосторожность! Я теперь дома и могу дойти одна.

– Нет, черт побери! Я хочу проводить вас до вашей двери и не подарю вам ни одной ступени.

– Подумайте, виконт, как вы должны быть еще слабы!..

Виконт протянул вперед правую руку и посмотрел на нее с самодовольным видом, потом продолжал:

– Слаб?! Какая славная шутка! Да я убью быка одним ударом!..

– Однако, ваша рана...

– Совершенно закрылась; это подействовало на меня как кровопускание, и мне еще стало лучше. Не беспокойтесь же, милая Антония.

Спутник молодой женщины произнес это имя в ту минуту, когда он и дама в черном платье находились в трех шагах от Жанны, которая, говоря с привратником, подняла капюшон и потому лицо ее было открыто. Господин, которого Антония называла виконтом, взглянул мимоходом на Жанну и невольным жестом выразил свой восторг; но, не имея возможности оставить руку своей дамы, он продолжал идти, оборачиваясь по пути.

Из слов, слышанных ею, Жанна поняла, что дама в черном и была Антонией Верди. Она подождала с минуту, потом подошла к комнатке привратника во второй раз и постучалась в окно. Жана Каррэ уже не было в числе гостей привратника; возвращение Антонии заставило его поспешить домой.

– Опять вы! – вскричал, с видом еще более сердитым, «амфитрион»¹, некстати оторванный от любезного ему стакана.

– Скажите, дама, которая сейчас приехала, это не синьора Антония Верди? – спросила Жанна.

– Она.

– Я уже сказала вам, что желаю с ней поговорить.

– Говорите. Разве я вам мешаю?

– Где ее квартира?

– Первая дверь по этой лестнице.

Жанна вошла на лестницу и на половине ее встретила виконта. Лакеи шли уже не впереди, а позади него. Вместо того, чтобы посторониться и пропустить Жанну, как сделал бы всякий человек, принадлежащий к хорошему обществу, он загородил ей дорогу, со словами:

– Так как случай сталкивает нас во второй раз, то вы заплатите мне дань поцелуем... Этой данью обязаны мне все хорошенькие женщины, а так как вы вдвое лучше всякой хорошенькой, то и заплатите ее два раза...

И, присоединяя действие к словам, дерзкий протянул обе руки, чтобы обнять стройный и гибкий стан Жанны. Молодая женщина вскрикнула и отступила назад, чтобы избегнуть объятий нахала. Нападение впрочем не возобновилось. Виконт расхохотался.

– Ха-ха-ха! Какая жеманница! – вскричал он с сардоническим видом. – Тем хуже, черт побери! тем хуже! Послушайте, моя милая, жеманство приносит счастье только дурнушкам... Впрочем, будьте спокойны, идите, я уступаю место вашей добродетели!..

Виконт в самом деле быстро сошел с лестницы, и Жанна бледная от волнения и страха, поспешила войти на первый этаж. На площадке была только одна дверь. Жанна трепещущей рукой схватилась за шнурок колокольчика и слабо дернула его. Жан Каррэ отворил дверь, узнал ее и сказал:

– А! Это вы? Я уже говорил синьоре, что вы спрашивали ее, но она приказала отвечать, что никого не принимает сегодня...

¹ Амфитрион (Amphitryon) – сын Алкея, внук Персея и супруг Алкмены, родившей Геркулеса от Зевса. Само это имя стало синонимом радушного хозяина, хлебосола.

– Пожалуйста, скажите своей госпоже, – прошептала Жанна, – что с ней желает говорить мадам де ла Транблэ...

– Я ничего не могу сказать ей, – отвечал лакей, – потому что она заперлась в своей комнате, и теперь загорись дом, так до нее не доберешься... Советую вам прийти в другой раз...

Жанна потупила голову и возвратилась. Она почти обрадовалась, что поступок ее не имел никакого результата. Ее лихорадочное раздражение прекратилось, и она признавалась себе, что если бы увидела Антонию Верди, то не нашлась бы, что и сказать ей. Мысль о скандальной сцене не могла прийти Жанне в голову, а по гордости своего характера она не позволила бы себе смиренно просить другую женщину возвратить ей сердце мужа. Она уже сошла несколько ступеней, как вдруг Жан Каррэ остановил ее. Жанна повернула голову.

– Прикажете сказать госпоже моей ваше имя? – спросил он. – Или предупредить ее о том, что вы придете в другой раз?

Жанна подумала, потом отвечала:

– Не говорите ничего. Я не приду больше...

Она медленно дошла до улицы. Почти прямо напротив ворот, неподалеку от портшеза, стояла великолепная карета, запряженная парой вороных лошадей. Человек, сидевший в карете, внимательно смотрел в окошко и, заметив Жанну, тотчас откинулся назад. Молодая женщина села в портшез.

– Куда прикажете нести вас? – спросил носильщик.

– На улицу Шерш-Миди, – отвечала Жанна, – в гостиницу «Царь Соломон».

Портшез двинулся. Карета поехала вслед за ним.

Не доходя до Таранской площади, носильщики вздумали, для сокращения пути, пройти небольшой, довольно узкой улицей, не многолюдной, даже совершенно пустой. Карета вдруг остановилась, и высокий мужчина, которого мы уже встретили в «Лионской Гостинице» и которого Антония называла виконтом, выскочил на мостовую и со шпагой в руке, в сопровождении двух лакеев, побежал к портшезу, находившемуся шагов на двадцать впереди. Догнав его, он закричал носильщикам грозным голосом:

– Прочь отсюда, негодяи! Проворнее убирайтесь, если вам дорога жизнь!..

Носильщики не заставили повторить этой угрозы и пустились бежать, бросив портшез посреди улицы. Этого только и хотел виконт. Он отворил дверцу портшеза и сказал Жанне, окаменевшей от ужаса:

– Я вам предсказывал, прелестная тигрица, что жеманство приносит счастье только дурнушкам...

XXXIII. Дуэль

Жанна, сначала удивившаяся, что движение портшеза вдруг остановилось, задрожала от ужаса, когда дверца растворилась и она узнала лицо и голос дерзкого виконта.

– Кто вы? – вскричала она. – Чего вы от меня хотите?

– Кто я? – отвечал виконт. – Человек, влюбленный в ваши прелести, моя красавица, и твердо решившийся выразить вам свой восторг... Чего я хочу?... Здесь не место объясняться, а потому я пока умалчиваю об этом, но будьте совершенно спокойны, вы ничего не потеряете от ожидания!

Произнеся эти слова, виконт взял за руку Жанну и потянул ее, чтобы принудить молодую женщину выйти из портшеза. Жанна сопротивлялась. Она ухватилась изо всех сил за портшез и шептала:

– Ради Бога, оставьте меня!..

Виконт расхохотался.

– Полноте, моя красавица, – сказал он. – Сдайтесь лучше добровольно. Вы понимаете, что если б я хотел, я уже давно вынул бы вас из этого портшеза, как перышко, но я боюсь помять ваши хорошенькие плечики и потому поступаю насколько возможно деликатнее... Однако надо же когда-нибудь кончить; предупреждаю вас, если вы не выйдете добровольно, я вытащу вас насильно...

– Но, – перебила Жанна с энергией отчаяния, – я честная женщина!

– И прекрасно! – отвечал виконт. – Я только таких-то и люблю!

– Я замужем...

– Еще лучше! Приключение будет тем забавнее!..

– Я люблю моего мужа...

– Полноте, вы шутите...

– Я люблю его, клянусь вам, всей моей душой!..

– Вот редкость! – сказал виконт с насмешкой. – Да вы не женщина, вы феникс, и более, чем прежде, я благословляю судьбу, столкнувшую меня с вами...

– Итак, вы безжалостны?

– Жалеют только несчастных, а я намерен сделать вас счастливой!..

В эту минуту послышались шаги в конце улицы. Виконт с беспокойством обернулся, потом, схватив Жанну за руку, грубо сказал:

– Ну же, скорее... вы пойдете, да или нет?..

– Нет, – отвечала Жанна.

– В таком случае я буду действовать решительно...

И, говоря это, виконт насильно вытащил молодую женщину из портшеза, вскинул ее на плечо и понес к карете, которая дожидалась на соседней улице. Лакеи шли позади.

– Помогите!.. помогите!.. – кричала Жанна задыхающимся голосом.

Но ничто не отвечало на ее зов, кроме дерзкого и иронического хохота ее похитителя. Жанна считала себя погибшей, поручила свою душу Богу и желала умереть. Две трети улицы были уже пройдены. Тот, чьи шаги доходили до слуха Жанны и ее похитителя, казалось, остановился, и виконт вдруг увидел перед собою высокую фигуру, загородившую ему путь.

– Посторонитесь! – закричал он.

Высокая фигура не трогалась с места.

– Посторонитесь! – повторил виконт, вынимая шпагу правой рукой, потому что ему было достаточно одной левой, чтобы удерживать Жанну. – Ступайте своей дорогой или берегитесь...

– Что здесь происходит? – спросил незнакомец серьезным голосом. – Отчего эта женщина кричит?

– Еще раз говорю, – вскричал виконт грозно. – Не вмешивайтесь не в свое дело и не останавливайте меня, или...

И он сделал два шага вперед с поднятой шпагой. Незнакомец не вынул своей шпаги и стоял неподвижно, скрестив руки на груди. Жанна, которой начатый спор возвратил надежду, продолжала звать на помощь. Похититель против воли остановился в четырех шагах от незнакомца, который уничтожал его своим величественным спокойствием.

– Приказываю вам, – вскричал незнакомец повелительно, – ответить мне, кто эта женщина и какие права имеете вы над нею?

– Он не имеет на меня никаких прав, – вскричала Жанна, – он похищает меня насильно; я вовсе не знаю его.

– Если так, – продолжал таинственный человек, – приказываю вам оставить эту женщину...

Виконт выслушал эти слова с удивлением, которого мы не в состоянии описать. Он не мог поверить, чтобы кто-нибудь на свете осмелился заговорить с ним таким образом, и в первую минуту изумление парализовало его гнев. Однако этот гнев скоро вспыхнул с еще большей

силой, и виконт прыгнул вперед с глухим ревом, так что лицо его вдруг очутилось в нескольких дюймах от лица его смелого противника. Оба узнали друг друга. Два восклицания раздались в одно и то же время:

– Дон Реймон!

– Виконт д'Обиньи!

За этими восклицаниями последовало минутное молчание. Противники несколько отступили друг от друга, и командор положил руку на эфес своей шпаги.

– Мы должны еще рассчитаться, дон Реймон, – сказал виконт. – Я назначаю вам свидание завтра, в десять часов утра, за монастырем Св. Бенуа; сегодня вечером я занят другим. Позвольте же мне пройти теперь... вы знаете, кто я...

– Да, я знаю вас, виконт д'Обиньи, – отвечал командор с той же серьезной и торжественной медлительностью, – и снова приказываю вам возвратить свободу этой женщине или я заставлю вас сделать это.

– Право? – сказал виконт с иронией.

– Клянусь честью! – отвечал дон Реймон.

Д'Обиньи подошел к своим лакеям, шепнул им несколько слов и бросил Жанну к ним на руки. Лакеи поспешно понесли свою легкую ношу, а виконт вернулся со шпагой в руке к командору.

– Спасите меня! Спасите меня! – кричала Жанна слабым голосом. – Умоляю вас именем вашей матери, не оставьте меня!

Дон Реймон сделал движение вперед, но на этот раз уже виконт загородил ему дорогу.

– Ну, гордый защитник угнетенных красавиц! – сказал виконт с насмешкой. – Я думал, что вы заставите меня вернуть свободу даме, которую уносят мои люди... Видите, я жду... что же вы меня не принуждаете...

– Подлец! – прошептал командор.

И он скрестил свою шпагу с шпагой виконта. Искры брызнули из обоих клинков.

– А я-то думал, что так как сегодня пятница, вы не захотите драться! – сказал д'Обиньи.

– Пятница! Сегодня пятница! – повторил командор с отчаянием.

И рука его, державшая шпагу, бессильно опустилась.

– Вы, конечно, предложите мне отложить дуэль до завтра, – продолжал виконт. – Но так как вы назвали меня сейчас подлецом, а подобные обиды должны немедленно омыться кровью, то мы будем драться сейчас же, и я сумею принудить вас к этому.

Говоря это, виконт ударил командора по щеке клинком своей шпаги. Дон Реймон вскрикнул от бешенства, быстро приподнял шпагу и напал на своего противника.

– Ну вот и прекрасно! – сказал д'Обиньи. – Наконец-то вы решились!.. Лучше поздно, чем никогда!..

– Пятница! Пятница! – шептал глухо командор.

Голос Жанны был уже едва слышен вдали. Между тем битва продолжалась с беспримерной горячностью и страшным ожесточением. Она кончилась скоро: через минуту шпага дон Реймона пронзила сердце виконта, который упал замертво, даже не вздохнув. Жалостный голос Жанны уже не слышался более.

XXXIV. Дон Реймон

Первым движением командора после своей победы было броситься по следам молодой женщины, которую похитили на его глазах, но его остановило размышление. Он вспомнил о карете, стоявшей у входа в эту улицу, и сказал себе, что эта карета наверно принадлежала виконту д'Обиньи и что, без сомнения, к этой карете возвратятся лакеи через Таранскую площадь. Вследствие этого, вместо того, чтобы бежать вперед, как он сначала намеревался, командор вернулся назад.

Предположения не обманули его. В ту минуту, когда он подходил к карете, показались лакеи, несшие Жанну, которая лишилась чувств от испуга. При виде командора с окровавленной шпагой в руках лакеи остановились с ужасом.

– Оставьте эту даму, – сказал им дон Реймон, – и ступайте за телом вашего господина...

Повинуясь этому приказанию, лакеи виконта прислонили к стене бесчувственную молодую женщину, которую дон Реймон поспешил поддержать, и ушли.

Они возвратились через минуту, сгибаясь под тяжестью печальной ноши. Виконт действительно был мертв: голова и руки его повисли, глаза закатились, раскрытая рана оставляла на мостовой длинный кровавый след. Лакеи положили труп в карету, заперли дверцу, и лошади пошли медленным, но торжественным шагом, достойным погребальной процессии.

Дон Реймон один остался на улице с Жанной, которая все еще не приходила в себя.

«Что делать? – спрашивал он себя. – Куда отвезти эту бедную женщину?»

Ответ на этот вопрос еще не представился его мыслям, как вдруг неожиданное происшествие отвлекло его от размышлений. Две человеческие фигуры, медленно двигаясь посреди мрака, подобно двум теням, наконец подошли к командору с почтительным и умоляющим видом.

– Кто вы?.. Что вам нужно? – спросил дон Реймон.

– Мы – носильщики портшеза, в котором находилась эта молодая дама в минуту нападения.

– А! Почему же вы не защищали ее?

– Могли ли мы это сделать?.. У нас не было оружия, а нам угрожала шпага; притом мы не выдаем себя за храбрецов...

– Откуда же вы пришли теперь?

– Мы спрятались за ворота и видели битву, происходившую между вами и человеком, который напал на нас... Тотчас после вашей победы, мы пошли за лакеями, которые уносили даму; мы принимали в ней участие, сами не зная почему. Если бы лакеи вздумали сопротивляться, мы помогли бы вам; но вы обошлись и без нас. Вот истинная правда, ваше сиятельство, можете нам поверить...

– Хорошо, – сказал дон Реймон, – теперь ответьте мне на один вопрос...

– Извольте спрашивать, ваше сиятельство.

– Куда вынесли эту даму?

– В улицу Шерш-Миди, в гостиницу «Царь Соломон».

– Вы знаете, как ее зовут?

– Не знаем. Мы увидели ее сегодня в первый раз.

– Несите же ее по тому адресу, который она дала вам. Я пойду за вами...

Командор положил Жанну на подушки портшеза и носильщики отправились в путь. Дон Реймон пошел за ними. Расстояние было невелико. Через несколько минут дон Реймон и носильщики дошли до гостиницы. Командор заглянул в портшез: Жанна все еще была без чувств. Дон Реймон постучался в дверь.

– Я хочу поговорить с хозяином гостиницы, – сказал он лакею, который отворил дверь. Тот привел его к Самуилу.

– Чем могу я служить вам? – спросил жид.

– У ваших дверей находится молодая женщина, лишенная чувств; она дала носильщикам адрес вашей гостиницы. Пожалуйста, посмотрите, не узнаете ли вы ее...

– Пойдемте... – отвечал Самуил.

Увидав Жанну, Самуил тотчас же выказал знаки сильнейшего удивления, сложил руки, поднял глаза к небу, пролепетал несколько бессвязных слов и наконец вскричал:

– Что я вижу! Это мадам де ла Транблэ!.. Возможно ли?..

– Как вы называли эту даму? – с живостью спросил дон Реймон.

Самуил повторил.

– Итак, эта дама жена кавалера Рауля де ла Транблэ?

– Именно, – отвечал жид.

– Вы в этом уверены?

– Как в моей жизни.

– Могу я говорить с кавалером?

– Без сомнения, если только он дома... я это узнаю сейчас...

– Стало быть, он живет здесь...

– Иногда... В моем доме у него есть небольшая квартира.

Самуил хотел идти, но дон Реймон остановил его.

– Как вы думаете, – спросил он, – не лучше ли отнести мадам де ла Транблэ в ее комнату?..

– Разумеется, – отвечал Самуил, – мы это сделаем через минуту...

– Отчего же не сейчас?

Самуил не отвечал и исчез. Дон Реймон остался на улице, возле портшеза.

Через минуту Самуил воротился с Жаком и Онориной. Рауля не было дома: приведенный в отчаяние непонятным побегом Жанны, он отыскивал ее по всему Парижу, как сума-

спешивший. Командор и Жак тотчас узнали друг друга. Слуга заверил испанца, что господин его скоро воротится, и уговаривал его подождать. Командор вынул из кармана прекрасные и очень большие часы, осыпанные великолепными бриллиантами, взглянул на них и прошептал:

– Только десять часов! У меня еще есть время... Я подожду, – прибавил он вслух.

Между тем, как Онорина и Жак понесли Жанну в верхний этаж, Самуил отвел командора в одну из комнат нижнего, подал ему кресло и придвинул к нему дубовый столик с кривыми ножками. На этом столе он поставил серебряный поднос, на котором стояли красивый графин богемского хрустала, наполненный превосходным хересом, и две рюмки на высоких ножках, тонкие, как кисея, и чрезвычайно легкие. Самуил налил одну из рюмок и подал ее испанцу.

– Кавалер ответит вам другой, – сказал он.

Командор поднял рюмку и осушил ее разом со словами:

– Пью за здоровье мадам де ла Транблэ!

Но посмотрим, что в это время происходило в тайном убежище Рауля.

Онорина раздела свою госпожу и уложила ее в постель. Жанна была очень бледна, широкие синеватые круги окружали ее прекрасные глаза. Если бы не движение груди, приподнимаемой ровным дыханием, ее можно было бы счесть скорее мертвой, чем лишенной чувств.

Это продолжалось недолго. Приятная теплота постели оживила молодую женщину и восстановила нормальное обращение крови. Жанна раскрыла глаза и пролепетала несколько бессвязных слов. Скоро мысли ее прояснились. Молодая женщина поняла, что она у себя дома, окружена верными слугами, и что опасность, ужаснувшая ее, уже не существует. Живейшая радость распространилась по всему существу ее.

В эту минуту дверь спальни отворилась и Рауль явился на пороге.

XXXV. Рауль и Жанна

Рауль был очень бледен, и нахмуренные брови придавали его лицу строгое и почти жестокое выражение. Жанна никогда не видела его таким. Она побледнела и задрожала. Рауль подошел к ней медленно и не говоря ни слова. Он молча встал возле кровати и устремил на жену пристальный и пронизывающий взор. Жанна первая прервала молчание, тяготившее ее и болезненно сжимавшее ее сердце. Она приподнялась и протянула руку Раулю, пролепетав:

– Друг мой...

Рауль не взял руки ее.

– Жанна, – сказал он голосом сухим, резким, как будто металлическим, – зачем вы выходили из моего дома сегодня вечером и где вы были?..

Жанна потупила глаза и не отвечала.

– Где вы были? – повторил Рауль.

Жанна собрала все свое мужество и сказала:

– Выслушайте меня, друг мой, и не сердитесь на меня. Ревность свела меня с ума... я сама не знала, что делала...

– Скажете ли вы мне наконец, где вы были? – вскричал Рауль в третий раз.

– Я была у этой женщины, – прошептала Жанна.

– У какой женщины? – с живостью спросил Рауль.

– У Антонии Верди...

– Вы были у Антонии Верди! – повторил кавалер с изумлением. – Вы видели ее?

– Видела.

– Вы говорили с ней?..

– Говорила.

– Объяснитесь, Жанна, объяснитесь, ради Бога!..

Молодая женщина старалась привести в порядок свои воспоминания и начала бессвязный рассказ обо всем, что было с той самой минуты, как она убежала из дома. Когда она рассказала о том, что приказание Антонии не принимать никого сделало бесполезным ее поступок, лицо кавалера несколько прояснилось, но оно снова покрылось мрачной тучей, когда он узнал о похищении, жертвой которого жена его чуть было не стала. Услышав о таинственном незнакомце, который заступился за Жанну, Рауль перебил ее:

– Кто же был этот незнакомец? И куда он девался?..

– Не знаю, – отвечала Жанна, – я упала без чувств в ту минуту, как началась дуэль.

– Кто принес вас сюда?..

– Также не знаю.

Рауль вышел из спальни, чтобы расспросить Жака. Когда молодой человек пришел домой, Жак, ожидавший его в передней, только сказал ему, что мадам де ла Транблэ воротилась, но не успел объяснить, каким образом, потому что Рауль, нетерпеливо желавший увидеть Жанну, не расспрашивал его. Теперь Жак рассказал Раулю обо всем, что знал, и прибавил, что командор ждет его в одной из нижних комнат гостиницы.

Не теряя ни минуты, Рауль отправился через тайный проход к дону Реймону. Войдя в комнату, он увидел, что испанец сидит облокотившись на стол и закрыв обеими руками лицо и, по-видимому, погружен в глубокое размышление. При звуке шагов кавалера командор поднял голову. Взгляд его был так мрачен, что Рауль почти испугался. Дон Реймон встал и пошел навстречу кавалеру, который обнял его с дружеской признательностью и вскричал:

– Ах! Командор, как я обязан вам!

– Вы ничем мне не обязаны, – отвечал командор серьезным голосом. – Несколько дней назад, вы сделали для меня то же самое, что я сделал для вас сегодня. Услуга за услугу, и мы квиты!..

– Позвольте мне не разделять вашего мнения и сохранить к вам глубокую признательность...

– Я не имею права распоряжаться вашими чувствами, только нахожу эту признательность совершенно излишней. Я заступился за женщину – что может быть проще? На моем месте вы поступили бы точно так же; притом я вовсе не знал, что это была ваша жена. Но поговорим лучше о другом, прошу вас...

– Еще одно слово, командор: скажите мне, как все это случилось?

– Охотно, и сделаю это в нескольких словах. Я возвращался домой, услышал жалобные крики и увидел человека, который насильно увлекал молодую женщину. Я велел этому человеку оставить ее, он отказался. Мы взялись за шпаги, началась дуэль, и... я убил моего противника.

– А! Вы его убили?

– Боже мой, да. Все это очень просто, однако, как я теперь думаю, я оказал вам гораздо большую услугу, нежели полагал сам...

– Как это?

– Знаете ли вы, кем был этот человек, который похищал вашу жену и которому я пронзил сердце моей шпагой?

– Нет, – отвечал Рауль.

– Это ваш смертельный враг, ваш противник в той дуэли, в которой я был почти секундантом, это виконт д'Обиньи!..

– Возможно ли? – вскричал кавалер с изумлением. – Ах! Вы оказали мне огромную услугу, освободив меня от виконта!..

Командор, по-видимому, освободившийся на несколько минут от странной задумчивости, в которую был погружен, вдруг упал на стул и как будто снова уступил влиянию роковой мысли. Рауль сначала глядел на него молча, потом подошел к нему и взял за руку.

– Дон Реймон... друг мой... что с вами? – спросил он.

Командор колебался. Рауль повторил свой вопрос.

– Что со мною? – повторил дон Реймон. – Вы меня спрашиваете, что со мною?

– Да, и спрашиваю с искреннейшим участием, клянусь вам.

– Признаваться ли вам, когда я сам краснею?... я боюсь...

– Вы боитесь!.. вы?! – вскричал Рауль.

– Да, я боюсь... только не живых, мосье де ла Транблэ.

– А кого же? – спросил кавалер, не зная, серьезно ли говорит дон Реймон.

– Мертвых!.. Я боюсь мертвых!.. Прежде был только один, теперь их двое! – отвечал командор мрачным голосом.

– Что вы хотите сказать? Я вас не понимаю...

– Я дал клятву – и изменил этой клятве!.. Я дрался в пятницу!.. кровь, пролитая мною, вопиет против меня!..

Произнося эти слова, командор, казалось, был в каком-то лихорадочном бреду.

– Я не смею вас расспрашивать, – сказал Рауль. – Я помню, что уже раз мои вопросы остались без ответа... Однако позвольте мне сказать вам, что моя преданность вам не имеет границ. Иногда чувствуешь облегчение, поверяя другу страшные тайны, которые тяготят нашу душу.

Командор несколько раз провел дрожащей рукой по своему лбу. Губы его раскрылись, но не издали никакого звука. Очевидно, нерешимость его была слишком велика.

– Вы правы, – сказал он наконец. – Тайна тяготеет надо мною и я хочу, я должен облегчить свою душу. Вы все узнаете.

– Говорите! – вскричал Рауль, любопытство которого было глубоко возбуждено.

Дон Реймон посмотрел на свои часы.

– Сейчас будет одиннадцать часов, – сказал он. – Не знаю, буду ли я иметь время докончить мой рассказ, да все равно, начну! Пойдемте к вам, мосье де ла Транблэ.

– Пойдемте, – отвечал Рауль.

Кавалер и дон Реймон вышли из гостиницы, потому что Рауль никому не хотел открывать тайны Комнаты Магов и секретных коридоров. Они вошли в соседнюю улицу, прошли двор соседнего с гостиницей дома. Молодой человек ввел своего гостя через тайный вход, сделанный в столовой, в восточную гостиную. Алебастровая лампа, висевшая на потолке, слабо освещала комнату.

– Прежде, чем я начну рассказ, – сказал испанец, – я обращаюсь к вам с просьбой. Вы, конечно, исполните то, о чем я буду просить вас, не так ли?

– Обещаю вам, – сказал Рауль.

– Через час вы увидите, что я вдруг упаду к вашим ногам, как будто пораженный громом; не пугайтесь этого, положите меня на диван, станьте на колени возле меня и прочтите семь псалмов покаяния. Знаете вы их наизусть?

– Нет.

Командор вынул из кармана небольшую книгу в черном сафьянном переплете с серебряными застежками и подал ее Раулю, говоря:

– Вот книга, с которой я никогда не расстаюсь. Вы найдете в ней псалмы, помянутые мною. Смотрите же, не забудьте вашего обещания.

XXXVI. Мальтийские кавалеры

– Не успев еще выйти из детства, – начал дон Реймон, – я вступил уже в мальтийский орден св. Иоанна Иерусалимского; я хочу сказать, что в самом нежном возрасте я был принят в число пажей гроссмейстера, который назывался дон Блаз-де-Переллос князь Калатай-

юда. Между своими предками с материнской стороны князь этот считал двух прабабушек из дома Васкончеллосов, что именно и доставило мне честь в двадцать пять лет командовать галерой. На следующий год гроссмейстер воспользовался своей привилегией *donazione* и подарил мне очень богатое командорство. Таким образом, я имел, как вы видите, полную возможность достигнуть главных почестей ордена; для этого надо иметь седые волосы, а я, живя в Мальте в совершенной праздности, занимался только разными любовными интригами. Без сомнения, я теперь ясно вижу, что незаконные привязанности, которые в то время я с легкомыслием считал позволительными грехами, были весьма важными проступками. Однако я счел бы себя счастливым, если бы не обременил своей совести более тяжкими грехами, мне было бы легко искупить эти мимолетные заблуждения, спокойствие моих ночей не было бы возмущено, может быть, навсегда, и кара Господня не тяготела бы надо мною так сильно. Но, увы, рок решил иначе, как вы увидите из печальной повести, которую я обещал рассказать вам.

Надо сказать, что на Мальте, как и везде, народонаселение делится на три сословия, совершенно различные и отдельные: это дворяне, буржуазия и простой народ. Первое сословие состоит из небольшого числа благородных фамилий мальтийского происхождения, члены которых по статусу не имеют права вступать в орден. Эти фамилии не хотят иметь с рыцарями никаких сношений и признают только власть гроссмейстера и некоторых из высоких сановников, его министров.

Я не буду говорить более об этом сословии, так же как и о народе, потому что они не играют никакой роли в странной драме, которую вы узнаете, и приступаю прямо к сословию среднему, то есть к буржуазии. Это сословие занимает на острове все административные места, гражданские и уголовные. Оно прямо зависит от рыцарей, благосклонность и покровительство которых для него необходимы. Женщины, принадлежащие к этому сословию, называются между собой *honorate* и, бесспорно, заслуживают этого названия своей скромностью, благопристойностью и поведением, внешне безукоризненным, потому что *honorate* подвержены столько же, как и другие, а может быть, еще и более других, человеческим слабостям; но они умеют прикрывать свою любовь таким непроницаемым покровом, распространяют вокруг себя такое благоухание добродетели и честности, что по милости этого макиавеллиевского лицемерства, никто не догадывается об их интригах. Все остаются одинаково довольны: женщины уважаются, мужья спокойны, любовники счастливы.

Из сказанного мною, вы легко поймете, что *honorate* – женщины, слишком искусные и слишком дальновидные, и потому с особенным старанием изучают человеческое сердце во всех его формах и во всех видах. Из этого глубокого изучения *honorate* вывели заключение, что французские рыцари самые любезные и самые вежливые кавалеры, но вместе с тем и самые нескромные, что, едва сделавшись победителями, они трубят о своем торжестве первому встречному, и что поэтому интрига с ними не может быть окружена желаемой таинственностью.

Было ли основательно это мнение о *honorate*, я не могу и не хочу доказывать, однако считаю своим долгом заметить, что французские рыцари, привыкшие везде к самым лестным и блистательным успехам, в Мальте принуждены были ограничиться интригами с женщинами самого низкого разряда. Рыцари немецкие, напротив, были любимцами *honorate*, без сомнения, по милости своего спокойного и рассудительного характера, а также за нежность и свежий цвет лица. Испанцы тоже не могли пожаловаться на суровость этих дам, и я думаю, что в этом случае они были обязаны справедливой славе о своей преданности в любви и хорошо известной скромности.

Французские рыцари разумеется не могли терпеливо переносить презрения *honorate* и потому мстили им самыми язвительными насмешками и старались подстергать и обнаруживать самые скрытные их интриги. Но так как они водились только между собой и почти не имели никаких сношений с мальтийцами, не давая себе труда учиться итальянскому языку, на

котором говорят на острове, то слухи, распространяемые ими, не переходили за известный, очень тесный кружок, и никто этим не занимался.

Между тем, как мы таким образом жили спокойно и доверчиво в сладостной короткости с *honorate*, которые удостаивали нас своими милостями, на остров приехал, на французском корабле, командор Фульк де Фулькер. Этот дворянин принадлежал к древнему роду великих сенешалов в Пуату, которые по своему происхождению считаются потомками первых графов Ангулемских. Он уже не однажды бывал на Мальте. В первый раз он приезжал сражаться с турками; во второй – затем, чтобы отыскать одного миланца, которому хотел непременно перерезать горло; в третий – принять присягу и произнести обет. В этот приезд командор де Фулькер имел ужасные и кровавые ссоры. Дикая жестокость его неукротимого характера заставила всех ненавидеть и опасаться его. В последний раз он приехал на Мальту просить командования над галерами, и так как ему было уже около сорока лет, то все надеялись, что он будет не так задирист и придиричив, как прежде.

В первый раз, когда я увидел Фулька де Фулькера, он произвел на меня странное впечатление, я почувствовал к нему какое-то внезапное отвращение. Лицо его было очень характерно и обнаруживало большую энергию. Густые черные волосы, почти курчавые, окружали его высокий и гордый лоб. Длинный и тонкий нос, загнутый наподобие орлиного клюва, отличался необыкновенно подвижными ноздрями, которые широко раздувались в минуты гнева. Черные и густые брови осеняли серые, пронизательные глаза, сверкавшие почти нестерпимым блеском. Очень длинные усы, загнутые кверху, окончательно придавали этому лицу воинственный характер. Фулькер был высокого роста; его широкие плечи, по-видимому, могли, подобно атласовым, поддерживать мир. Он казался красив, когда надевал длинную белую тунику с пунцовым крестом. Может быть, в это время командор был уже не так буен и придиричив, как прежде, но он сделался чрезвычайно высокомерным и, гордясь своим высоким происхождением и огромным богатством, хотел повелевать больше самого гротескмейстера.

Поселившись на Мальте, Фулькер зажил по-княжески, держал открытый стол и угощал большей частью французских рыцарей, которые почти не выходили от него. Рыцари немецкие и мы, испанцы, редко бывали у него сначала, а потом и совсем перестали ходить к нему, потому что разговор почти всегда касался *honorate*, и язвительные насмешки, которыми их осыпали, тем более нас оскорбляли, что мы не могли за них заступаться открыто: наше заступничество более всего доказало бы, что намеки молодых французов были не совсем клеветой. Я вам скажу, кавалер, что дуэли запрещены в Мальте и что строгое наказание преследует их, если только дуэль не происходит на *strada Stretta*. Это улица или скорее переулок, очень длинный, очень узкий, на котором нет ни одних ворот, и на который не выходит ни одно окно. Этот переулок был создан как будто нарочно затем, чтобы два человека могли стать друг против друга и скрестить шпаги, не имея возможности отступить. Секунданты сражающихся обычно становятся на концах улицы и не допускают праздношатающихся и любопытных мешать дуэлянтам. Цель этого обычая заключается в том, чтобы уменьшить, как можно более, число дуэлей...

– Я вас не понимаю, – перебил Рауль. – Мне кажется, что обычай, о котором вы говорите, напротив должен увеличить число их, потому что доставляет полную безнаказанность.

– Извините, – возразил командор. – Вы забываете, что рыцарь, который не хочет ни вызвать другого, ни отвечать на вызов, может никогда не проходить по улице Стретта; если же начало дуэли и сама дуэль произойдут в другом месте, то она не считается случайной и сражающиеся подвергнутся наказанию, предписываемому статусом ордена. Сверх того, запрещено под страхом смерти выходить на улицу Стретта с пистолетом или кинжалом, потому что тогда дуэль легко превратилась бы в убийство. Теперь вы понимаете, что дуэль вовсе не в милости в Мальте, но пользуется там непризнанной терпимостью; о ней говорят со стыдливой замешательством, как о поступке, противном христианскому милосердию и неприличном в главном местопребывании религиозного и гостеприимного ордена.

Таким образом, ничего не могло быть неприличнее и неуместнее поведения командора Фулька, который каждый день выходил из дома, окруженный толпой молодых французов и непременно выбирал целью своих прогулок улицу Стретта. Там он останавливался, показывал своим спутниками все места, где он дрался, рассказывал о причинах и обстоятельствах своих дуэлей и входил в бесконечные подробности о замечательных ударах шпагой, которые получал и давал. Молодые французские рыцари были по природе очень обидчивы и задорливы, а прогулки и рассказы командора сделали их еще большими забияками, чем прежде. С ними почти невозможно было говорить: они обижались при малейшем слове и правая рука их почти не отходила от эфеса шпаги. Так как эта задиристость все более и более увеличивалась, мы, испанцы, удвоили осторожность и холодность, но это было напрасно. Французы не обращали внимания на нашу сдержанность, и их придирки не давали нам покоя.

Такое положение вещей не могло долго продолжаться. Мои соотечественники собрались у меня, и мы принялись рассуждать, какие предпринять меры, чтобы остановить наглость французов, которую более невозможно было переносить.

XXXVII. Шпага командора

На этом совещании было решено, что я буду просить командора Фулькера прекратить злоупотребления, которых он же сам был причиной. Я должен был объяснить ему неприличность поведения молодых французов. Последствия этого поведения мог предотвратить только он один по причине справедливого уважения, которого заслуживали его знатное имя, огромное богатство, известная храбрость и неоспоримое влияние над всеми своими соотечественниками. Я намеревался сделать это объяснение как можно осторожнее и со всем возможным уважением, но почти был уверен, что оно кончится не иначе, как дуэлью. Впрочем, я был в восторге, что именно меня выбрали посредником в этом деле чести, по двум причинам:

Во-первых, оно интересовало самым прямым образом мое достоинство.

Во-вторых, с первой минуты, как я увидел Фулька де Фулькера, я почувствовал к нему странную антипатию, и мысль о кровавом поединке с ним улыбалась мне, как приятнейшее препровождение времени.

Я поблагодарил моих соотечественников за благосклонное доверие, которым они меня почтили, и обещал им оправдать это доверие.

Это было в первые дни страстной недели. Исполненные уважения к этим торжественным дням, мы условились отложить свидание с командором до окончания святой недели. Хотя я никогда не имел доказательств этого, однако для меня было очевидно, что Фульк узнал о том, что происходило в моем доме, узнал о принятом мною намерении и решил предупредить нас, поссорившись с нами.

Наступила Великая Пятница. По испанскому обычаю мужчина, интересующийся женщиной, должен следовать за нею из церкви в церковь и везде подавать ей святую воду в минуту ее входа и выхода. Я не сомневаюсь, что ревность, врожденная во всех сердцах испанских, внушила этот обычай, потому что вся цель его, очевидно, заключается только в том, чтобы помешать какому-нибудь смелому кавалеру воспользоваться вашим отсутствием и случайно познакомиться с дамой ваших мыслей.

В этот день я ходил за молодой и прелестной женщиной, с которой узы нежной связи соединяли меня уже давно. Первая церковь, в которую она вошла, была Санта-Мария-Маджоре. В ту минуту, когда я входил вслед за нею, на паперти стояла толпа французских караванистов, которые занимались не набожностью, а бросали пылающие взоры на хорошеньких *hopogate*, проходивших мимо. Я поспешил дойти до кропильницы. Командор Фулькер стоял уже возле нее. Он фамильярно и дерзко подошел к моей любовнице, чтобы подать ей святую воду, стал между нами, повернувшись ко мне спиной, толкнул меня локтем и наступил на ногу.

В ту же минуту я услышал тихий смешок французских караванистов и понял, что оскорбление, нанесенное мне, было умышленно и замечено другими. Кровь бросилась мне в лицо и ослепила меня; однако, из уважения к святости места, я удержался и не отплатил оскорблением за оскорбление. Через минуту гнев мой если не исчез, то, по крайней мере, несколько уменьшился, и я совершенно овладел собою. Я терпеливо дождался, чтобы Фульк вышел из церкви, и тогда, подойдя к нему с холодным и равнодушным видом, вежливо сказал:

– Господин командор, я очень рад, что эта нечаянная встреча позволяет мне осведомиться о вашем здоровье.

– Господин командор, – отвечал Фулькер, – мое здоровье очень хорошо и я низжайше благодарю вас за участие, которое вы принимаете во мне...

– Осмелюсь ли спросить, – продолжал я, – в какую церковь пойдете вы отсюда?

– В церковь Святого Иоанна, – отвечал Фулькер.

– Если вам угодно, – продолжал я, – я буду иметь честь проводить вас туда самым кратчайшим путем...

Я ожидал, что Фулькер удивится моей странной вежливости. Ничуть не бывало. Напротив, он отвечал мне с самым учтивым и любезным видом:

– Я буду очень рад пойти с вами и чувствительно благодарю вас за вашу предупредительность...

Говоря таким образом, он пошел за мной. Я старался занять его разговором и привел так, что он этого не заметил, на улицу Стретта. Там я поспешил вынуть шпагу, будучи уверен, что в такой день церковная служба привлекает всех в церковь и никто нам не помешает. Фулькер заметил мое движение и вскричал:

– Как, командор, вы беретесь за шпагу?!

– Да, – отвечал я, – да, командор, я берусь за шпагу и жду вас!

После минутной нерешимости, Фулькер также обнажил шпагу, но почти тотчас же опустил ее.

– Что вы делаете? – вскричал я. – Вы не защищаетесь?.. Отчего?

– В Великую Пятницу, – прошептал он.

– Что нужды?..

– Послушайте: уже шесть лет не был я на исповеди, меня пугает состояние моей совести, но через три дня, то есть в понедельник утром, мы встретимся здесь.

– Нет, не через три дня! – вскричал я. – Не через два! Не завтра! Не через час! Но сию же минуту!..

– Именем Бога живого, который умер за нас в этот день, – продолжал Фулькер. – Не отвергайте моей просьбы!

– Отвергаю ее.

– Итак, вы безжалостны?

– Да.

– В таком случае, я не хочу подвергать спасения души моей вечной гибели и отказываюсь драться сегодня.

Я человек очень миролюбивый, а вы знаете, что люди с таким характером никогда не слушаются рассудка, когда они раздражены. Едва командор произнес эти слова, я поднял шпагу и ударил его плашмя. При этом кровавом оскорблении багровая краска сменила обычную бледность де Фулькера, молния сверкнула из его глаз, рука судорожно сжала эфес шпаги, и он во второй раз приготовился к бою. Я напал на него с бешенством. Едва скрестили мы шпаги, как выражение его лица изменилось. Ужас изобразился на его чертах, снова побледневших, и он встал возле стены, как бы предвидя, что упадет, и желая опереться. Это было предчувствие, потому что при первом же ударе, который я ему нанес, шпага моя проколола его насквозь.

Прислонившись к стене, он держался секунду, потом упал на колени и, опершись рукою о землю, сказал мне голосом слабым и уже прерывающимся от хрипения смерти:

– В Великую Пятницу!.. в Великую Пятницу... Да простит вам Господь смерть мою!.. Отвезите мою шпагу в Тет-Фульк и закажите в капелле замка сто панихид за упокой души моей...

Потом колени его опустились на землю, омоченные кровью руки судорожно вытянулись, и он упал, со сжатыми зубами, с открытыми глазами; конвульсии пробежали по его телу... Он умер.

В первую минуту я не обратил большого внимания на последние слова, произнесенные им, и если пересказываю их вам в точности сегодня, то лишь потому, что с тех пор они, к несчастью, много раз раздавались в ушах моих.

Я объявил о моем поступке по форме, установленной статутами. Капитул ордена собрался рассудить об этом деле и, разумеется, нашел, что так как мы встретились на улице Стретта, то, вероятно, по национальной вражде, не хотели уступить друг другу дороги; спор, конечно, превратился в серьезную ссору, а за нею последовала и дуэль. В общественном мнении эта дуэль не повредила мне, а, напротив, принесла величайшую честь. Все наперерыв поздравляли меня, осыпали комплиментами, потому что Фулькера вообще все ненавидели и находили, что он заслужил свою участь.

Таковы были суждения людей, но суд Божий и моя совесть судили иначе. Я скоро понял, что мой поступок был вдвойне преступен: во-первых, я пролил кровь моего ближнего в Великую Пятницу; во-вторых, я отказал несчастному командору, в трех днях отсрочки, о которой он умолял, чтобы примириться с небом. Я не только убил тело де Фулькера, но также, по всей вероятности, убил и его душу, подвергнув гибели его вечное спасение. Я говорил себе все это, я обвинил себя в своем преступлении на исповеди, и упреки моего духовника были так же строги, как и те, которые я делал сам себе.

XXXVIII. Покаяние

В ту минуту, как дон Реймон произнес последние слова, полночь пробила на часах восточной гостиной.

Едва раздался первый из двенадцати ударов, дон Реймон схватился за грудь, из которой вырвался болезненный стон, и прошептал:

– Он идет!.. Он идет! Вот он!..

Он упал на ковер, как бы пораженный громом. Рауль поднял своего гостя и положил на широкий диван. Потом, не желая нарушить обещания, данного им за несколько минут назад, он взял книжку в черном сафьянном переплете, которую дал ему дон Реймон, раскрыл ее на том месте, где была вложена закладка кровавого цвета, стал на колени возле дивана и начал вполголоса читать семь псалмов покаяния. Едва он окончил, как обморок командора прекратился, словно по волшебству.

Дон Реймон встал с дивана. Лицо его, казалось, было бледнее обыкновенного. Он взял раскрытую книгу, которую Рауль держал в руке, и сказал:

– Вы сделали то, о чем я просил вас. Благодарю.

Потом, как будто бы с ним вовсе не случилось ничего странного и таинственного, он принялся за свой рассказ, прерванный на несколько минут.

– В ночь с пятницы на субботу, ровно через неделю после моей роковой дуэли с Фульком де Фулькером, я был разбужен боем моих стенных часов, которые пробили полночь. Хотя я знал наверно, что погасил свечку прежде, чем заснул, моя комната показалась мне слабо освещенной. Я осмотрелся вокруг, думая, что кто-нибудь прокрался в мою квартиру, и увидел (да, увидел, потому что это было видение, а не сон), что я нахожусь не в моей комнате, не

на постели, а на улице Стретта и лежу на мостовой. Прямо напротив меня, опустившись на одно колено и опираясь рукой о землю, стоял командор. Лицо его было бледно, как у мертвеца, вышедшего из могилы. Поток крови струился из широкой раны, которая была у него под сердцем. Губы его раскрывались, как бы затем, чтобы говорить, но не издавали никакого звука. Наконец я услышал слова, произнесенные едва внятным голосом, или, скорее, я угадал их, нежели услышал. Он говорил:

«Отвезите мою шпагу в Тет-Фульк и закажите в капелле замка сто панихид за упокой души моей».

Видение исчезло. Я вскрикнул и лишился чувств. Когда я пришел в себя, уже давно был день и меня орошал холодный пот. На следующую ночь я велел моему камердинеру лечь возле моей кровати. Видение не возобновлялось, так же, как и в шесть следующих ночей; но с пятницы на субботу сон мой был снова прерван им. Мне казалось только, что камердинер мой лежал недалеко от меня на мостовой улицы Стретта. Я опять увидел командора де Фулькера при последнем издыхании и услышал, как он сказал в третий раз голосом умирающим и едва внятным:

«Отвезите мою шпагу в Тет-Фульк и закажите в капелле замка сто панихид за упокой души моей».

Я опять лишился чувств с криком ужаса, который разбудил моего камердинера. Он привел меня в чувство. Опомнившись, я расспросил его, и он отвечал, что в последние минуты моего сна ему пригрезилось, будто он лежит в очень узком переулке. Впрочем, он не видал командора и не слышал слов его.

С тех пор каждую пятницу видение возобновлялось с одними и тем же подробностями и мертвец произносил одни и те же слова. Очевидно, душа покойного Фулькера желала более всего, чтобы я отвез его шпагу в Тет-Фульк. Я собрал сведения, расспросил французов и наконец узнал от одного рыцаря, уроженца Пуату, что Тет-Фульк – старый замок, находившийся в лесу, в восьми или десяти милях от Пуату. Об этом замке рассказывали самые необыкновенные и фантастические вещи; по всему краю ходили слухи, что там можно было видеть множество любопытных предметов, и особенно замечательны были доспехи знаменитого Фулька Тальефера и вооружения убитых им рыцарей. Утверждали, что в роде Фулькеров с незапамятных времен существовал обычай вешать в этом замке оружие, которое они употребляли или на войне, или на дуэлях.

Я уехал с Мальты, сначала в Рим, где покаялся кардиналу – великому исповедателю в совершенном мною преступлении. Я рассказал ему также и об ужасном видении, преследовавшем меня. Он пожалел меня и уверил, что подобные видения представлялись и другим, и что Господь в своем правосудии позволяет иногда душам умерших в смертном грехе являться на землю и просить молитв или у друзей, или у родных, или у самого убийцы. Наконец, кардинал не отказал мне в разрешении, которого я заслужил моим искренним раскаянием, но сказал, что прежде я должен подвергнуться строгому покаянию и что я буду очищен и разрешен только тогда, как в капелле Тет-Фульк будут отслужены сто панихид, составлявших часть моего покаяния. Так как я очень торопился исполнить наложенное на меня покаяние, надеясь, что видение исчезнет тотчас после этого, то взял с собой шпагу командора и немедленно отправился во Францию.

Едва ступил я на землю вашего отечества, меня начала преследовать сквернейшая погода, так что я проехал Францию под проливным дождем; в некоторых местах лошади вязли по колени в грязи. Однако я кое-как добрался до Пуату, где остановился в гостинице довольно неплохой. В этот пень дождь лил еще сильнее обыкновенного, платье мое промокло насквозь, и я чувствовал сильную дрожь, пробегающую по моим окостеневшим членам. Поэтому вместо того, чтобы тотчас же отправиться в отведенную для меня комнату, я уселся в общей зале у высокого камина, который несколько огромных поленьев превратили в пылающую печь. В

эту залу беспрестанно входили и выходили путешественники, а хозяин с озабоченным видом отдавал приказания слугам. Имя командора Фулька де Фулькера, произнесенное возле меня, вдруг заставило меня приподняться.

– Фамилия угасла... – говорил один из путешественников, которого я, судя по костюму, принял за мелкого окрестного дворянина, ехавшего из своего поместья в Пуату...

– О какой фамилии говорите вы? – спросил другой собеседник.

– Э! Разумеется о Фулькерах!

– Знатный дворянский род! Только слава дурная!

– А что, разве командор умер? – спросил вдруг кто-то.

– Как! Вы не слыхали этой новости?

– Право, нет.

– Командор был убит на Мальте, два или три месяца тому назад.

– На дуэли?

– Да...

– Известно, кем?

– Испанским рыцарем, которого имени я не знаю.

– Вот доблестная шпага, нанеся удар, достойный похвалы! Не думаю, чтобы много слез было пролито в память командора Фулька! Дурной был человек!..

– Скажите лучше: воплощенный дьявол, предмет ужаса своих вассалов, у которых он убивал сыновей и насиловал жен и дочерей.

– Он кажется редко посещал свой замок Тет-Фульк?..

– Да, но как ни редки были его приезды, все-таки они случались слишком часто...

– Впрочем, если уж его нет на свете, следует простить ему грехи, и пусть Господь успокоит его душу!..

– Говоря откровенно, я думаю, что дьявол всегда считал ее своей законной собственностью...

Этот разговор, который я передаю вам почти буквально, доказал мне, что известие о смерти командора опередило меня в Пуату и что в этом городе о нем сожалели еще менее, нежели на Мальте. Признаюсь, я был очень рад, что люди, знавшие командора, так единодушно осуждали его. Я думал, не знаю справедливо или нет, что теперь я был менее виновен, не исполнив просьбы человека, столь глубоко ненавидимого. Но все-таки мне надо было исполнить мое покаяние, и я решился сделать это на другой же день, в четверг, чтобы в пятницу не быть в замке Тет-Фульк.

XXXIX. Лес

В этот же вечер после ужина я позвал хозяина в мою комнату, чтобы собрать нужные для меня сведения.

– Как далеко отсюда до Тет-Фулька? – спросил я.

Трактирщик взглянул на меня с изумлением и вскричал:

– Вы едете в замок Тет-Фульк?

– Еду, – отвечал я.

– Разве вы не знаете, что в замке никто не живет и что последний владелец его Фульк де Фулькер недавно умер на острове Мальте?..

– Знаю и прошу вас только отвечать на мои вопросы.

– Это другое дело, – прошептал трактирщик. – Отсюда до Тет-Фулька восемь лье.

– А какова туда дорога?

– Плоха... и в хорошее-то время по ней мудрено ездить, а теперь, после дождей, об экипаже нечего и думать; разве что верхом...

- Можете вы достать для меня проводника?
 - До половины дороги, не дальше.
 - Почему же только до половины дороги?
 - Да потому, что с того места, которое называется Лощиной Мертвого Человека, лес пользуется такой дурной славой, что ни за какие деньги вы не уговорите жителей Пуату проехать туда с вами...
 - Что же говорят об этом лесе?
 - Много ужасного.
 - Однако что именно?
 - Говорят о колдовстве, о чародействе, о страшных привидениях, о злых духах, которые сбивают путешественников с пути, привлекают к невидимым пропастям... Там несчастные гибнут...
 - Как вы думаете, справедливы ли эти слухи?
 - Клянусь честью, не знаю, но так говорят и этого достаточно, чтобы напугать любого из здешних жителей.
 - Ну так достаньте мне проводника только до Лощины Мертвого Человека, как вы называете это место, дальше я отправлюсь один...
 - А когда вы намерены отправиться?
 - Завтра.
 - В котором часу?
 - На рассвете.
 - Хорошо, ваши приказания будут исполнены.
- Трактирщик хотел удалиться. Я удержал его.
- Это еще не все...
 - Что прикажете?
 - Я желаю, чтобы вы достали мне полный костюм пилигрима, с четками и посохом!..
- Я заметил, что трактирщик смотрел на меня с глупым удивлением, и прибавил:
- Я иду в Замок Тет-Фульк вследствие данного обета и потому нахожу приличным надеть смиренный и освященный костюм для исполнения этого обета...
 - Костюм будет у вас вместе с проводником, – отвечал трактирщик.

На другое утро все было готово. Я надел длинную коричневую рясу странствующего пилигрима. Под этой рясой я привязал с одного боку шпагу командора, а с другого кожаный кошелек, достаточно набитый золотыми монетами, которыми должен был заплатить за сто панихид. Спустившись в нижнюю залу, я нашел там моего проводника. Это был молодой крестьянин, лет пятнадцати или шестнадцати, худощавое и бледное лицо которого, окруженное белокурой, почти бесцветными волосами, не имело решительно никакого характера. Мальчик этот был высок для своих лет, очень тощ, на длинных, как у цапли, ногах и с длинными руками, которые беспрестанно шевелились, как будто крылья ветряной мельницы.

Мы отправились. Небо было сумрачно, и шел мелкий дождь. Около часа шли мы по грязи, скользкой и жидкой, в которой вязли иногда по колени. Через час мы дошли до рубежа огромного леса, покрывавшего двадцать квадратных лье. Посреди этого леса находился Замок Тет-Фульк. Перед нами открывалась аллея столетних дубов и вязов, переплетшиеся ветви которых образовывали над нашими головами мрачный свод. Крестьянин перекрестился, входя под этот свод. Я сделал то же. Мы поступили одинаково, но были руководимы совершенно различными побуждениями. Он повиновался необдуманному и суеверному страху, я не боялся ничего, но поручал свою душу Богу.

По мере того как мы подвигались вперед, зеленый свод понижался, а аллея становилась все уже и уже и, наконец, кончилась тропинкой, по которой мы не могли идти рядом и были принуждены наклониться, чтобы не наткнуться на ветви. Иногда какой-нибудь испуганный

зубр перескакивал через тропинку в десяти шагах перед нами, и при шуме сухих листьев, смятых свирепым животным, проводник мой останавливался дрожа и начинал креститься. Скоро я почувствовал усталость.

– Продвигаемся ли мы? – спросил я у моего проводника.

– Разумеется, не пятимся назад, – отвечал он. – Продвигаемся, но мало.

– Скоро ли придем мы к Лощине Мертвого Человека?

– Не могу сказать... часа через три, может статься...

– Ты знаешь наверно, что мы не сбились с дороги?

– О, да! Я с закрытыми глазами пройду по лесу, я часто прихожу сюда ловить кроликов и отыскивать гнезда черных дроздов...

Я опять пошел вперед и, чтоб постараться забыть длину пути и усталость, стал расспрашивать своего проводника о таинственных опасностях, о которых трактирщик говорил мне вчера, и сначала спросил, почему дано такое странное название тому месту, у которого он должен был меня оставить. Крестьянин отвечал, что Лощину Мертвого Человека назвали так потому что незаконнорожденный сын Фулька Тальефера, графа Ангулемского, чуть было не был убит в этом месте одним из своих вассалов, жену которого он насиловал. В отмщение за это, господин велел приковать несчастного за шею и за ноги к скале, возвышающейся посреди лощины, где тот и умер от холода и голода. Более столетия кости трупа оставались прикованными к месту казни. Крестьянин прибавил, что с тех пор адские духи завладели лесом и окрестностями Замка Тет-Фульк, и распространился в своем рассказе об ужасном обращении этих духов с путешественниками, заблудившимися в их владениях. Удивительная легенда, рассказанная проводником, произвела на меня странное впечатление. Имел ли я право не верить этим сверхъестественным происшествиям, когда сам столько раз был тревожим непонятным явлением, выходившим из пределов материального мира? И я снова поручал душу свою Богу.

Между тем мы шли уже более трех часов. Ноги мои отказывались идти далее, лицо и руки были до крови исцарапаны хворостом. Проводник вдруг остановился. В это время мы пришли к широкой долине, в которой изредка одиноко росли высокие деревья. Длина этой долины простиралась не далее трех ружейных выстрелов. Посреди возвышалась груда зеленовато-коричневых скал.

– Вот Лощина Мертвого Человека! – сказал крестьянин. – Здесь я вас оставляю, как мы условились...

– Я на половине дороги к Тет-Фульку? – спросил я.

– Почти... Я никогда не был в Тет-Фульке, но мне говорили много раз, что от замка до лощины не дальше, как от лощины до города...

– Куда же теперь мне идти?

– С другой стороны лощины вы найдете тропинку прямо против этой... ступайте по ней... она ведет прямо к замку...

Потом, дав мне почти с сожалением эти неполные указания, проводник мой повернулся и убежал со всех ног, как будто не чувствовал ни малейшей усталости. Я сошел в лощину, но, будучи не в состоянии идти далее, не отдохнув несколько минут, стал искать места, где бы укрыться от дождя, лившего безостановочно. Между скалами, о которых я говорил сейчас, находился небольшой грот, совершенно сухой. Я вошел в него, лег на густой мох, покрывавший землю, и скоро почувствовал, что сон овладевает мною; я пробовал бороться с ним, но напрасно. Я заснул.

Сколько времени продолжался сон мой, не знаю, но когда я проснулся, была уже ночь, и я поспешил выйти из грота. Я совершенно отдохнул, но умирал от голода, потому что не ел целый день.

Я мог надеяться найти убежище и пищу только в Тет-Фульке, поэтому смело пошел по той тропинке, которая, по словам крестьянина, должна была привести меня в замок. Без сомне-

ния, было еще позднее, чем я думал, потому что через полчаса мрак сделался совершенно непроницаем. Идя почти ощупью, я вдруг дошел до перекрестка и заметил две тропинки: одна шла направо, а другая налево. По которой идти? Я предоставил все случаю и пошел налево. Без сомнения, случай обманул меня, потому что я скоро наткнулся на скалы: тропинка не имела выхода. Мною овладело отчаяние; я подумал, что, если придется провести ночь в этом лесу, я погибну самым жалким образом. Голод становился нестерпимым и члены мои цепенели все более и более. Однако я решился вернуться к перекрестку и пошел или, скорее, потащился направо. Я шел очень медленно, беспрестанно спотыкался на неровной почве и вдруг одним коленом наткнулся на пень. Боль была до того сильна, что я лишился чувств.

XL. Тет-Фульк

Опомнившись, я заметил, что нахожусь в какой-то дымной лачуге и лежу в простом деревенском кресле, сделанном из ветвей и древесной коры. Прямо против меня горел яркий огонь, разведенный торфом и сухим вереском. Возле меня стояли мужчина и женщина, черные с головы до ног. Я сначала подумал, что они принадлежат к породе фантастических существ, о которых мне говорили, но это заблуждение продолжалось недолго. Как только я раскрыл глаза, мужчина, взор которого был устремлен на меня, улыбнувшись, показал мне свои белые зубы и сказал с видом добродушия и участия:

– Как вы себя чувствуете, господин пилигрим?

Я отвечал, что не чувствую никакого страдания, кроме сильной боли в колене, и спросил, каким образом, лишившись чувств в лесу, я очнулся в хижине. Ответ был прост. Человек этот был дровосек и кормился тем, что жег уголь, который продавал потом в Пуату. Он провел день у своей печи, а вечером, возвращаясь домой, наткнулся на мое тело, лежавшее на земле. Он поднял меня и принес к себе. Я поблагодарил его за это доброе дело. Дровосек предложил мне разделить с ним умеренный ужин, приготовленный его женой. Я согласился от всего сердца.

За ужином я спросил его, что он думает о таинственных духах, которыми по слухам был населен лес. Он отвечал, что слухи эти не раз доходили до него, но сам он никогда не видал ничего такого, что могло бы подтвердить их. Притом совесть ни в чем его не упрекала, а он думал, что Господь не позволит адским духам вредить ему когда он сам не делал вреда никому. Потом я спросил у него, далеко ли от его хижины до Тет-Фулька.

– Два часа ходьбы, – отвечал он.

– Не можете ли вы проводить меня туда?

– Охотно, завтра на рассвете отправимся в путь.

– Почему же не сегодня?..

– Сегодня?..

– Да.

– Невозможно!

– Отчего?

– Оттого, что в темноте вместо двух часов мы проплутаем, по крайней мере, четыре.

Потом, предположив, что мы и дойдем до замка, мы все-таки не попадем в него...

– Что же нам мешает?

– Запертые ворота.

– Разве нам не отворят их?

– Нет.

– Разве сторожа замка до такой степени негостеприимны?

– В замке нет никого, кроме старого привратника и благочестивого отшельника.

– Так что же?.. Они отопрут...

– Едва ли! Вечером привратник запирает ворота и засыпает. Старик спит крепко, и он нас не услышит. Отшельник же, как говорят, в это время молится в капелле, и уж, конечно, поверьте, что нам лучше подождать до завтра.

Я послушался таких убедительных доводов и решил дождаться утра.

Хозяева насыпали для меня в углу комнаты сухих листьев папоротника. Я бросился, снимая моей пилигримской одежды, на эту импровизированную постель и скоро заснул глубоким сном. Дровосек, как обещал, разбудил меня утром.

– Если вам угодно, мы можем отправиться в путь, – сказал он мне.

Я тотчас встал и приметил с сильным огорчением, что ужасно страдаю от вчерашнего ушиба. Колено мое распухло за ночь и вся нога как будто одеревенела. Однако я хотел непременно попасть в замок в этот день и, несмотря на боль, пошел за моим проводником. Хотя я и опирался на свой пилигримский посох, но все-таки сильно хромал и шел так медленно и с таким трудом, что только через пять часов дошли мы до входа в прогалину, из которой виден был замок Тет-Фульк. Не имея более нужды в проводнике, я сунул ему в руку несколько золотых монет, которые он принял с глубокой признательностью, и отпустил его, потом продолжал свой путь. Наконец я кое-как дотащился до замка.

Это было огромное укрепленное здание, окруженное широкими и глубокими рвами. Высокие стены, потемневшие от времени и поросшие мхом, имели зловещий и ужасающий вид. Четыре огромные башни, омывавшие свой фундамент в зеленоватой воде рвов, стояли по четырем углам замка. Остроконечная колокольня капеллы возвышалась над крышей своей шпиц и гербованные флюгера. Эта угрюмая и безмолвная масса производила неприятное и странное впечатление. Ни одного живого существа не видно было в окружности. Ни малейший шум не доходил до слуха. Все здесь напоминало холодное и мрачное спокойствие могилы. С первого взгляда можно было угадать, что угрюмое здание давно оставлено владельцами и пусто. Можно было подумать, что это один из тех проклятых замков, о которых так часто говорится в рыцарских романах.

Я прошел подъемный мост, висевший над рвом, и дошел до главных ворот. Железная цепь приводила в движение колокол, находившийся внутри. Я дернул за эту цепь. Тотчас раздался звон колокола, и эхо печально повторило его на широком дворе и огромных лестницах. Прошло несколько минут, но никто не отвечал на мой зов. Наконец я услышал тяжелые, медленно приближавшиеся шаги, маленькая калитка, сделанная в воротах, повернулась на своих петлях, и я увидел старика, сгорбленного от старости, с волосами белыми, как снег, и одетого точно так, как одевались при добром короле Генрихе IV.

– Что вам угодно? – спросил он с мрачным видом.

– Я желал бы войти в замок.

– Замок пуст, владельцы умерли. Вам нечего здесь делать...

И он уже хотел было затворить калитку, но я с живостью остановил его и сказал:

– Я дал обет... касающийся спокойствия души вашего последнего господина – Фулька де Фулькера, и для исполнения этого обета я должен видеть тет-фулькского отшельника.

– Это другое дело. Войдите.

Двор, в котором я очутился, был огромен и окружен, подобно монастырю, длинными галереями и аркадами. Старик обернулся ко мне и продолжал:

– Отшельник в капелле, пойдемте, я провожу вас.

Он вел меня сквозь лабиринт лестниц и коридоров. Снаружи замок прекрасно сохранился, без сомнения, вследствие толщины и прочности стен, но я не могу дать вам точного понятия о внутреннем разрушении. Повсюду плиты расселись, пол опустился, своды угрожали падением. Ни в одном окне не было стекол, и ночные птицы свободно вили гнезда в залах и коридорах.

По мере того, как мы проходили по коридору, в ушах моих все яснее и яснее звучал жалобный голос, певший молитвы по умершем. Скоро я распознал *De profundis*. Это похоронное пение произвело на меня грустное впечатление и показалось печальным предзнаменованием. Старик отворил наконец одну дверь и пригласил меня войти в капеллу, но сам пошел за мной.

Отшельник, которому поручено было служить в этой капелле и содержать ее в чистоте, дурно исполнял свою обязанность, потому что там еще более, чем в других местах, все было в самом жалком запустении. Сырая трава росла между плитами, резные украшения, почти сгнившие, отделялись от стен, занавесь алтаря была разорвана, окна вместо стекол во многих местах были заклеены обрывками холста от старых картин.

Отшельник все пел. Он был в изношенной рясе и казался еще молод, но худ, без сомнения, от умерщвления плоти. Я опустился на колени и стал молиться шепотом, ожидая, когда он кончит молитву об усопших. Он кончил, и я отвечал: аминь! Отшельник обернулся и, увидев меня, спросил, как и старый привратник:

– Что вам угодно?

– Я пришел сюда исполнить долг совести, – отвечал я.

– Какой?

– Я дал обет.

– Скажите мне его.

– Я обещал заказать в этой капелле сто панихид за упокой души командора Фулька де Фулькера, убитого на дуэли на острове Мальта.

– Хорошо, – отвечал отшельник.

Я вынул из кошелька сто золотых монет, положил их на алтарь и прибавил:

– Беретесь ли вы, отец мой, отслужить эти панихиды?

– Я сам – нет. Я еще не вполне посвящен и не имею права служить обедни, но все-таки обещаю вам удовлетворить вашу совесть.

Я вытащил из-под моей рясы шпагу командора и сказал:

– Я дал также слово принести в этот замок шпагу, принадлежавшую командору де Фулькеру.

И, говоря это, я хотел положить шпагу возле золотых монет. Отшельник остановил меня движением руки.

– Нет, – вскричал он, – нет... Здесь не место для убийственного орудия, столь часто орошавшегося христианской кровью...

– Что же мне делать с этой шпагой? – спросил я.

– Отнесите ее в оружейную, – отвечал он резким тоном, – там она будет в обществе, достойном ее!

И он вышел со мной из капеллы.

XLI. Оружейная

Старый привратник, к которому отшельник снова отвел меня, объяснил, что оружейной называлась та зала, в которой хранилось оружие умерших Фулькеров вместе с оружием победивших ими рыцарей. Этот обычай, строго исполняемый в роде Фулькеров, был установлен еще во времена Мелюзины и ее мужа, графа Жоффруа Пуату, по прозвищу Большой Зуб. Я желал немедленно исполнить хотя бы вторую часть моего покаяния и попросил, чтобы привратник тотчас же отвел меня в оружейную.

Это была огромная комната, содержавшаяся гораздо лучше, чем другие. Потолок, некогда выкрашенный яркой краской, почти полинял, дубовая обшивка стен почернела от времени. Кругом по стенам висели портреты всех владельцев Тет-Фулька и жен их.

Особенное любопытство возбудил во мне портрет Фулька Тальефера, графа Ангулемского, который выстроил замок Тет-Фульк для своего побочного сына, сделавшегося великим сенешалем в Пуату и родоначальником дома Фулькеров. Этот побочный сын был именно тем самым мерзавцем, которому Лощина Мертвого Человека была обязана своим зловещим названием.

Мне казалось, что портрет Тальефера был написан с ужасной и поразительной истиной. Старый и грозный рыцарь был представлен вооруженным с ног до головы, в ту минуту, когда он садится на боевую лошадь и берет круглый щит, на котором были изображены головами вперед три льва без зубов, без грив и без хвостов. Под поднятым забралом железного шлема налитые кровью глаза Фулька Тальефера сверкали мрачной и угрожающей молнией. Смотря на этот портрет, можно было подумать, что Фульк сейчас выйдет из рамы, как бы удерживавшей его в плену, и бросится в битву, махая своим мечом с воинственным, ужасающим криком.

Другие портреты тоже были довольно хорошо написаны, хотя и принадлежали к первым временам средневекового искусства. Портреты сенешаля и его жены, Изабеллы Лузиньян, висели по сторонам высокого и широкого камина. Лицо сенешаля выражало непоколебимую волю и лютую жестокость. Смотря на него, можно было угадать, что этот человек, наверное, пролил много крови и находил наслаждение среди стонов и криков своих жертв. Надменная и резкая физиономия Изабеллы Лузиньян дышала не более мужниной кротостью и благосклонностью. Я понимал, отчего в Пуату радовались исчезновению древней фамилии Фулькеров, и спрашивал себя, не сам ли Господь поддерживал в руке моей мстительную шпагу, которой командор был поражен. Я почти забыл в эту минуту, что Господь не требует смерти грешника, но желает его обращения на путь истинный, и скоро должен был получить тяжкое наказание за эту забывчивость.

Под каждым портретом висели шпаги разных веков и разных размеров, в виде трофеев. Я присоединил к одному из них шпагу командора и почувствовал невыразимое облегчение.

После моего прихода в замок поднялась сильная буря, флюгера стонали, как души грешников, а ветер врывался под аркады парадного двора с шумом, подобным шуму разъяренного моря. Эта адская погода и боль в колене не позволяли мне думать о возвращении в город в тот же день. Я спросил старого привратника, согласен ли он дать мне поужинать и позволить переночевать в замке.

– Вы пришли, – отвечал он, – за тем, чтобы заказать несколько панихид за упокой души моего последнего господина и присоединить его шпагу к шпагам его предков, поэтому вы гость во Фулькерском замке. Оставайтесь же здесь, сколько хотите, и будьте уверены, что не будете иметь недостатка ни в чем...

Я поблагодарил старика за гостеприимство и прибавил:

– Эта зала – единственная комната в замке, в которой можно жить... Не можете ли вы затопить здесь камин и постелить постель?..

– Извольте, – отвечал он, – я тотчас затоплю камин, и вы можете здесь отужинать, если хотите, но не советую вам ночевать в этой комнате и даже оставаться в ней после полуночи.

– Разве я могу здесь подвергнуться какой-нибудь опасности?

Брови старика почти сдвинулись, он покачал головой и не отвечал на мой вопрос. Я настаивал. Через минуту он продолжал:

– Послушайте меня, ночуйте в моей комнате. Я не хочу, чтобы в замке Тет-Фульк случилось какое-либо несчастье с гостем фулькерских владельцев!..

– Хорошо! – отвечал я. – Охотно принимаю ваше предложение и буду ночевать с вами.

– И прекрасно сделаете, – сказал привратник. – Я принесу сейчас огня, позабочусь о вашем ужине и приготовлю вам постель возле моей...

Старик вышел из оружейной. Я согласился ночевать с ним тем охотнее, что в этот день была пятница, и хотя я надеялся, что навсегда уже освободился от моего видения, однако

боялся, чтобы оно не возвратилось. Старик пришел через минуту. Он принес дрова, которые положил в камин, и затопил его. Скоро яркое пламя охватило дрова и превратило камин в огненное горнило. Старик снова ушел, говоря:

– Я принесу вам ужин через два часа.

Оставшись один, я начал рассматривать с большим вниманием, чем прежде, оружия и портреты. Я вам сказал уже, что буря страшно ревела на дворе. Притом подходил конец осени, дни были очень коротки и вечер скоро должен был наступить. По мере того, как на небе уменьшался слабый свет дня, темнота распространялась по зале, и мрачный цвет старого полотна картин смешивался с потемневшими от времени стенами. Перемежающийся блеск каминного пламени разливал неопределенный свет, позволивший мне видеть только лица портретов, их угрожающие глаза и неподвижные губы. Мною овладел глубокий и непреодолимый ужас. Мне казалось, что вокруг меня должно произойти нечто странное и ужасное. По всей вероятности, моя робкая совесть и воспоминание о видении, которое столько раз являлось мне, повергали меня в постоянное волнение. Однако я не видал ничего.

Скоро вернулся привратник. Он принес лампу и ужин, который поставил на столик, сняв с него предварительно кучу панцирей, шишаков и набедренников. Ужин был самый простой и состоял из карпов и раков, которых привратник выудил во рву замка. Кроме того, был хлеб, довольно белый, вареные овощи и бутылка вина.

– Разве я должен ужинать один? – спросил я, когда привратник расставил передо мною блюда.

– С кем же вам ужинать? – отвечал он.

– С отшельником...

Старик опять покачал головой.

– Я сейчас спрошу его, – сказал он, – хочет ли он разделить с вами ужин, но сомневаюсь, чтобы он решился прийти сюда.

Он вышел и, в самом деле, вернувшись через несколько минут, сказал мне, что отшельник просит меня извинить его, что он питается только кореньями, сваренными в воде, и притом никогда не согласится войти в оружейную. Я сел за стол один и при помощи аппетита нашел рыбу и раков превкусно приготовленными; овощи показались мне бесподобными и даже пуатуское вино очень понравилось.

В мальтийском ордене рыцари непременно должны читать каждый день служебник, и я всегда с точностью исполнял эту обязанность. Вынув из кармана четки и молитвенник, с которыми я не расставался никогда, я приготовился тотчас после ужина приняться за чтение.

– Разве вы остаетесь здесь? – спросил меня старый привратник,

– Да, еще несколько минут. Как только кончу молитвы, я приду к вам.

– Ну и прекрасно.

– Покажите мне только дорогу, как пройти к вам...

– Очень просто. Отворите дверь, спуститесь по лестнице и вы тотчас найдете мою комнату, дверь я оставляю отпертой. Это будет шестая после стрельчатого свода, на четвертой площадке лестницы. Вы войдете в коридор, кончающийся аркадой; тут еще стоит статуя блаженной Иоанны Французской. Ошибиться невозможно.

Хотя я и находил, что эти указания были вовсе не так ясны, как думал привратник, однако я отвечал:

– О! да, я найду без труда...

– Не задолго до полуночи, – продолжал старик, – вы услышите, как отшельник зазвонит в колокол, обходя дозором по коридорам. Если вы еще будете здесь, уходите, не теряя времени... особенно... особенно не оставайтесь в оружейной после полуночи.

Сопровождая последний совет многозначительным взглядом, старый привратник оставил меня. Было около десяти часов вечера.

XLII. Привидения

Оставшись один, я раскрыл молитвенник и начал читать вечернюю службу, но, признаюсь, с сердцем взволнованным и с тревожными мыслями. Я чувствовал тот неопределенный ужас, который внушает нам неизвестная опасность, ту необъяснимую боязнь, которую порождают в нас темнота и уединение. Медная лампа, поставленная привратником на столе возле камина, разливала около себя тусклый свет, от которого отдаленные части зала казались еще темнее. Вне светлого круга я видел только смутные формы, которые иногда казались мне движущимися. Порывы бури производили странный шум, врываясь в пустые комнаты и бесконечные галереи.

Глаза мои были устремлены на молитвенник, но думал я о другом. Против воли я говорил себе, что замок, в котором я находился в эту минуту, принадлежал человеку, убитому мною! Против воли я переносился мыслью в Мальту, на улицу Стретта, присутствовал при моей дуэли и слышал, как в ушах моих раздавался слабый голос командора, говоривший мне слова, столь часто повторяемые с тех пор: «Отвезите мою шпагу в Тет-Фульк и закажите в капелле замка сто панихид за упокой души моей».

Вы согласитесь, что час и место были дурно выбраны для таких воспоминаний!.. Не раз думал я прервать молитвы и пойти к привратнику, но меня удерживало ложное понятие о чести и стыде уступить суеверному малодушию. Время от времени, я подкладывал в камин дрова, чтобы доставить себе более яркий свет, но не смел осмотреться кругом. Мне все казалось, что вот невидимая рука вдруг дотронется до плеча моего, и, обернувшись, я встречу лицом к лицу с каким-нибудь отвратительным привидением. Я не осмеливался даже взглянуть на фамильные портреты. Если хоть на секунду я устремлял взор на который-нибудь из этих портретов, мне чудилось, будто он оживает, а глаза и губы шевелятся. Особенно мне казалось, что фигуры великого сенешаля и его жены смотрели на меня свирепыми глазами, что они как будто покачивали головами, и обменивались между собою выразительными взглядами. Я старался объяснить то, что видел, порывами ветра, приподнимавшего ветхие картины, и призывал на помощь Бога против обманчивых грез, насылаемых на меня злым духом.

Немного успокоившись этой молитвой, я отважился снова взглянуть на портрет сенешаля и увидел, да, ясно увидел, что Фульк Тельефер делает мне из своей рамы угрожающий жест. В эту самую минуту страшный порыв ветра потряс все окна, как будто невидимые руки хотели их разбить; трофеи зашевелились с дребезжанием, которое показалось мне сверхъестественным. Я невольно задрожал, и холодный пот выступил у меня на лбу. К счастью, я услышал звон колокола отшельника. Теперь я мог оставить оружейную, не показавшись трусом в собственных глазах. Я взял лампу, отворил дверь и, не оглядываясь, пошел по лестнице. Я еще не успел дойти до второй площадки, как новый порыв ветра погасил мою лампу. Я поспешно возвратился в оружейную за огнем, потому что о возможности отыскать впотьмах комнату привратника нечего было и думать.

Посудите же, что я должен был почувствовать в ту минуту, когда, переступив через порог оружейной, я вдруг увидел, что сенешаль и жена его, выйдя из рам, сидели друг против друга у камина, один в своих боевых доспехах, а другая в платье из серебряной ткани и в накрахмаленном воротнике. Испуг пригвоздил меня к месту; я услышал очень ясно разговор двух привидений.

— Милая моя, — говорил сенешаль, — что вы думаете о дерзости кастильца, который поселился в моем замке, будто у себя дома, и посмеивается себе после того, как убил командора, не дав ему времени покаяться?

– Мессир, – отвечал женский призрак хриплым голосом, – по моему мнению, кастилец поступил в настоящем случае подло, и, поистине, вы должны, прежде, нежели он выйдет отсюда, бросить ему перчатку.

Я потерял голову и снова бросился на лестницу, отыскивая ощупью комнату привратника, но не только не успел ее найти, а еще заблудился впотьмах. Пробежав множество галерей и Бог знает сколько лестниц, я наконец сел на ступеньку, не помня, в которой стороне оружейная и в которой статуя блаженной Иоанны Французской.

После довольно продолжительного времени, проведенного мною в мучительном ожидании и смертельном беспокойстве, я утешал себя надеждой, что скоро начнет рассветать и запойут петухи. Вы, без сомнения, знаете, что тотчас после первого пения петухов привидения, каковы бы ни были причины, привлекающие их в этот свет, принуждены возвращаться в мрак своих могил. В особенности я старался убедить себя в том, что все виденное и испытанное мною существовало только в моем взволнованном и болезненном воображении. Я все еще держал в руке погасшую лампу, безумно желая лечь и уснуть, потому что был сильно истощен усталостью. Поднявшись со ступеньки, на которой сидел, я продолжил мои поиски.

Через несколько минут я попал на лестницу и увидел наверху слабый свет. Я заключил, что этот свет должен был выходить из оружейной, от огня, вероятно, угасавшего в его высоком камине. Я поднялся на несколько ступеней и увидел, что догадка моя была справедлива. Побуждаемый надеждой зажечь лампу, я отважился дойти до порога и бросил в комнату робкий взор.

Сенешаль и жена его уже не сидели у камина. Это меня убедило, что прежде мне очевидно почудилось, и я смело пошел к камину. Едва я сделал несколько шагов, как насмешливый хохот раздался возле меня. Лампа выпала у меня из рук...

Изабелла де Лузиньян стояла в трех шагах от меня, с лицом, еще сжатым от отвратительного хохота, и указывала мне рукой на середину залы. Я обернулся, бледный и дрожащий, и увидел Фулька, ожидавшего меня. Он поднял шпагу и молча замахнулся ею на меня.

Я хотел броситься на лестницу. Возле дверей, на гранитном пьедестале стояла фигура оруженосца в полном вооружении. Днем я дотрагивался до звучной и пустой кирасы этой статуи. Теперь эта фигура вдруг сошла с пьедестала, загородила мне дорогу и грубо бросила в лицо железную перчатку, которую держала в руке и которая больно меня ушибла. Тогда гнев овладел мною и заменил ужас. Я схватил с одного трофея первую попавшуюся мне шпагу (оказалось, что это была шпага командора, повешенная мною) и бросился на моего фантастического противника.

О, ужас! Моя шпага, ударившись о его шпагу, не извлекла из нее ни звука, ни искры, как будто ударилась о пустое пространство!.. Потом вдруг я почувствовал под сердцем холодное острие, пронзившее меня насквозь; оно обожгло меня, подобно раскаленному железу. Я увидел, что кровь потекла из моей раны на плиты, и мне показалось, что я мало-помалу лишаюсь жизни...

XLIII. Кровавое пятно

На другое утро я опомнился на кровати, в маленькой комнате привратника. Он сказал мне, что около двух часов утра, беспокоясь о том, что я не прихожу, он взял сосуд, наполненный святой водой, и освященную буковую ветвь и пошел отыскивать меня. Он нашел меня на полу оружейной. Я лежал без чувств; правая рука моя крепко сжимала эфес шпаги командора, но раны у меня никакой не было.

Старый привратник и отшельник не расспрашивали меня о том, что случилось со мной в эту ужасную ночь, но оба советовали мне оставить замок как можно скорее. В тот же самый день я уехал из Тет-Фулька в Испанию, думая, что я навсегда освобожден от адского видения.

Увы! На следующую же пятницу, ночью, я вдруг был разбужен Фульком Тальефером, который стоял передо мной и готовился пронзить меня своей неотразимой шпагой. Я перекрестился. Призрак исчез в дыму, но я все-таки почувствовал удар, такой же, какой получил в оружейной, и мне точно так же показалось, что кровь полилась из моей раны. Я хотел встать с постели и позвать на помощь, но не мог и оставался в этом мучительном состоянии до пения первых петухов. Тогда я опять заснул, но сном беспокойным. На другой день я был болен, и мое физическое и нравственное состояние могло внушить сострадание даже смертельному врагу.

С того времени роковое видение посещает меня каждую неделю. Напрасно дал я обет не обнажать шпаги в пятницу даже для отмщения смертельной обиды, даже в случае законной обороны! Этой клятве, кавалер, изменил я сегодня, к моему несчастью, может статься!.. Напрасно также призывал я на помощь религию, исполнял строгие обряды набожности, которая в глазах многих покажется преувеличенной. Все это было бесполезно; моя жизнь – продолжительная мука, и если я еще не положил добровольно конца этой печальной жизни, которая тяготит меня, так потому только, что не хочу нарушить божественный закон, говорящий человеку: «Не поднимай на себя преступной руки твоей!»

Теперь вы знаете все, кавалер, теперь вы должны понять, почему мрачная и глубокая грусть положила неизгладимую печать на лице моем...

– Да, конечно! – отвечал Рауль. – Да, конечно, я понимаю все и жалею вас от всей души!

– Что вы думаете о том, что случается со мной?..

– Вы позволите мне быть откровенным с вами?..

– Не только позволяю, но даже прошу вас убедительно.

– Я сомневаюсь в существовании привидений, преследующих вас так жестоко.

– Как? – вскричал дон Реймон. – Как?! Вы сомневаетесь в моем слове!..

– О! В вашем слове я не сомневаюсь нисколько, – отвечал Рауль. – Наверное, вы искренни и действительно видели все то, что рассказали мне, но я не могу верить свидетельству ваших чувств...

– Итак, вы думаете, что это какая-нибудь галлюцинация с моей стороны?..

– Признаюсь.

– Вы думаете, что мое воображение, пораженное кровавым результатом моего поединка на улице Стретта и последними словами моего противника, само создало призраки, осаждающие меня!..

– Без сомнения.

– Вы думаете, наконец, что каждую пятницу меня давит кошмар, а не видение посещает меня?

– Да, я так думаю, – сказал кавалер.

– Смотрите же и не сомневайтесь более! – прошептал дон Реймон.

Как ни был закален Рауль против всех душевных волнений, но он почувствовал легкую дрожь, услышав эти слова. Ему показалось, что он увидит кровавый труп Фулькера или фантастический, закованный в железо призрак страшного сенешаля. Но взор его тотчас обратился на дона Реймона и он понял смысл слов, произнесенных последним. Командор распахнул свою рубашку.

– Посмотрите! – повторил он, указывая на свою открытую грудь.

Рауль подошел и увидел дюйма на два ниже сердца знак, который не был ни раной, ни шрамом, а чем-то вроде темно-красного пятна, узкого и длинного, очень похожего на отверстие раны, сделанной шпагой.

– Видите? – спросил дон Реймон.

– Да, – отвечал Рауль, – но я не понимаю, что это...

– Этот знак, – продолжал командор, – сделан шпагой сенешаля, которая поразила меня в ту минуту, как пробила полночь... Через два часа этот знак исчезнет... Ну, теперь, когда вы сами его видели, сомневайтесь, если можете...

Рауль не отвечал: он не мог опровергать того, что было очевидно, но точно также не хотел допустить и того, что было в рассказе командора сверхъестественного. Он решил молчать.

Дон Реймон сказал:

– Теперь, мне остается только поблагодарить вас за гостеприимство, которое вы оказали мне в эту ночь, и за благосклонное внимание, с которым вы слушали мою печальную историю. Квартира моя в двух шагах отсюда, и я прощусь с вами, кавалер.

У Рауля не было лишней постели, которую он мог бы предложить командору, и потому он не удерживал дона Реймона, но все-таки хотел непременно проводить его до дверей дома.

Они расстались, обменявшись взаимными уверениями в дружбе и преданности. Рауль вернулся домой через тайный проход и пошел прямо в комнату Жанны.

Молодая женщина не спала. Она ждала Рауля, и отсутствие его казалось ей нескончаемым. Это ожидание, присоединившись к испугу и волнениям того вечера, разгорячило ее кровь и придало совершенно новый оттенок цвету ее лица и блеску глаз. Жанна сияла красотой истинно божественной, и Рауль был ослеплен. Он сел возле кровати жены, взял прелестную руку, протянутую к нему, и сказал:

– Жанна, милое дитя, я был сегодня очень строг с вами, не правда ли?

– Вы находите? – спросила Жанна со сладостной и очаровательной улыбкой, с оттенком легкой грусти.

– Да, – отвечал Рауль, – строг и несправедлив, потому что проступок, в котором я упрекал вас, неосторожность, которая расстроила меня, сделаны вами от избытка любви...

– Ты это понимаешь... – прошептала молодая женщина с живейшей радостью.

– Да, понимаю, бедное дитя, вы ревновали...

– Рауль! Рауль! скажи мне, что я была не права?... скажи мне, что ты меня любишь... что ты любишь только меня, что ты меня не обманывал! – вскричала Жанна с лихорадочной восторженностью.

– Конечно, ты была не права! – воскликнул Рауль, страстно прижав к губам обе руки жены. – Точно так же, как и то, что ты – самое прелестное создание на свете, ты также и самое обожаемое!.. Мысль о другой любви (хотя бы даже и на один час) не может войти в то сердце, в котором ты царствуешь, и твои ревнивые подозрения доказывают только несправедливую недоверчивость.

– Однако, – прошептала Жанна, – эта женщина... Она...

– А! ты еще не убедилась! Эта женщина, эта Антония Верди не должна внушать тебе никакого подозрения... Клянусь тебе Богом и нашей любовью, что я ее не знаю, даже никогда не видал...

– Если так, то зачем ты занимаешься ею?..

– Ты хочешь, чтобы я тебе сказал?

– Я не требую, но умоляю.

– Я имею все причины подозревать, что Антония Верди принадлежит к полиции регента, а так как эта самая полиция разыскивает меня вследствие того мнимого заговора, о котором я уже говорил тебе, то интересы мои требуют разузнать все, касающееся Антонии Верди самым подробным и точным образом.

Объяснение это вовсе не было ясным, но Жанна хотела убедить себя и почувствовала, что доверие и радость возродились в ее сердце.

Все было забыто, и медовый месяц снова засиял для молодых супругов.

Часть вторая. Эмрода и К

XLIV. Сын браконьера

Если нам удалось пролить хотя бы некоторый интерес на первые главы нашего рассказа, если нашлись благосклонные и невзыскательные читатели, которые следовали за нами до сих пор, то они, без всякого сомнения, должны были не раз спрашивать себя, что за человек этот Рауль де ла Транблэ, до сих пор такое таинственное и загадочное лицо.

Мы видели, что он располагает баснословными сокровищами, что он переписывается с регентом и носит с собой пропуск, данный принцем и написанный в таких выражениях, которые показывают самую высокую милость. Мы видели, что он дрожит за эту милость, которой, по его мнению, могло лишиться его чародейство молодой итальянки. Мы видели, наконец, что он посредством обмана соединился с бедной Жанной, и слышали, как он признался маркизу де Тианжу в том, что он уже женат.

Нам кажется, что наконец настала минута рассказать читателям историю прошлой жизни нашего героя и объяснить все то, что казалось до сих пор таинственным. Впоследствии мы свяжем, как сумеем, нити, на минуту разорванные, нашего рассказа.

Лет за двадцать до той эпохи, в которую происходят рассказанные нами происшествия, в Пикардии находился старый замок, носивший название Ла-Транблэ. Этот замок, расположенный в нескольких лье от Амьена и на небольшом расстоянии от деревушки Кенуа, по справедливости знаменитой тем, что она была родиной самого великого живописца царствования Людовика XIV, бессмертного Лесюера, этот замок, говорим мы, обязан был своим названием довольно обширному лесу, состоявшему почти исключительно из осин. Странная судьба тяготела над последним владельцем этого огромного имения, маркизом Режинальдом, Гектором де ла Транблэ. Режинальду, наследнику богатой и могущественной фамилии, фортуна сначала улыбалась. Он женился на прелестной девушке, в которую был влюблен, и через несколько лет сделался отцом трех прелестных малюток, двух сыновей и дочери, на которых сосредоточилась вся любовь молодых супругов.

Но вдруг в ту минуту, когда старший мальчик достиг восемнадцатого года, странная болезнь положила его под холодный камень могилы. Это было первое горе для бедных родителей. Однако у них остались еще для утешения сын и дочь. Через год после преждевременной кончины старшего сына умерла дочь. Еще через год скончался и последний ребенок. Эти тягостные потери сильно поразили нежное сердце маркизы. Она не перенесла их и скоро последовала в могилу за тремя своими детьми.

Режинальд остался один на свете. Огромный замок, в котором некогда не прекращались шум и движение и в котором сердце маркиза наслаждалось радостями семейной жизни, родительской гордостью, неизменной и целомудренной супружеской любовью, вдруг превратился для него в одинокое и мрачное жилище, наполненное трауром и вечными слезами. Маркиз оделся в черное и поклялся никогда не снимать этой печальной одежды. Он навсегда отказался от двора и от света. Плечи его сгорбились, волосы поседели, глубокие морщины показались на лбу; в нем все изменилось, только кровавая рана его сердца не затягивалась и болезненно ныла.

Двадцать лет прошло таким образом. Режинальд позволял себе только одно развлечение, одно удовольствие: охоту. Но и на охоте, в то время как его егеря и собаки наполняли лес одни громкими звуками охотничьих рогов, а другие своим хриплым лаем, он часто оставался позади, молчаливый и погруженный в мысли, и останавливался где-нибудь на прогалине, дав своей лошади волю щипать траву и молодую зелень растений. В эти минуты слезы нередко

ручьями лились из его опухших и покрасневших глаз. Режинальд ждал и желал смерти; но смерть, эта мрачная и зловещая кокетка, зная, что ее ждут и желают, не торопилась приходить.

Недалеко от ворот парка, на берегу болотистого пруда, стояла хижина самой жалкой наружности. Хижина эта, сплетенная из тростника и обмазанная глиной, имела только одно нижнее жилье с низкой дверью и с тремя или четырьмя неправильными отверстиями вместо окон. Глядя на это странное жилище, можно было подумать, что оно давно оставлено своими обитателями. Глубокие трещины виднелись на стенах, которые, казалось, готовы были обрушиться при малейшем ветре. Ползучие растения застилали полусгнившую соломенную крышу, покрытую толстым слоем зеленоватого мха. Позади домика, окруженного живым забором из шиповника, простирался небольшой садик, очень дурно содержимый.

Внутренность хижины соответствовала внешности. Бедность, даже нищета не мешают опрятности и порядку – этой роскоши бедных. Мы видали мансарды, вся мебель которых не стоила и полсотни франков, однако, они могли удовлетворить самый взыскательный взгляд. В хижине, которую мы описали, было совсем не так. В ней была только одна комната, служившая жилищем трем человекам, дюжине кур и, наконец, свинье, которая, пробродив целый день по полям, возвращалась вечером спать на гнилой соломе, лежавшей в углу комнаты. Мебель состояла из двух кроватей, одной очень большой и другой очень маленькой, стола, комода и соснового шкафа, почти пустого. Четыре хромых стула и две ветхие скамьи стояли у стен или валялись на грязном полу.

Мы сказали, что в этой хижине жили три человека: это были – отец, мать и сын. Отец, отставной солдат французской гвардии, в молодости бывший порядочным негодяем, заимствовал на службе все пороки больших городов. Он звался Роже Риго и был женат на молодой девушке, которая принесла ему в приданое только одну красоту. Муж и жена обладали в равной степени отвращением ко всякому труду. Однако, так как праздность не могла кормить их, а жить было необходимо, Роже Риго воспользовался своим искусством в стрельбе и сделался браконьером. Напрасно лесные сторожа деятельно надзирали за ним, он обманывал их бдительность и убивал у них под носом множество зайцев и куропаток, которых жена его носила продавать в Амьен, где они служили начинкой вкусным пирогам, уже и в то время славившимся по всей Европе.

Через два года после женитьбы, Роже Риго стал отцом толстого мальчишки, который получил при крещении имя Рауля. Ребенок рос и, еще не достигнув того возраста, в котором начинают проявляться первые проблески ума, уже обнаруживал странную смесь добрых качеств и самых разнородных пороков. Только пороков было гораздо больше. В семь лет маленький Рауль, наследовавший всю красоту матери и получивший от неба слишком раннее развитие, был горд и непослушен, но исполнен пылкости и деятельности и одарен безграничной смелостью, непонятной в ребенке этого возраста. Не то чтобы он не понимал опасности и подвергался ей слепо, нет, опасность привлекала его бессознательно, как пламя свечи привлекает неблагоприятных бабочек. Он любил рисковать своей жизнью и решался на самые дерзкие предприятия с такой отважностью, с таким искусством и так счастливо, что всегда выходил из них здоров и невредим.

Будучи восьми лет, Рауль без узды и без седла ездил на самых бешеных лошадях, которые паслись на местных лугах. Вскочив на лошадь, он обхватывал ее одной рукой за гриву, а другой непрерывно бил по крестцу, сжимая своими крошечными ногами ее бока. Ему приятно было видеть, как красивое животное прыгало под ним и напрасно старалось освободиться от своего легкого и смелого всадника. Чтобы достать птичье гнездо, он влезал на кроны высоких деревьев и часто, перебираясь с одного дерева на другое, висел в воздухе, держась за ветви, так что случайный свидетель этих безумных шалостей не мог бы удержаться от испуга. Он переплывал самые быстрые и глубокие реки и однажды, вооруженный только палкой, убил бешеную собаку, от которой убежало с полдюжины крестьян с вилами и косами.

Между тем при всей своей храбрости, Рауль трепетал перед своим отцом. Отставной гвардеец был необыкновенно груб, и при неудачной охоте или в пьяном виде нередко облегчал свой несправедливый гнев побоями и издевательствами над своим бедным сыном. Не раз Рауль, наученный опытом и предвидя зверскую ярость, которой он часто бывал жертвой, убегал из родительского дома и проводил двое-трое суток в лесу.

Чем же питался он в это время? – спросит читатель. Это нисколько не затрудняло находчивого мальчика. В несколько часов он устраивал сети, в которых ловил маленьких птичек, потом разводил огонь, посредством трения двух сухих кусков дерева, и жарил своих пленников в пламени импровизированного костра. Картофель, который он собирал в поле и пек в горячей золе, заменял ему хлеб и дополнял вкусный обед. Спал он в гротах на мху и сухих листьях, заменявших, и, конечно, с выгодой, гнилую солому в доме Роже Риго. Когда он возвращался домой, его били, но он не очень печалился, довольный тем, что прожил несколько дней на свободе, не боясь грозно и постоянно висевшего над ним дамоклова меча – отцовского кулака.

Теперь, когда мы обрисовали несколькими словами характер и детство Рауля, посмотрим, каким образом сын браконьера достиг того, что занял в нашем рассказе такую важную роль.

В один осенний день – день мрачный и туманный – маркиз Режинальд с утра отправился на охоту. Стадо кабанов опустошало страну, и охотники надеялись убить одного из этих свирепых животных. Собак спустили со свор, и вся стая помчалась с быстротой молнии по прогалинам, чащам и кустарникам.

Маркиз де ла Транблэ, по своей почти неизменной привычке, в задумчивости ехал отдельно от других охотников. Маркизу Режинальду было тогда семьдесят лет. Длинные пряди серебристой белизны обрамляли его лицо, поблекшее от времени и горя; матовая, почти мертвенная бледность этого лица еще более подчеркивалась от черной пуховой шляпы и всей его одежды, по обыкновению, черной. Маркиз ехал на лошади огромного роста и необыкновенной силы. Правая рука его машинально опиралась на приклад короткого карабина, висевшего у седла. Карабин этот был черного дерева с серебряными инкрустациями – цвета траурные. Лошадь шла тихим шагом, всадник опустил поводья, погружившись в печальные мысли. Голоса собак и звуки рогов были едва слышны вдали.

Вдруг в кустах неподалеку от того места, где находился маркиз, послышался громкий шелест, и огромный кабан (не тот, за которым охотились) бросился почти прямо под лошадь, которая задрожала от испуга. Инстинкты старого охотника тотчас пробудились. Твердой рукой схватил он карабин, прицеливался с четверть секунды и выстрелил; но пуля вместо того, чтобы поразить кабана в шею или голову и положить его мертвым на месте, только оцарапала ему хребет и еще более увеличила бешенство. Разъяренное чудовище одним скачком очутилось подле испуганной лошади и ранило ее клыком в грудь. Лошадь заржала от боли, встала на дыбы, быстро перевернулась и бросилась на боковую тропинку, которая вела в чащу. Напрасно маркиз де ла Транблэ удерживал ее, желая соскочить на землю, чтобы убить кабана своим охотничьим ножом. Наконец, он дал ей волю бежать, надеясь, что через минуту легко управится с нею, так как до сих пор она была очень послушна.

Маркиз ошибался. Окровавленная и страдавшая от боли, лошадь мчалась все быстрее и быстрее и через четверть часа, пробежав более двух лье, очутилась на широкой прогалине, оканчивавшейся глубоким оврагом, в глубине которого, между гранитными глыбами, протекал быстрый ручей. Лошадь скакала в эту сторону, ей нужно было не более трех минут, чтобы достигнуть края оврага.

По всему было видно, что если маркизу не удастся направить бег лошади в другую сторону, то и лошадь и всадник подвергнутся смерти ужасной и неизбежной. Конечно, смерть не пугала старика, но он счел бы почти самоубийством не употребить всех усилий, чтобы спасти свою жизнь. Он сильно дернул за поводья и пришпорил лошадь левой ногой, надеясь принудить ее таким образом повернуть в другую сторону, но все было бесполезно: ни поводья, ни шпоры

не помогли. Лошадь не сворачивала с прямой линии, как пуля карабина. Только поводья лопнули в двух местах. Маркиз почувствовал себя погибшим. Соскочить с лошади нечего было и думать. Тогдашние седла, называемые «французскими», были высоки и заключали ноги всадника между двумя бархатными стенами, из которых невозможно было скоро высвободиться.

Маркиз де ла Транблэ заранее поручил душу Богу и вынул небольшой медальон, состоящий из двух круглых хрустальных пластинок, спаянных золотом. В медальон были вложены волосы четырех различных цветов. Эти волосы принадлежали жене и детям. Старик с жаром поцеловал медальон и прошептал:

— Я соединяюсь с ними!

Потом закрыл глаза и ожидал смерти...

В ту минуту, когда лошадь и всадник примчались на прогалину, белокурая головка показалась из-за группы молодых кустов, в нескольких шагах от оврага, о котором мы говорили. Мальчику, которому принадлежала эта головка, было около восьми лет. Он был высок и силен для своих лет и замечательной красоты, хотя одет в лохмотья. Черты его выражали решимость и ум. Возле него, на траве, лежало несколько пар убитых птиц, связанных вместе за лапы кожаным ремнем. Быстрый и громкий топот лошади, сильно ударявшей копытами о твердую землю, разбудил мальчика от глубокого и спокойного сна. Проснувшись, он подумал, что какой-нибудь смелый охотник мчится по прогалине во всю прыть для своего удовольствия, но, встав с места и взглянув на всадника, тотчас узнал маркиза де ла Транблэ. Для него было достаточно одной минуты, чтобы понять, что маркиза несет взбесившаяся лошадь и что он подвергается угрозе неминуемой смерти.

Мальчик не колебался ни минуты, выскочил из своего убежища и смело встал между лошадью и пропастью. Если бы маркиз Режинальд мог видеть это движение, он, конечно, задрожал бы от ужаса, угадав безумно смелое намерение мальчика, и закричал бы ему, чтобы он посторонился, но в это время у маркиза были закрыты глаза.

Между тем лошадь все скакала. Дыхание ее было шумно, бока приподнимались, густой пар вырывался из ее красных и горячих ноздрей... Менее чем в десять скачков она могла доскакать до оврага и обрушиться в него. Быстрее молнии пролетела она мимо мальчика, но тот, с проворством дикой кошки, бросился к ее голове и схватился обеими руками за мундштук. Оглушенная этим внезапным нападением, лошадь встала на дыбы и трянула головой, чтоб сбросить с себя новую тяжесть. Однако смелый мальчик не выпустил мундштука. Настала минута борьбы между двумя противниками, но борьба эта была непродолжительна, потому что лошадь, истощенная уже своим безумным бегом, скоро повалилась на землю, сильно ударившись головой о грудь своего победителя.

Маркиз де ла Транблэ был спасен, но спаситель его лежал на земле без чувств и весь в крови.

Этот мальчик (читатели наши без сомнения уже угадали) был не кто иной, как Рауль Риго, сын браконьера.

В ту минуту, когда маркиз Режинальд понял, что опасность миновала, и, высвободив свою правую ногу, попавшую под бок упавшей лошади, старался разгадать, чья благодетельная и неожиданная помощь спасла его, он вдруг заметил бесчувственное тело Рауля, сжатые руки которого все еще не оставляли мундштука. Маркиз поспешил поднять ребенка и посадил его, прислонив к стволу старого дерева. Он дотронулся трепещущей рукой до сердца Рауля, чтобы удостовериться, бьется ли оно, потом спустился в овраг и принес оттуда в своей пуховой шляпе холодной воды. Этой водой он обмыл неглубокую рану на груди мальчика. Оживленный ощущением внезапной свежести, мальчик скоро опомнился и раскрыл томные глаза. Он заметил Режинальда де ла Транблэ, наклонившегося над ним. Седые волосы маркиза почти касались его белокурых кудрей. Мальчик старался встать, и бледные губы его прошептали с выражением уважения:

– Маркиз... маркиз...

Режинальд закрыл рукой рот Рауля и сказал:

– Берегись, милое дитя, не говори пока... пусть кровь перестанет волноваться... пусть спокойствие возвратится к тебе...

Несмотря на кроткое увещание старика, Рауль быстро вскочил, покачал своей очаровательной головкой и отвечал:

– О! Я спокоен, маркиз, я не страдаю и никогда не чувствовал себя крепче и здоровее. Посмотрите...

Говоря это, он выпрямил свой стройный и тонкий стан и расправил грудь, еще запятнанную красными каплями.

– Посмотри, – сказал Режинальд, – кровь еще течет из твоей раны.

– Пустяки, – отвечал мальчик, – это царапина!.. Если я пойду на войну, маркиз, и получу меткую пулю или добрый удар шпагой, так ли еще потечет кровь!.. Притом кровь жидка, стало быть она создана для того, чтобы течь.

Маркиз не мог не улыбнуться живости Рауля и его мужеству. Он устремил долгий и пронизывающий взор на того, кто говорил таким образом, и был поражен, еще более, чем прежде, истинно аристократической наружностью маленького крестьянина, грубая одежда которого не могла скрыть его благородной и непринужденной осанки. Он любовался огненным взором Рауля, грациозными очертаниями его лица, гордостью походки, изяществом движений, потом прошептал:

– Это ребенок необыкновенный!

XLV. Роже Риго

Рауль выдержал продолжительный осмотр маркиза с легкой непринужденностью, в которой, однако, не было ничего слишком смелого и бесстыдного. Маркиз положил на голову ребенка свою бледную, худую руку, и сказал:

– Знаешь ли, что Господь свел тебя со мною затем, чтобы спасти мне жизнь?

– Господь все делает хорошо, – отвечал Рауль.

– Как могла прийти тебе в голову мысль остановить бешеную лошадь? Ты так слаб, ты еще дитя. Знаешь ли, что твой поступок был безумен...

– Маркиз, – сказал мальчик, – я видел, что вы не можете справиться с вашей лошадью, что поводья оборвались и что вы погибли, если вам не помочь. Я несколько не рассуждал о том, что делал, и хотя вы называете мой поступок безумным, но, как видно, он вовсе не таков, если мне удалось помочь вам.

Маркиз изумился удивительному хладнокровию и непритворной скромности мальчика.

– Ты храбр! – вскричал он наконец, – храбр, как старый солдат!

– Не знаю, – возразил Рауль.

– Как? Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что не знаю, храбр ли я; я только ничего не боюсь, вот и все.

Это было тонкое различие. Услышав его, маркиз не мог удержаться от улыбки во второй раз.

– Дитя мое, – сказал он, – ты здешний?

– Разве вы никогда меня не видали, маркиз? – спросил Рауль с удивленным видом.

– Нет, не видал, по крайней мере никогда не замечал...

– Я местный.

– Как тебя зовут?

– Рауль.

– Как зовут твоего отца?

– Роже Риго.

Маркиз нахмурил брови.

– Отставной гвардейский солдат?

– Да, маркиз.

– Беден он, не так ли?

– Очень беден.

– И живет браконьерством, как говорили мне лесные сторожа, – прибавил маркиз.

– Ваши сторожа солгали! – с гордостью вскричал Рауль.

«О чем я говорю с этим ребенком? – подумал маркиз. – Сын не может и не должен обвинять отца!»

Наступила минута молчания, потом Режинальд продолжал:

– У отца твоего много детей?

– Нет, я один.

– Твой отец тебя любит?

– Не думаю.

– Стало быть, он дурно обращается с тобой?

– Иногда.

– К чему он тебя приучает?

– Ни к чему. Он научил меня только читать. Он сам больше ничего не знает, и я также.

– Хочешь ты научиться чему-нибудь другому?

– О! да!.. Но это невозможно!

– Думал ли ты когда-нибудь о будущем?

– А что такое будущее, маркиз?

– Это время еще отдаленное, в которое ты перестанешь быть ребенком и станешь взрослым мужчиной.

– Да, я часто об этом думал.

– Что же ты намерен делать, когда наступит это время?

– Как только вырасту, я определюсь в солдаты, пойду на войну, чтобы возвратиться офицером и богатым.

– Разве ты хочешь иметь деньги?..

– Очень хочу.

– Зачем?

– Затем, что отец мой твердит беспрестанно, что человеку богатому не остается ничего желать, и что тогда пользуешься всеми удовольствиями и всевозможным счастьем на свете.

Маркиз вздохнул и обратил к небу глаза, наполнившиеся слезами, потом с грустью прижал к губам медальон с волосами тех, которых он так любил и которых еще до сих пор оплакивал. Рауль приметил эту грусть и не сказал более ни слова. Маркиз де ла Транблэ продолжал:

– Дитя мое, я сам хочу отвести тебя к отцу и сказать ему, что я обязан тебе жизнью...

– Как хотите. Только, пожалуйста, постарайтесь, чтобы он не прибил меня, а то вот уже два дня, как я убежал из дома...

– Будь спокоен, он до тебя не дотронется; но скажи мне, дитя мое, зачем ты убежал от отца.

– Я боялся, чтобы он не прибил меня.

– Что же ты сделал?

– Ничего.

– Однако же гнев твоего отца против тебя должен был иметь какую-нибудь причину, я полагаю...

– Никакой. У него не было денег, но ведь я в этом не виноват... а когда у него нет денег, он всегда бьет меня. Должно быть это его утешает.

- Бедное дитя! – прошептал маркиз.
- Итак, – спросил Рауль, – мне сегодня нечего бояться?
- Нечего, – отвечал Режиальд, – и сегодня и никогда!
- Если так, – весело вскричал ребенок, – я охотно пойду с вами.

Рауль сделал несколько шагов за маркизом, который подходил к своей лошади; но вдруг его румяные щеки побледнели, кровь потекла из раны, ноги подогнулись и он упал на траву. Испуганный этим неожиданным припадком, маркиз снова принялся ухаживать за Раулем, который почти тотчас же пришел в себя и встал, говоря:

– Ну вот все и кончилось...

– Хорошо, – вскричал маркиз, – но все-таки я вижу, что ты не в состоянии дойти до дому пешком.

– Ах, нет! Я дойду как нельзя лучше... – отвечал Рауль.

– Я не позволю...

– Если вам не угодно, я останусь здесь...

– Нет...

– Но ведь вы сами сказали, что не хотите, чтобы я шел...

– Ну да... я возьму тебя к себе на лошадь. Ты не будешь бояться ехать таким образом?

– Бояться! – повторил Рауль с насмешкой. – Я сам умею ездить верхом!

– Право? – сказал маркиз шепотом несколько недоверчивым.

Этот тон задел за живое непомерное самолюбие ребенка, силы которого на время возвратились. Он подбежал к лошади, которая присмирела от жестокого урока, полученного ею, и спокойно жевала траву, которую мундштук не позволял ей проглотить. Рауль вскочил на седло, подобрал оборванные поводья, ударил лошадь по боку и пустился в галоп, заставив ее перепрыгнуть через ствол упавшего дерева. Маркиз смотрел на это с возрастающим изумлением и шептал про себя:

«Я не ошибся, это ребенок необыкновенный!.. Как жаль, что он не мой сын!..»

Рауль соскочил с лошади.

– Теперь вы видите, маркиз, что я сказал правду, – пролепетал он, голосом едва внятным, потому что новая слабость овладела им, кровь начала течь опять и бледность увеличилась.

Маркиз обвязал платком грудь Рауля и, посадив его на лошадь впереди себя, поехал шагом в деревню, куда, по всей вероятности, не должен был возвращаться никогда. Дорогой он продолжал с Раулем разговор, начало которого мы рассказали, и при каждом ответе мальчика все более и более удивлялся его здравым суждениям и необыкновенно быстрой понятливости. Часа через полтора маркиз остановил свою лошадь у хижины браконьера и позвал его. На этот зов вышла только жена Роже, потому что самого браконьера не было дома. Маркиз передал ей Рауля, рассказал в нескольких словах, что случилось, и попросил ее сказать мужу, чтобы он пришел в замок, как только вернется. Крестьянка обещала.

Приехав домой, маркиз опустил в широкое кресло возле окна в гостиной и погрузился в продолжительные и глубокие размышления. Он думал, что само Провидение свело его с Раулем, и спрашивал себя, не указывало ли оно ему тем самым, что этот ребенок должен был заменить для него сыновей, которых он лишился. Мысль усыновить Рауля и сделать его наследником своего имени и состояния возникла в его уме.

У маркиза не было других наследников, кроме довольно дальних родственников; но все они были сами богаты, носили другую фамилию, и притом маркиз был совершенно равнодушен к ним. Между многочисленными горестями его жизни одна заключалась в мысли, что его старый замок и обширные земли увеличат, после его смерти, уже без того огромное состояние его родственников. С другой стороны, в сердце маркиза зарождалась живейшая привязанность, непреодолимое сочувствие к непонятному ребенку, к этому маленькому крестьянину, столь грациозному и столь храброму, пролившему кровь ради него. Может быть, эта привязанность

примирит его с жизнью и наполнит утешением и радостью дни его старости? Притом вне всех этих уважительных причин не было ли еще такой, которая одна должна была сильно перевешивать весы?.. Вырвать Рауля из рук жестокого и злого отца и доставить молодому орленку средства распусть свои крылья не значило ли совершить благочестивое и благотворительное дело – дело, внушенное самыми простыми и самыми сладостными чувствами признательности?

Вот что маркиз де ла Транблэ повторял себе, когда камердинер вошел в гостиную и доложил, что крестьянин Роже Риго пришел в замок по его приказанию.

– Приведи его сюда, сию же минуту, – отвечал старик.

Узнав от жены о том, что случилось утром, браконьер почуял прибыль, обласкал Рауля вместо того, чтобы избить его по обыкновению, тотчас надел лучшее платье и, не теряя ни минуты, побежал в замок.

Камердинер ввел его к маркизу. Отцу Рауля было около сорока лет. Высокий, сильный, он мог бы считаться красавцем, в самом пошлом значении этого слова; то есть, у него были очень широкие плечи, крепкие ноги и мускулистые руки, как у тех странствующих Алкидов, которые на ярмарках и на публичных площадях, поднимают тяжести в четыреста фунтов. Ухватки его выказывали военную крутость, и он продолжал носить длинные и черные, кверху загнутые усы, как будто все еще находился в службе. Его энергичное лицо, загорелое от солнца и от всяких непогод, выражало грубые и неистовые страсти; взгляд не был чистосердечен, а улыбка тонких губ как будто всегда скрывала ложь.

В этот день он надел чистую белую рубашку, повязал вокруг своей бычьей шеи галстук и натянул на плечи драгетовый полукафтан, на котором красовалось несколько заплат. Длинные кожаные штиблеты, сжимавшие его икры, намекали на занятие браконьерством. Наконец он держал в руке нечто в роде фуражки, цвет и форму которой нельзя было различить.

В ту минуту, когда Роже Риго вошел в гостиную, кланяясь до земли, маркиз Режиальд встретил его грациозным движением и сделал знак подойти. Браконьер повиновался. Он сделал несколько шагов и встал против маркиза неподвижно и прямо, как солдат под ружьем.

– Друг мой, – сказал ему маркиз, – если ты пришел, то, вероятно, уже видел свою жену.

– Видел, маркиз, – отвечал Роже.

– Без всякого сомнения, она сказала тебе, что твой сын спас мне жизнь...

– Да, я слышал, что мальчику посчастливилось оказать вам услугу, и благословил случай...

– Скажи лучше: Провидение...

– Да, маркиз, Провидение.

– Знаешь ли, что у тебя драгоценный сын?

– Мальчик добрый, я не спорю.

– Любишь ли ты его так, как он заслуживает быть любимым?

– Всякий любит по-своему, маркиз. Мы, бедняки, не можем любить наших детей так, как любят своих детей люди богатые и вельможи... Я иногда колочу мальчишку, когда он этого заслуживает, разумеется, а он заслуживает это часто. Но вы знаете пословицу, господин маркиз: кого люблю, того и бью.

– А! – возразил маркиз с улыбкой, – кажется, в этом смысле ты любишь его чересчур.

– Разве мальчишка жаловался на меня?

– Напротив, он заступался за тебя.

– Это был его долг! – прошептал браконьер. – Он знает, что я его люблю.

– согласишься ли ты расстаться с ним?

– Расстаться?.. зачем?

– Все равно... отвечай на мой вопрос.

– Надо прежде подумать, маркиз... Если это для его счастья... и для моего, – прибавил Роже про себя.

– Если бы какой-нибудь знатный и богатый человек взял к себе твоего Рауля и дал тебе слово обращаться с ним, как со своим собственным сыном, согласился бы ты на это предложение?

– Если бы мне предложили... но мне не предлагают...

– Ошибаешься!

– А разве предлагают?

– Положительно.

– Кто?

– Я.

– Вы, маркиз? – вскричал Роже, притворившись глубоко удивленным.

Мы говорим, притворившись, потому, что хитрый крестьянин давно уже угадал, чего хотел маркиз, и думал только о том, как бы извлечь побольше выгод из договора, который приготавливался заключить с ним.

– Вы, маркиз? – повторил он во второй раз.

– Я, – отвечал снова старик.

– О! если так, то согласиться можно... но вы понимаете, что я не могу отвечать сейчас...

– Отчего же?

– Дело важное, маркиз...

– Без сомнения, но я желаю, чтобы ты тотчас же решился.

– Подумайте, вы говорите мне о разлуке с сыном, а отцовское сердце всегда обливается кровью при этой мысли...

Подобная пародия на родительскую любовь возмутила маркиза. Однако он выразил свое отвращение только тем, что перебил Роже, сказав:

– Если ты действительно любишь своего сына, как говоришь, то не должен колебаться в желании доказать ему свою нежность и обеспечить его будущее.

– Маркиз, – философски заметил Роже, – богатство еще не приносит счастье!..

– Так, но по крайней мере оно способствует к нему.

– Притом, видите ли, мальчик мне помогает кое в чем... Я не могу обойтись без него...

– В чем же он помогает тебе? – спросил маркиз,

– Не могу вам объяснить этого в точности, но ребенок его лет всегда полезен в хозяйстве бедных людей...

– Потому-то я и намерен щедро вознаградить тебя за потерю, которую причинит тебе его отсутствие.

Этих слов Роже Риго ожидал с нетерпением с самого начала разговора. Маркиз коснулся единственной чувствительной струны в его сердце.

– Вы сказали, маркиз, – спросил браконьер, – что желаете взять моего мальчишку к себе?

– Да.

– Скоро?

– Сегодня же, сейчас же...

– Навсегда?

– Да, навсегда.

– Ну, маркиз, может быть, я и найду средство исполнить ваше желание...

– Каким образом?

– Рауль мой сын, мое добро, моя собственность. Он принадлежит мне, как Франция принадлежит королю. Я имею право оставить его у себя или отдать, словом, располагать им как мне вздумается...

– Никто этого не оспаривает.

– И если, – продолжал Роже свое рассуждение, – я соглашусь расстаться с мальчишкой, то единственно для его счастья, как вы сейчас сказали, маркиз.

– Потом?

– Конечно, я хочу, чтобы мой сын был счастлив... это самое большое мое желание, но мне кажется несправедливым, что мальчишка будет жить в полном довольстве, тогда как у меня нет ничего. Мне кажется несправедливо, что он будет спать на перине, а я на соломе, что у него будет десять блюд за обедом, между тем, как я буду умирать с голоду...

– Конечно, – подтвердил маркиз, – это было бы несправедливо...

– Как же быть?

– А вот я сейчас объясню тебе это...

Роже весь превратился в слух.

– Ты будешь, – продолжал маркиз, – получать от меня ежегодное содержание, которое доставит тебе мягкую постель, хороший стол, спокойную будущность...

Браконьер задрожал от радости.

– Как велика будет эта сумма, маркиз? – спросил он льстивым голосом.

– Назначь сам.

Роже подумал с минуту, потом сказал:

– Если я не ошибаюсь, маркиз, вы упомянули о ежегодном содержании?

– Ты не ошибаешься.

– Мне кажется, что тысяча двести франков...

– Ты их получишь, – с живостью отвечал маркиз.

«Я попросил слишком мало, но наверстаю на другом», – подумал Риго и потом сказал:

– Эта сумма, назначенная по контракту, будет выплачиваться мне пожизненно?

– Разумеется.

– А после моей смерти перейдет к моей жене?

– Да.

– Если вы уж так добры, маркиз, то не пожалуете ли еще одновременно триста ливров, чтобы перестроить мой бедный домишко?..

– Согласен.

– Не согласитесь ли также давать мне через каждые два года по две бочки водки?

– Хорошо.

– Наконец...

– Как! Еще что-нибудь?..

– О! почти ничего, маркиз! Простое позволение охотиться на вашей земле и в ваших лесах, с ружьем и без собаки, единственно для удовольствия.

Маркиз колебался. Как все помещики той эпохи, он очень дорожил своими охотничьими привилегиями, но тотчас же рассудил, что такой Роже, опасный браконьер, истреблял украдкой не меньше дичи, чем мог бы настрелять явным образом, и согласился.

– Ты получишь это позволение, – сказал он.

– Не знаю, право, как и благодарить вас, маркиз! – вскричал крестьянин.

– Теперь все кончено, не правда ли? – спросил маркиз. – Твой сын принадлежит мне?..

– Совершенно, маркиз, он перестает быть моей собственностью и становится вашей...

Я отказываюсь от всех моих прав на него и уступаю их вам... тяжела для меня эта жертва, маркиз, но я приношу ее единственно для пользы моего милого малютки...

Маркиз снова перебил бесстыдного притворщика и сказал:

– Завтра будет подписано условие о получении тобою пожизненной пенсии. Теперь ступай за своим сыном и приведи его ко мне.

Браконьер тотчас вышел и скоро вернулся назад с сыном. Таким образом Рауль Риго вступил в замок Транблэ.

XLVI. Режинальд и Рауль

Предчувствия и надежды маркиза де ла Транблэ не замедлили осуществиться. Присутствие Рауля возвратило в замок и в сердце маркиза если не радость, то, по крайней мере, жизнь. Улыбка, так долго не освещавшая бледных губ Режинальда, снова, хотя и изредка, начала появляться. Шумные игры, веселые крики ребенка заменили в длинных коридорах и в обширных залах угрюмое безмолвие могилы. Маркиз де ла Транблэ начал опять любить.

Едва вступив в среду богатства и знатности, Рауль привык к ним так скоро, что можно было подумать, будто он от самого рождения воспитан в аристократических привычках и что благородная кровь дворянского рода текла в его жилах. По всему было видно, что если бы Рауль не имел беспрерывно перед своими глазами бедной хижины, в которой родился, он скоро уверил бы себя, что в его происхождении нет ничего плебейского.

Мы узнаем, каковы были намерения Режинальда относительно Рауля. Старый маркиз предполагал после нескольких лет испытания усыновить его законным образом, получить от короля право передать ему имя и герб ла Транблэ и оставить ему, как единственному сыну, свое огромное богатство. Но эти планы в глазах Режинальда могли осуществиться только в таком случае, если Рауль окажется достойным тех милостей, которые ожидали его в будущем. Прежде всего надо было образовать сердце и развить способности молодого человека. Гувернеру с неоспоримыми достоинствами поручено было заняться воспитанием Рауля. Под искусным руководством этого наставника сын браконьера делал быстрые успехи и превзошел ожидания маркиза. Горячий, пылкий, решительный, Рауль обратил к труду всю свою горячность, всю пылкость, всю решимость. Твердыми и верными шагами шел он по той трудной и усыпанной терниями тропинке, которой наука окружает доступ к себе, шел прямо к цели, не отступая ни на шаг, перепрыгивая через препятствия, вместо того чтобы обходить их.

Рауль едва достиг шестнадцатого года, а наставник уже находил, что более нечему было учить его. Тогда-то старый маркиз наслаждался всем счастьем той искусственной родительской любви, которую он создал себе. Свободный от занятий, Рауль сделался для маркиза неразлучным товарищем. Молодой человек сопровождал его на охоту. Маркиз, казалось, помолодел на десять лет. По вечерам они часто играли в шахматы. Рауль сделался очень силен в этой трудной игре. Потом маркиз, думая, что молодому человеку нужно другое общество, кроме общества старика, раскрыл двери своего замка для соседнего дворянства, и с той поры в замке каждый день бывали многочисленные собрания, праздники, карусели. Рауль торжествовал над всеми своими соперниками изящным обращением, грациозной осанкой, несравненной ловкостью, так же, как и роскошью и великолепием одежды. Маркиз Режинальд не ставил границ своей щедрости относительно Рауля и расточал молодому человеку столько золота, что тот, не зная, как употребить его, откладывал часть в железную шкатулку, которая стояла у него в комнате и наполнялась с каждым днем все более и более.

Теперь если нас спросят, какое же место занимали в привязанности Рауля те, которым он обязан был жизнью, мы, к сожалению, должны будем ответить, что молодой человек вовсе не думал о них. Рауль не любил родного отца, и это отвращение если не извинительно, то, по крайней мере, сколько-нибудь понятно, но нам кажется странным, что он как будто совершенно позабыл о своей матери, на которую никогда не мог пожаловаться. Он даже негодовал на эту бедную женщину, зачем она произвела его на свет в таком жалком и неизвестном состоянии; он нарочно делал крик, чтобы не проходить мимо хижины, в которой жила она и, не желая прямо ее смерти, не заплакал бы, узнав о том, что она умерла.

Конечно, все это доказывало глубокую сухость души молодого человека и беспредельную гордость. И действительно, Рауль от всего сердца отдал бы все материальное счастье, которым

вполне наслаждался, чтобы только иметь право назваться сыном какого-нибудь знатного дворянина, хоть бы и бедного.

«Если бы маркиз де ла Транблэ был моим отцом, – думал он, – меня называли бы графом, а не просто мосье Раулем, как называют теперь».

Это были тяжелые раны для непомерного самолюбия молодого человека, но Рауль старательно скрывал их, и маркиз Режиальд не подозревал ничего.

Таким образом прошло два года. Сын браконьера сделался бесспорно самым красивым, самым изящным молодым человеком во всей стране. Когда он ехал на своей великолепной серой лошади, молодые девушки долго следовали за ним взором и сердца их провожали его, когда глаза уже не видели более. В окрестностях даже говорили, и мы готовы верить этим слухам, что будто две знатные владетельницы в Пуату краснели и робели в его присутствии и вздыхали, думая о нем.

В тот день, когда Раулю исполнилось восемнадцать лет, камердинер маркиза вошел в его комнату, немного ранее десяти часов утра, и сказал, что маркиз де ла Транблэ просит его пожаловать к нему. Рауль быстро оделся и побежал к своему приемному отцу. Как только молодой человек вошел в комнату, в которой ожидал его старик, тот встал со своего кресла, подошел к нему, обнял обеими руками, поцеловал в лоб с глубокой нежностью и сказал:

– Да благословит тебя Господь, дитя мое, как благословляю я, и да позволит – я прошу Его об этом на коленях, – чтобы год, начинающийся для тебя, превзошел счастьем кончившийся!..

Рауль разделил отчасти волнение, с каким были произнесены эти слова. В свою очередь он обнял маркиза и прошептал:

– Благодарю, добрый батюшка, благодарю вас за вашу нежность, и да продлит Господь мою жизнь, чтобы я мог посвятить ее вам!..

– Дитя мое, – сказал маркиз де ла Транблэ, взяв Рауля за руку и указывая ему на стул возле себя, – садись нам надо поговорить...

Рауль повиновался и молча ожидал, чтобы маркиз Режиальд начал разговор. Лицо старика дышало, как всегда, самой нежной любовью, но вместе с тем в нем видно было выражение какой-то необыкновенной торжественной важности. Вероятно, разговор предстоял серьезный и о самом важном предмете. Маркиз начал его таким образом:

– Милое дитя, сегодня тебе минуло восемнадцать лет... десять лет прошло с тех пор, как мы живем вместе и я смотрю на тебя, как на сына... С того дня, как ты в первый раз переступил через порог моего дома, я не пренебрег ничем, что казалось мне необходимым для обеспечения твоего счастья... Я старался развить твое тело и образовать ум; мне удалось и то и другое, и ни болезнь тела, ни пороки, эти болезни души, не приблизились к тебе... кажется, тебе не за что упрекать меня, не правда ли, Рауль?

– О! батюшка, батюшка... – вскричал молодой человек. Упрекать?! Что вы говорите? Мне упрекать вас!.. когда, напротив, я не нахожу слов, как выразить перед вами достойным образом мою глубокую и вечную признательность!..

Маркиз дружески знаком остановил Рауля и продолжал:

– Дитя мое, я счастлив, бесконечно счастлив, что могу сказать тебе это... ты исполнил все мои желания, превзошел все мои надежды!.. Ты моя радость, мое утешение... я горжусь тобой, и нет во всем прекрасном французском королевстве ни одного дворянина, который не почувствовал бы подобной гордости, если бы имел сына, похожего на тебя!..

Выказывая притворную скромность, Рауль хотел было прервать маркиза, но старик продолжал:

– Я хорошо узнал тебя, дитя мое. Ты добр, сердце у тебя благородно, а душа возвышенна. Может быть, я способствовал развитию блистательных способностей и прочных добродетелей, которыми ты можешь хвалиться по справедливости. Эта мысль будет радостью последних минут моей жизни... Настал день, в который ты должен получить справедливую награду. Эта

награда будет достойна твоих высоких качеств. До сих пор, ты был моим сыном только по сердцу, отныне ты будешь моим сыном по закону —

Старик замолчал. Рауль, никогда не подозревавший о намерениях маркиза, прошептал:

— Батюшка, что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, — отвечал маркиз, — что отныне законный акт усыновления должен связать нас друг с другом неразрывно, что я выпрошу у короля позволение передать тебе мой герб, фамилию и титул и представлю тебя всем моим вассалам и арендаторам, как моего единственного сына и наследника...

Старик снова замолчал.

Рауль думал, что это сон. Он был ослеплен и как будто уничтожен блестящей перспективой, открывавшейся перед ним. Последние слова маркиза де ла Транблэ взволновали его. Как! Он, сын ничтожного браконьера, вдруг очутился на самой высокой ступени общественной лестницы, вдруг делается богачом, знатным дворянином, которому все будут завидовать... сегодня он граф де ла Транблэ, потом маркиз... Он женится на какой-нибудь молодой девушке из хорошей фамилии, поедет ко двору, делается любимцем короля, который даст ему полк, окружит его почестями!.. Кто знает, где назначен предел его счастья?..

Менее чем в одну минуту эти ослепительные мечты промелькнули в воображении Рауля. Уверив себя, что все это, в самом деле, может осуществиться, молодой человек бросился на колени перед маркизом Режинальдом, покрыл поцелуями и слезами радости его ноги и пролепетал искренние и пылкие уверения в беспредельной признательности.

Маркиз тотчас прекратил эти излияния.

— Довольно, милое дитя, ты теперь знаешь мое неизменное намерение. Через месяц оно исполнится непременно. Завтрак должен быть готов, сядем за стол, а потом поедем верхом... Сегодня я очень расположен поохотиться на зубров, и не знаю почему, но мне кажется, что у нас будет славная охота!..

Рауль последовал за маркизом, и через час они оба уже скакали по густой аллее леса. Проезжая под сводом высоких дубов, Рауль невольно нагибался. Будущий наследник рода маркизов де ла Транблэ боялся ушибить о гигантские ветви свой лоб, сиявший гордостью!..

XLVII. Охота на кабана

Прошла неделя после происшествий, которые мы рассказали нашим читателям в последней главе. Режинальд принял все нужные меры для полного и совершенного исполнения своей воли. Письмо к королю было написано, и курьер уже получил приказание быть готовым отвезти это письмо в Версаль. Маркиз написал законным образом акт усыновления, оставалось только подписать этот акт. Еще несколько часов, и Рауль должен был достигнуть ослепительной цели, о которой он еще недавно не смел даже и мечтать.

В этот день маркиз пригласил человек десять соседних дворян на большую охоту на кабанов. Назначено было ехать в восемь часов утра и завтракать в лесу, между тем, как егеря с собаками будут отыскивать следы зверя.

В ту минуту, когда пробило восемь часов, соседние дворяне, приглашенные маркизом, собрались уже на парадном дворе замка, но Режинальд, вопреки своим привычкам, запаздывал. Рауль заменял его и принимал со своей обычной любезностью гостей своего приемного отца.

Наконец маркиз вышел. Пока он проходил через широкую стеклянную дверь, которая вела из передней на крыльцо, Рауль при виде его не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от удивления и испуга. Маркиз был очень бледен. Он шел с трудом, и взгляд его больших глаз, до сих пор такой гордый, пронизательный и исполненный жизни, казалось, был мрачен и как бы

покрыт туманом. Рауль одним прыжком перепрыгнул ступени крыльца и, очутившись возле старика, спросил с живостью:

– Что с вами, мой добрый батюшка?.. Боже мой!.. Что с вами?..

– Со мною, дитя мое? – отвечал Режинальд. – Ничего, уверяю тебя.

– О! – сказал Рауль. – Вы страдаете!..

– Вовсе нет.

– Вы не были больны ночью?

– Нисколько, но к чему эти вопросы?..

– У вас болезненный вид. Мне показалось, что вы нездоровы и я встревожился. Я очень рад, что ошибся!..

– Благодарю за твое беспокойство, – сказал старик, улыбаясь. – Милое дитя, оно мне доказывает, как ты меня любишь, но повторяю: оно безосновательно. Правда, проснувшись сегодня утром, я нашел, что голова моя немножко тяжела, и пока камердинер одевал меня, со мною сделалось головокружение, но теперь все прошло... Если на лице и остались еще какие-нибудь следы этой легкой дурноты, то, без сомнения, утренняя свежесть и движение совершенно рассеют их...

Маркиз, не опираясь даже на руку Рауля, сошел со ступеней и подошел поздороваться со своими гостями.

– На лошадей, господа! – сказал он потом.

Но в ту минуту, когда старик, желая подать пример другим охотникам, ухватился рукой за гриву своей лошади и совал ногу в стремя, он вдруг принужден был остановиться. Рука его не имела силы, а сам он зашатался и, наверно, упал бы, если б один из егерьей не поддержал его. Яркая краска вдруг покрыла лицо маркиза.

– Батюшка... батюшка!.. вскричал Рауль. – Ради Бога, откажитесь от этой охоты!..

– Нет! – отвечал маркиз с непривычной резкостью. – Разве я дряхл до такой степени, что должен слечь в постель оттого, что со мною сделалось маленькое головокружение?.. Напротив, я хочу охотиться, и держу пари, что превзойду всех вас!..

Говоря таким образом, Режинальд сел на седло и прищпорил лошадь, закричав:

– В галоп, господа!.. В галоп!.. Кто меня любит, за мной!..

Завтрак был приготовлен в прогалине, под ветвями огромного дерева. Он состоял из холодного мяса, фруктов и из большого количества бутылок лучших испанских и французских вин. Все сели на траву, и начали завтракать с аппетитом, еще более возбуждаемые прохладой легкого утреннего ветерка. Завтрак был очень весел. Режинальд пил и ел много и беспрестанно разговаривал. Посреди общего разговора один Рауль был мрачен, озабочен, задумчив. Откуда происходила эта грусть, которую, казалось, ничто не должно было оправдывать? Он сам не мог бы ответить на этот вопрос. Только странное и печальное предчувствие сжимало ему сердце.

Отдаленный и хриплый лай повторился вдруг шестьюдесятью голосами всей стаи и громко огласил лес. Кабана выгнали. Тотчас рюмки были наполнены и осушены в последний раз. Собеседники бросили салфетки и побежали к своим лошадям. Режинальд не из последних сел на седло. Охотники быстро поскакали в том направлении, куда побежали собаки. Рауль дал себе слово не расставаться ни на минуту с маркизом, но старик, проехав с полмили вместе с другими, вдруг повернул лошадь на боковую тропинку, пересекавшую лес поперек. Рауль поскакал за ним. Однако потому ли, что у маркиза лошадь была лучше, нежели у его приемного сына, или старик прищпорил ее, только он скоро значительно опередил Рауля. Молодой человек потерял его из вида, но упорно старался догнать и скакал за ним до тех пор, пока не очутился на таком месте, где сходились три тропинки, ведущие совершенно в противоположные стороны. Не зная, по которой поехал маркиз, Рауль остановился, чтобы поразмыслить, на что ему решиться.

Размышления его продолжались недолго: почти тотчас же он услышал с левой стороны голоса собак и звуки рогов. Без всякого сомнения, Режинальд поехал в ту сторону. Рауль снова пустил свою лошадь в галоп, чтобы присоединиться к охотникам, в уверенности, что найдет между ними и маркиза. Через несколько минут молодой человек очутился посреди группы дворян, остановившихся в аллее, но маркиз еще не приезжал. В этом, конечно, не было ничего особенно удивительного, потому что маркиз, попав, может быть, на какую-нибудь запутанную тропинку, заблудился, но мог приехать с минуты на минуту. Это предположение было очень правдоподобно, однако Рауль невольно побледнел и задрожал.

– Маркиз сейчас приедет! – говорили охотники.

«Он не приедет!» – отвечал мысленно Рауль.

В ту же минуту в лесу послышался сильный топот лошади, которой было еще не видать.

– Это должен быть он! – вскричал кто-то.

Сердце Рауля перестало биться. Ветви, закрывавшие тропинку, почти непроходимую, раздались, и лошадь, топот которой слышали охотники, бросилась в аллею. Она была без седока и пустые стремяна бились о бока ее, покрытые пеной. С громким ржанием пронеслась она мимо охотников и продолжала свой неистовый бег. Глухой крик вырвался из сжатого горла Рауля.

– Ах! Я это предчувствовал! – прошептал молодой человек. – Я предвидел, что с моим отцом случится несчастье!..

И он бросился на тропинку, откуда прибежала лошадь маркиза. Другие охотники последовали за ним, разделяя его ужас и как бы предугадывая какое-нибудь ужасное происшествие. Рауль пролетел как молния сквозь сеть густо разросшихся ветвей, которые до крови раздирали ему лицо и руки. Молодой человек не чувствовал царапин, кровь текла, а он не примечал этого. На каждом шагу сердце говорило ему, что скоро он увидит душераздирающее зрелище.

Наконец он очутился на том месте, где тропинка, по которой он скакал, выходила на аллею довольно широкую.

Маркиз лежал тут распростертый на земле, ничком. Рауль глухо вскрикнул, соскочил с лошади и, став на колени возле своего приемного отца, приподнял его и приложил руку к сердцу, как бы желая убедиться, жив ли он. Молодой человек делал для маркиза де ла Транбля то же самое, что маркиз для него в этом самом лесу десять лет тому назад.

Сердце Режинальда уже не билось. Рауль прижимал к своей груди безжизненный труп с лицом почти черным. Старик умер от апоплексического удара.

XLVIII. Наследники

Когда спутники Рауля подъехали, в свою очередь, к безжизненному телу маркиза, когда несчастный молодой человек наконец убедился, что страшный удар, поразивший его, был невосвратен, отчаяние его не имело границ. Рауль, наши читатели уже знают это, не принадлежал к числу тех особенно нежных и любящих натур, которые живут только сердцем, однако же он был способен чувствовать глубокую и искреннюю привязанность. Поэтому, когда молодой человек увидел, что тесная связь, соединявшая его с маркизом, навсегда разорвана, он впал в глубокое отчаяние. В первую минуту никакая честолюбивая или алчная мысль не прилеплялась к его горести. Он помнил только безграничную доброту, трогательную нежность маркиза, который заменял ему отца и даже более, чем отца, и который еще утром, час тому назад, исполненный жизни, теперь был уже охладевшим трупом. Горе Рауля было ужасно, но безмолвно и сосредоточенно. Он не ломал себе рук, сумел сдержать стоны, которые облегчили бы его горе; только лицо его помертвело и слезы обильно струились по щекам.

Охотники наскоро сделали из ветвей носилки, положили на них тело маркиза и пешком, без шляп, медленно, подобно похоронной процессии, пошли к замку из которого еще так недавно выехали на веселую прогулку.

С большой пышностью положили они тело маркиза на парадную постель в той комнате, которую он занимал при жизни; двести свечей горело вокруг покойника. Рауль провел остаток дня и целую ночь на коленях возле своего названного отца, отказываясь от пищи, которую ему приносили, и не слушая даже утешений, которыми его осыпали.

Пока молодой человек исполнял этот благочестивый долг, управитель покойного маркиза де ла Транблэ не терял времени понапрасну. Эта почтенная особа, желая знать, действительно ли Рауль был законным наследником имения и титулов маркиза, или оставался в замке только непрошеным гостем, деятельно рылся в бумагах, которые находились в кабинете его покойного господина. Там он сделал драгоценные открытия. Он нашел акт усыновления Рауля, составленный по всем формам и написанный собственной рукой Режинальда, но без подписи. Он нашел также письмо, адресованное на имя короля, которое курьер должен был отвезти на другой день, и удостоверился наконец, что завещания не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.